

ISSN 2219-6838

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ
ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ИНФОРМАЦИОННОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ
ИНТЕРАКТИВНОЕ ИЗДАНИЕ**

Основано в 2010 году

2/2023

electronic.ruzh.org

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – к. ю. н., доц. **И. В. Федоров**

д. ю. н., доц. **О. И. Андреева** (Томск), д. ю. н., проф. **Ю. С. Безбородов** (зам. гл. редактора), д. ю. н., проф. **О. В. Болтинова** (Москва), д. ю. н., проф. **Л. Ю. Василевская** (Москва), д. ю. н., проф. **Т. С. Волчецкая** (Калининград), д. ю. н., проф. **С. Ю. Головина** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Е. Р. Ергашев** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **С. К. Загайнова** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Т. В. Заметина** (Саратов), д. ф. н. **О. А. Зигмунт** (Фехта), д. ю. н., проф. **И. А. Игнатъева** (Москва), д. ю. н., проф. **С. В. Кодан** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **И. Я. Козаченко** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Н. В. Козлова** (Москва), к. ю. н. **Я. Койстинен** (Хельсинки), д. ю. н., проф. **В. В. Комарова** (Москва), к. ю. н., проф. **Т. В. Кондрашова** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **П. И. Кононов** (Киров), д. ю. н., проф. **Э. А. Кочкарова** (Бишкек), д. ю. н., проф. **Е. В. Кудрявцева** (Москва), д. ю. н., проф. **П. У. Кузнецов** (Екатеринбург), к. ю. н., доц. **А. В. Лисаченко** (Екатеринбург), к. ю. н., доц. **Т. Е. Логинова** (Пермь), д. ф. н., проф. **И. П. Малинова** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **С. Ю. Марочкин** (Тюмень), д. ю. н., доц. **М. В. Мещанова** (Минск), д. ю. н., проф. **С. П. Мороз** (Алматы), д. и. н., проф. **В. П. Мотревич** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **В. В. Никишин** (Санкт-Петербург), д. ю. н., проф. **Д. В. Осинцев** (Екатеринбург), проф. **П. Поликастро** (Щецин), д. ю. н., доц. **С. Б. Поляков** (Пермь), д. ю. н., проф. **В. Ф. Попондопуло** (Санкт-Петербург), д. ю. н., проф. **С. В. Рыбакова** (Саратов), д. ю. н., проф. **Г. В. Сахнова** (Красноярск), д. ю. н., проф. **Е. В. Смахтин** (Тюмень), д. ю. н., проф. **А. И. Стахов** (Москва), д. ю. н., доц. **В. Л. Толстых** (Новосибирск), д. ю. н., проф. **А. Трунк** (Киль), д. ю. н., проф. **М. Ю. Федорова** (Санкт-Петербург), к. ю. н., проф. **С. Д. Хазанов** (Екатеринбург), проф. **Хуан Даосю** (Пекин), д. ю. н., проф. **В. М. Шафиров** (Красноярск), проф. **П. Шокин** (Лёвен)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – **I. Fedorov** (candidate of legal sciences, assoc. prof.)

O. Andreeva (doctor of legal sciences, assoc. prof., Tomsk), **Yu. Bezborodov** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **O. Boltinova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **E. Ergashev** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **S. Golovina** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **Huang Daoxiu** (prof., Beijing), **I. Ignatieva** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **S. Khazanov** (cand. of legal sciences, assoc. prof., Yekaterinburg), **E. Kochkarova** (doctor of legal sciences, prof., Bishkek), **S. Kodan** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **Ja. Koistinen** (candidate of legal sciences, Helsinki), **I. Kozachenko** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **N. Kozlova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **T. Kondrashova** (cand. of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **P. Kononov** (doctor of legal sciences, prof., Kirov), **V. Komarova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **E. Kudryavtseva** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **P. Kuznetsov** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **A. Lisachenko** (cand. of legal sciences, assoc. prof., Yekaterinburg), **T. Loginova** (cand. of legal sciences, assoc. prof., Perm), **I. Malinova** (doctor of philosophical sciences, prof., Yekaterinburg), **S. Marochkin** (doctor of legal sciences, prof., Tyumen), **M. Miashchanava** (doctor of legal sciences, assoc. prof., Minsk), **I. Moroz** (doctor of legal sciences, prof., Almaty), **V. Motrevitch** (doctor of historical sciences, prof., Yekaterinburg), **V. Nikishin** (doctor of legal sciences, prof., Saint Petersburg), **D. Osintsev** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **P. Policastro** (prof., Szczecin), **S. Polyakov** (doctor of legal sciences, assoc. prof., Perm), **V. Popondopulo** (doctor of legal sciences, prof., Saint-Petersburg), **S. Rybakova** (doctor of legal sciences, prof.), **T. Sakhnova** (doctor of legal sciences, prof., Krasnoyarsk), **O. Siegmunt** (doctor of philosophy, Vechta), **E. Smakhtin** (doctor of legal sciences, prof., Tyumen), **A. Stakhov** (doctor of legal sciences, assoc. prof., Moscow), **V. Tolstykh** (doctor of legal sciences, assoc. prof., Novosibirsk), **A. Trunk** (doctor of legal sciences, prof., Kiel), **M. Fedorova** (doctor of legal sciences, prof., Saint Petersburg), **V. Shafirov** (doctor of legal sciences, prof., Krasnoyarsk), **P. Schoukens** (prof., Leuven), **L. Vasilevskaya** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **T. Volchetskaya** (doctor of legal sciences, prof., Kaliningrad), **S. Zagaynova** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **T. Zаметина** (doctor of legal sciences, prof., Saratov)

Редакционная коллегия определяет текущую редакционную политику журнала, рассматривает и утверждает содержание очередных номеров, контролирует деятельность журнала

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207

Корреспонденцию, материалы и статьи направляйте по адресу:

620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, УрГЮУ,

редакция «Российского юридического журнала».

Тел./факс (343) 375-54-20.

E-mail: rzh@usla.ru.

electronic.rzh.org.

Свидетельство о регистрации Эл № ФС 77-41478 от 28 июля 2010 г.

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции.

Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в «Электронном приложении к „Российскому юридическому журналу“», допускается только с разрешения редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

- Назарькова Е. О. (Екатеринбург)* Юридические коллизии актов официального судебного толкования и возможные способы их разрешения 5

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Толстых В. Л. (Москва)* Конфликтный потенциал Центральной Азии и международное право 14
- Кудинов А. С. (Москва)* Аральское море: глобальное решение региональной проблемы 32

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Горобец Д. Г. (Ростов-на-Дону)* Сложности и перспективы уголовно-правовой оценки деяний «технических» компаний, способствующих уклонению от уплаты налогов 40

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Миронов В. Ю., Карамышев Д. А. (Саратов)* Понятие, виды и роль налоговых информационных ресурсов в выявлении и доказывании нарушений налогового законодательства 46
- Осинцев Д. В. (Екатеринбург)* Что изучает административно-процессуальное право? 55

ТРУДОВОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПРАВО

- Коваль В. П. (Екатеринбург)* Соотношение правовой позиции суда с правоположением в трудовом праве 72

ЮРИДИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

- Овчинникова О. А. (Екатеринбург), Морева О. В. (Новосибирск)* Книги из библиотеки Владимира Дмитриевича Набокова в собрании научной библиотеки Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева 85

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Чичулин А. В. (Омск)* Актуальные вопросы становления кооперативного законодательства России (вторая половина XIX – начало XX века): ретроспективное исследование 99

СТУДЕНЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

- Пермяков Г. С. (Екатеринбург)* Частные военные и охранные компании: необходимость международно-правового регулирования деятельности 110

CONTENTS

THEORY OF LAW AND STATE

- Nazarkova E. (Yekaterinburg)* Collisions between interpretative acts of courts and potential ways of their resolving 5

INTERNATIONAL LAW

- Tolstykh V. (Moscow)* Conflict potential of Central Asia and international law 14
Kudinov A. (Moscow) The Aral Sea: A global solution to a regional problem 32

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

- Gorobets D. (Rostov-on-Don)* Difficulties and prospects of criminal-legal assessment of the acts of «technical» companies contributing to tax evasion 40

ADMINISTRATIVE LAW AND PROCEDURE

- Mironov V., Karamyshev D. (Saratov)* The concept, types and role of tax information resources in identifying and proving violations of tax legislation 46
Osintsev D. (Yekaterinburg) What does administrative procedural law study? 55

LABOUR AND SOCIAL LAW

- Koval' V. (Yekaterinburg)* Correlation of the court's legal position with a legal provision in labour law 72

LEGAL HERITAGE

- Ovchinnikova O. (Yekaterinburg), Moreva O. (Novosibirsk)* Books from the library of Vladimir Dmitrievich Nabokov in the collection of the Scientific library of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev 85

PAGES OF HISTORY

- Chichulin A. (Omsk)* Current issues in the formation of cooperative legislation in Russia (second half of the XIX – beginning of the XX century): a retrospective study 99

STUDENTS' BULLETIN

- Permyakov G. (Yekaterinburg)* Private military and security companies: the need for international legal regulation 110

ЮРИДИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ АКТОВ ОФИЦИАЛЬНОГО СУДЕБНОГО ТОЛКОВАНИЯ И ВОЗМОЖНЫЕ СПОСОБЫ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

Назарькова Евгения Олеговна

Аспирант кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0000-0001-5883-3943, e-mail: eonazarkova@yandex.ru.

Статья посвящена вопросу о возможных способах разрешения юридических коллизий актов официального судебного толкования. Сначала автор обращается к содержанию понятий акта официального толкования, акта официального судебного толкования с целью установления возможности возникновения юридических коллизий между ними. Затем на основе анализа конкретных судебных актов и данных судебной статистики рассматривается пример юридической коллизии между актами высших судов Российской Федерации по вопросу об обязательности ретроспективной оговорки для пересмотра по новым обстоятельствам в связи с определением (изменением) практики применения правовой нормы в постановлении Пленума или Президиума высших судов. Автор обнаруживает, что существующие теоретические представления, в том числе о способах разрешения юридических коллизий, не позволяют ответить на вопрос, как должна быть разрешена юридическая коллизия актов официального судебного толкования в ситуации, когда издавшие их органы не обладают полномочиями по отмене. В результате автор приходит к выводу, что юридические коллизии актов официального судебного толкования следует разрешать не «привычными» для нормативных правовых актов способами (в частности, отменой ранее изданного закона более поздним), а с учетом существа рассматриваемых правоотношений и влияния противоречащих правоположений судебной практики на права и обязанности участников.

Ключевые слова: юридическая коллизия, интерпретационный акт, ретроспективная оговорка, официальное толкование, прекращение действия правового акта

Для цитирования: Назарькова Е. О. Юридические коллизии актов официального судебного толкования и возможные способы их разрешения // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 2. С. 5–13. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_2_5.

COLLISIONS BETWEEN INTERPRETATIVE ACTS OF COURTS AND POTENTIAL WAYS OF THEIR RESOLVING

Nazarkova Evgeniya

Post-graduate student, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0000-0001-5883-3943, e-mail: eonazarkova@yandex.ru.

The article is devoted to the potential ways of interpretative acts' collisions. Firstly, to clarify a possibility of a collisions between interpretative acts the author draws attention to notions of an interpretative acts, an interpretative act of courts. Secondly, on the basis of concrete decisions and courts' statistics the author analyses collision between the highest courts' acts on the issue concerning so called retrospective clause. The issue concerns whether the retrospective clause is obligatory for review of decisions on the basis of new circumstances, to be more precisely on the basis of positions of the highest courts. The author sees that legal theories including ways of collisions' resolving do not answer a question concerning collisions between interpretative acts of courts. As a result, the author concludes that existing ways of collisions' resolving

(for example, *lex posterior derogat priori*) are not proper for collisions between interpretative acts of courts. These collisions should be decided with an essence of legal relationships and courts' positions, their impact on participants' legal rights and obligations.

Key words: collision, interpretative act, retrospective clause, binding interpretation, termination of legal act

For citation: Nazarkova E. (2023) Collisions between interpretative acts of courts and potential ways of their resolving. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 2, pp. 5–13, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_2_5.

В настоящее время в российской правовой системе все больше возрастает роль интерпретационных актов. Вместе с тем возникает неопределенность в юридическом значении актов официального судебного толкования «одного уровня» ввиду их неоднородности: разъяснения, которые учитывают в своей правоприменительной практике нижестоящие суды, издаются и Верховным Судом Российской Федерации в виде постановлений Пленума и Президиума, и Конституционным Судом Российской Федерации в виде постановлений, определений. В связи с этим Н. А. Власенко отмечает, что «...сегодня для судей вопрос об иерархии, примате положений Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ решается по принципу, в каком ведомстве работает судья...»¹.

Указанные обстоятельства предопределяют необходимость анализа юридических коллизий актов официального судебного толкования с целью установления возможных способов их разрешения.

Прежде чем перейти к рассмотрению проблемы юридических коллизий актов официального толкования высших судов Российской Федерации, необходимо обратиться к содержанию понятий «интерпретационный акт» и «акт официального судебного толкования».

В юридической науке можно выделить следующие подходы к определению понятия интерпретационного акта:

1) акт официального толкования – разновидность правовых актов с отличающимся от нормативных правовых актов юридическим эффектом, выполняющих собственные функции в механизме правового регулирования²;

2) интерпретационный акт – официальный документ, который содержит конкретизируемые нормативные предписания, выражающие разъяснения правовых норм³; акт-документ, представляющий собой специфический способ выражения познавательной деятельности, направленной на уяснение и разъяснение содержания правовых норм⁴;

3) интерпретационные акты – система вспомогательных правовых актов, служащих важным средством реализации права путем установления правил понимания и применения действующего законодательства⁵; вспомогательные правовые акты, действие которых неразрывно связано с толкуемой правовой нормой⁶;

4) акт официального толкования – результат юридически значимой деятельности, выраженный в установленной форме, издаваемый властным органом в предусмотренном законом порядке, содержащий интерпретационные правила общего или индивидуального характера⁷;

¹ Власенко Н. А. Коллизионное право России: состояние и перспективы // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 15. DOI: 10.12737/article_59240612adb802.72001888.

² Алексеев С. С. Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. Свердловск: Изд-во Свердловского юрид. ин-та. 1972. Т. 1. С. 112.

³ Бабаев В. К., Баранов В. М. Общая теория права. Н. Новгород: Нижегородский юрид. ин-т, 1997. С. 146.

⁴ Кивленок Т. В. Интерпретационные и правореализационные элементы в нормативно-правовых актах: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2004. С. 9.

⁵ Вопленко Н. Н. Официальное толкование норм права. М.: Юрид. лит., 1976. С. 35.

⁶ Кошелева В. В. Акты судебного толкования правовых норм. Вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 62.

⁷ Шайхутдинов Е. М. Интерпретационные акты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. С. 7.

5) интерпретационный акт – источник права¹, имеющий прецедентное и, тем не менее, подзаконное значение².

Во всех рассматриваемых подходах, за исключением признания интерпретационных актов источниками права, акты официального толкования характеризуются как вспомогательные акты, которые не могут быть применены при разрешении конкретного юридического дела в отсутствие толкуемого ими нормативного правового акта³.

Н. А. Власенко понимает коллизию правовых норм как отношение между нормами права, выступающее в форме различия или противоречия при регулировании одного фактического отношения⁴. С учетом изложенного на первый взгляд вопрос о юридических коллизиях интерпретационных актов нерелевантен.

В то же время акты толкования норм права высшими судами наделяются таким признаком, как определение «направления» деятельности нижестоящих судов, что подразумевает их своеобразную обязанность действовать в соответствии с подходами, выработанными на более высоком уровне судебной системы⁵. Однако при этом подчеркивается, что в отличие от нормативных правовых актов интерпретационные акты не могут создавать новые правовые нормы, а содержат, по терминологии А. Ф. Черданцева, «нормы о нормах», нормы-разъяснения, предписывающие определенное понимание законов⁶. Также указывается, что, несмотря на наличие у противоположений, вырабатываемых высшими судами, «известной степени нормативности», они не имеют всех необходимых элементов нормы права, а именно: у них отсутствует механизм, обеспечивающий их безусловную реализацию (само по себе отступление нижестоящего суда от позиции высшего суда не признается безусловным основанием для отмены или изменения судебного акта)⁷.

К числу иных специфических признаков актов судебного толкования относят также то, что они применяются нижестоящими судами в силу их авторитетности и особого положения в судебной системе⁸ и служат своего рода образцом для решения аналогичных дел⁹.

Таким образом, акт официального судебного толкования можно определить как правовой интерпретационный акт, содержащий юридически обязательные разъяснения правовых норм и изданный судом в установленной законом процедуре.

Следовательно, поскольку акты официального судебного толкования, в особенности если речь идет о постановлениях пленумов высших судов, некоторыми учеными наделяются свойствами нормативности¹⁰, то необходимо признать и возможность возникновения коллизий между ними.

Об этом свидетельствует позиция В. П. Реутова, который придерживается более широкого понимания юридических коллизий, предложенного А. А. Петровым¹¹, и который, рассматривая проблематику юридических коллизий постановлений пленумов высших судебных органов Российской Федерации и содержания норм права, допускает возникновение юридических коллизий актов официального толкования и с такими явлениями, как цели, принципы, презумпции, фикции, дефиниции¹². В ка-

¹ Гаджиев Г. А. Феномен судебного прецедента в России // Судебная практика как источник права: сб. ст. М.: Юрист, 2000. С. 98.

² Загайнова С. К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. М.: Волтерс-Клувер, 2007. С. 352–353.

³ Карташов В. Н. Введение в общую теорию правовой системы общества: в 10 ч. Ч. 4: Интерпретационная практика: текст лекций. Ярославль: Ярославский гос. ун-т, 1998. С. 53.

⁴ Власенко Н. А. Коллизионные нормы в советском праве: моногр. М.: Норма, 2023. С. 23.

⁵ Берг Л. Н. Судебное усмотрение и его пределы (общетеоретический аспект): моногр. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2008. С. 48.

⁶ Черданцев А. Ф. Толкование советского права. М.: Юрид. лит., 1979. С. 157.

⁷ Судебная практика в советской правовой системе / под ред. С. Н. Братуся. М.: Юрид. лит., 1975. С. 25–26.

⁸ Киримова А. Д. Дискреционные полномочия в правоприменительной деятельности российских судей: теоретико-правовое исследование. СПб.: Юрид. центр, 2017. С. 88–89.

⁹ Судебная практика в советской правовой системе. С. 11–12.

¹⁰ Березина Е. А. Толкование договора как вид юридического толкования: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 124.

¹¹ Петров А. А. Коллизии в праве и препятствия в реализации прав и законных интересов // Юридические препятствия в реализации прав и законных интересов: проблемы теории и практики / под ред. В. Ю. Панченко, А. А. Петрова. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 68.

¹² Реутов В. П. Юридические коллизии в постановлениях пленумов высших судебных органов Российской Федерации: понятие и виды // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 283.

честве возможного способа решения возникшей проблемы автор предлагает ограничение полномочий Верховного Суда Российской Федерации по созданию новых норм права и их установление исключительно в результате законотворческого процесса¹.

Таким образом, поскольку теоретическая возможность возникновения юридических коллизий между самими актами официального судебного толкования категорически не отрицается, может возникнуть закономерный вопрос о том, имеет ли место данная ситуация в действительности и каковы возможные способы ее разрешения. В свою очередь, юридические коллизии актов официального судебного толкования можно определить как противоречия между разъяснениями правовых норм, изданных судами в установленной законом процедуре.

В практике высших судов Российской Федерации есть яркий пример противоречия между актами Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ относительно обязательности наличия специального указания на допустимость пересмотра судебных актов по новым обстоятельствам, или ретроспективной оговорки², в постановлении Пленума или Президиума Верховного Суда Российской Федерации, которые определяют или изменяют практику применения правовой нормы.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 г. № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений» закреплено, что судебное постановление может быть пересмотрено, если в постановлении Президиума или Пленума Верховного Суда РФ, определившем (изменившем) практику применения правовой нормы, указано на возможность пересмотра по новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений.

По мнению Конституционного Суда РФ, ретроспективная оговорка – обязательное условие применения интерпретационного акта с обратной силой, поскольку ее отсутствие неизбежно приведет к тому, что разные судьи будут неоднозначно оценивать природу и правовые последствия принятия акта официального толкования, служащего основанием для пересмотра, и, как следствие, к нарушению принципа правовой определенности и принципа равенства всех перед законом и судом (постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-П).

В то же время анализ данных судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ по гражданским делам показывает, что суды удовлетворяли заявления о пересмотре судебных актов по новым обстоятельствам в связи с определением или изменением практики применения правовой нормы, несмотря на позицию Конституционного Суда РФ. Например, в 2017 г. арбитражные суды и суды общей юрисдикции рассмотрели 1729 заявлений о пересмотре судебных актов по новым обстоятельствам, из которых удовлетворено 860, в том числе 41 заявление в связи с правовой позицией Верховного Суда РФ или Высшего Арбитражного Суда РФ.

Число положительных решений по ним резко сократилось в период 2018–2019 гг. (до 12 и 14 удовлетворенных заявлений соответственно). Это, как представляется, обусловлено принятием Конституционным Судом РФ постановления от 17 октября 2017 г. № 24-П, где в очередной раз указано на обязательность ретроспективной оговорки и подчеркнута, что по спорам с государственными органами, где граждане являются слабой стороной правоотношения, пересмотр принятых в их пользу судебных актов не должен быть произвольным.

Вместе с тем и после указанного постановления суды рассматривали заявления о пересмотре судебных актов по новым обстоятельствам и вставляли на сторону заявителей.

В итоге законодатель в декабре 2019 г. внес изменения в процессуальные кодексы, и в настоящее время пересмотр возможен, только если в постановлении Пленума

¹ Реутов В. П. Указ. соч. С. 289.

² Шварц М. З. Пересмотр судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам в связи с формированием практики применения законодательства Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2010. № 1. С. 109.

или Президиума содержится указание на то, что сформулированная в нем правовая позиция имеет обратную силу применительно к делам со схожими фактическими обстоятельствами.

Принимая во внимание позицию В. П. Реутова, который указал на необходимость законодательного решения юридических коллизий в постановлениях пленумов высших судебных органов¹, можно предположить, что после появления в кодексах прямого предписания о необходимости ретроспективной оговорки количество удовлетворенных в связи с определением или изменением практики применения правовой нормы заявлений о пересмотре судебных актов продолжит сокращаться. Вместе с тем в 2021 г. суды рассмотрели 4907 заявлений о пересмотре судебных актов по новым обстоятельствам, из которых удовлетворено 2074, в том числе 8 заявлений в связи с правовой позицией Верховного Суда РФ. В то же время в справочно-правовых системах отсутствуют акты Верховного Суда РФ с ретроспективной оговоркой.

Напротив, Верховный Суд РФ, скорее, склоняется к необходимости специального указания на перспективное действие вырабатываемых правоположений.

Так, в Обзоре судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 25 декабря 2019 г.) содержится разъяснение, в соответствии с которым решение общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью, в соответствии с которым в отношении решений общества будет применяться альтернативный способ подтверждения, требует нотариального удостоверения (п. 2). В Определении от 30 декабря 2019 г. № 306-ЭС19-25147 по делу № А72-7041/2018 Суд указал, что данное разъяснение применяется только при рассмотрении споров, связанных с оспариванием решений общих собраний участников (решений единственного участника), принятых после даты утверждения Обзора.

В п. 14 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2021) (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 10 ноября 2021 г.) вместе с разъяснением содержится специальное указание о недопустимости привлечения к ответственности арбитражного управляющего в случае, если он совершил расчеты с залоговым кредитором в противоречие с указанной позицией до ее «формирования».

Таким образом, в российской правовой системе действительно есть пример юридической коллизии актов официального судебного толкования, и прямое закрепление обязательности ретроспективной оговорки для пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам в федеральных законах не привело к ее устранению.

Теперь необходимо установить, существуют ли иные способы разрешения юридических коллизий актов официального судебного толкования.

В юридической науке выделяются следующие способы разрешения юридических коллизий разных видов²:

в случае возникновения коллизии между нормативными правовыми актами, обладающими разной юридической силой, она решается в пользу того акта, который обладает большей юридической силой;

в случае возникновения коллизии между общефедеральными актами и актами субъектов федерации необходимо принимать во внимание предмет регулирования: если акт субъекта федерации принят в пределах ведения, то в соответствии со ст. 76 Конституции РФ действует именно он; если вне пределов ведения, то действует федеральный акт;

если противоречащие друг другу акты обладают равной юридической силой, то применяется тот, который принят позднее;

в случае возникновения юридической коллизии между общей и специальной нормами применяется специальная норма.

Далее необходимо проанализировать, пригодны ли эти способы для разрешения юридических коллизий актов официального судебного толкования.

Представляется, что общие правила об иерархии актов или о соотношении общих и специальных предписаний не позволят устранить обнаружившееся противоречие между актами официального судебного толкования.

¹ Реутов В. П. Указ. соч. С. 289.

² Матузов Н. И. Теория государства и права: курс лекций. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. С. 493.

Считается, что интерпретационные акты представляют собой проникнутую единством иерархическую систему правовых актов, служащих важным средством реализации права путем установления правил понимания и применения действующего законодательства¹. При этом иерархичность должна восприниматься не как подчиненность одного акта официального толкования другому, а как возможность построения данной системы с учетом юридической силы толкуемого нормативного правового акта²: большим юридическим значением обладают акты толкования Конституции РФ, далее по иерархии следуют акты, содержащие разъяснения федеральных конституционных законов, затем – федеральных законов и т. д.

Можно попробовать решить рассматриваемую проблему через сопоставление дат принятия актов официального судебного толкования: хотя утверждается, что интерпретационный акт разделяет судьбу интерпретируемого нормативного правового акта и утрачивает силу вместе с ним³, среди способов прекращения их действия называются издание нового, аналогичного акта официального толкования либо отмена компетентным субъектом интерпретационной практики разъяснений, изданных им ранее, а также отмена компетентным органом акта толкования, изданного другим интерпретатором⁴.

Однако не представляется возможным установить, каким образом предложенные способы прекращения действия акта официального толкования должны применяться в ситуации, когда одновременно существуют противоречащие друг другу интерпретационные акты, исходящие от разных компетентных органов, которые не обладают полномочиями по отмене разъяснений.

Соответственно, следует рассмотреть действие во времени актов официального толкования с обратной силой.

В теории можно обнаружить противоположные точки зрения на вопрос о процессуальной ретроспективности актов официального судебного толкования. Так, указывается, что в действительности разъяснительных норм имеется только одно ограничение: они не должны вести к пересмотру законченных решением дел, однако при кассационном рассмотрении дела соответствующая инстанция должна руководствоваться «новой» разъяснительной нормой⁵. В то же время, например, Б. Спасов считал, что если судебный акт был издан, когда норма закона толковалась судом способом, отличным от ее официальной интерпретации, то могут быть введены в действие все допустимые способы отмены такого акта, включая и чрезвычайные⁶.

Среди ученых-процессуалистов также отсутствует единое мнение относительно обязательности ретроспективной оговорки как необходимого условия пересмотра судебного акта. Одни считают, что указание на возможность пересмотра дела по новым обстоятельствам в связи с принятием постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ (и, очевидно, Президиума Верховного Суда РФ), определившего или изменившего практику применения правовой нормы, без наделения данного органа соответствующими полномочиями и без обеспечения других необходимых корреляторов надзорного производства делает установленный порядок пересмотра нежизнеспособным, а потому сама возможность пересмотра не может быть поставлена в зависимость от наличия специального указания⁷. Другие, вслед за законодателем, в качестве условия пересмотра судебного акта по новым обстоятельствам ссылаются на наличие в интерпретационном акте указания на возможность пересмотра ранее принятых судебных актов, поскольку суды по ним руководствовались иным толкованием⁸.

¹ *Вопленко Н. Н.* Указ. соч. С. 35.

² Там же. С. 67.

³ *Пиголкин А. С.* Толкование нормативных актов в СССР. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1962. С. 125.

⁴ *Шаронов А. Н.* Сущность и пределы (сферы) действия актов официального юридического толкования (проблемы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2004. С. 147–148.

⁵ *Блум М. И., Тилле А. А.* Обратная сила закона. Действие советского уголовного закона во времени. М.: Юрид. лит., 1969. С. 65.

⁶ *Спасов Б.* Закон и его толкование. М.: Юрид. лит., 1986. С. 235.

⁷ *Юдин А. В.* Процессуальные нормы переходного периода. На примере постановлений Пленума и Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации как оснований для пересмотра по новым обстоятельствам // *Вестник экономического правосудия.* 2016. № 1. С. 77.

⁸ *Терехова Л. А.* Новые и вновь открывшиеся обстоятельства в гражданском и административном судопроизводстве: моногр. М.: Проспект, 2021. С. 108–109.

Таким образом, юридическая коллизия между актами официального толкования высших судов Российской Федерации по вопросу обязательности наличия ретроспективной оговорки в постановлении Пленума или Президиума Верховного Суда РФ, определившими или изменившими практику применения правовой нормы, несмотря на прямое предписание в процессуальных кодексах, не разрешена, и в юридической науке отсутствует единое мнение по данному вопросу.

Более того, ни общие способы разрешения юридических коллизий, ни декларируемая презумпция совместного действия нормативных правовых актов и интерпретационных актов не предусматривают эффективного способа разрешения противоречий между актами официального судебного толкования.

Закрепление в законодательстве какого-либо из противоречащих противоположений не может являться однозначным решением возникшей юридической коллизии. Представляется, что и прямая отмена какого-либо разъяснения так называемым компетентным интерпретатором не позволит привести правоприменительную практику в соответствие с более «правильной» позицией. Скорее, необходимо анализировать существо разъяснения и его влияние на права и обязанности участников правоотношений.

Например, в постановлении Конституционного Суда РФ от 9 ноября 2022 г. № 48-П не критикуется и не отменяется разъяснение Верховного Суда РФ, которое изложено в п. 37 Обзора судебной практики № 1 (2022) (утвержден Президиумом 1 июня 2022 г.) и согласно которому орган местного самоуправления вправе в порядке самоконтроля отменить ранее изданный им муниципальный правовой акт в случае несоответствия его требованиям законодательства, причем решение об отмене должно быть обоснованным и не нарушать прав граждан.

Орган конституционного контроля обратил внимание, что нижестоящие суды в отступление от указанного разъяснения используют более широкий подход к истолкованию и применению абз. 1 ч. 1 ст. 48 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в рамках которого отмена разрешения на ввод объекта (в частности, объекта индивидуально-жилищного строительства) в эксплуатацию в порядке самоконтроля признается законной и обоснованной при наличии выявленных и подтвержденных нарушений действующих норм и правил при строительстве, без учета состоявшейся государственной регистрации права собственности.

Следовательно, учитывая особую роль противоположений, содержащихся в актах официального толкования высших судов, их взаимосвязь с толкуемыми нормами права и в то же время определенную самостоятельность в аспекте действия с обратной силой (на примере института пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам), необходимо применять и специфические способы разрешения возникающих между ними юридических коллизий (анализ существа противоположений и их выбор, исходя из интересов участников спорных правоотношений).

На основании изложенного можно сделать ряд выводов.

Во-первых, теоретические представления о понятии интерпретационного акта, понятии акта официального судебного толкования, способах прекращения их действия, способах разрешения юридических коллизий не позволяют ответить на вопрос, как следует разрешать юридические коллизии актов официального судебного толкования.

Во-вторых, в практике высших судов Российской Федерации есть пример юридической коллизии, которая не разрешена, несмотря на законодательное закрепление обязательности ретроспективной оговорки для пересмотра судебных актов в связи с определением или изменением практики применения правовой нормы в постановлении Пленума или Президиума Верховного Суда РФ.

Наконец, представляется, что «привычные» для нормативных правовых актов способы разрешения юридических коллизий (например, отмена ранее изданного закона более поздним) не пригодны для актов официального судебного толкования, противоречия между которыми необходимо разрешать исходя из существа противоположений с учетом принципов правовой определенности и разумных ожиданий участников правоотношений.

Список литературы

Алексеев С. С. Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. Свердловск: Изд-во Свердловского юрид. ин-та. 1972. Т. 1. 396 с.

Бабаев В. К., Баранов В. М. Общая теория права. Н. Новгород: Нижегородский юрид. ин-т, 1997. 202 с.

Берг Л. Н. Судебное усмотрение и его пределы (общетеоретический аспект): моногр. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та. 2008. 160 с.

Березина Е. А. Толкование договора как вид юридического толкования: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 226 с.

Блум М. И., Тилле А. А. Обратная сила закона. Действие советского уголовного закона во времени. М.: Юрид. лит., 1969. 136 с.

Власенко Н. А. Коллизионное право России: состояние и перспективы // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 5–18. DOI: 10.12737/article_59240612adb802.72001888.

Власенко Н. А. Коллизионные нормы в советском праве: моногр. М.: Норма, 2023. 100 с.

Вопленко Н. Н. Официальное толкование норм права. М.: Юрид. лит., 1976. 118 с.

Гаджиев Г. А. Феномен судебного прецедента в России // Судебная практика как источник права: сб. ст. М.: Юристъ, 2000. С. 98–106.

Загайнова С. К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. М.: Волтерс-Клувер, 2007. 400 с.

Карташов В. Н. Введение в общую теорию правовой системы общества: в 10 ч. Ч. 4: Интерпретационная практика: текст лекций. Ярославль: Ярославский гос. ун-т, 1998. 127 с.

Кивленок Т. В. Интерпретационные и правореализационные элементы в нормативно-правовых актах: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2004. 174 с.

Киримова А. Д. Дискреционные полномочия в правоприменительной деятельности российских судей: теоретико-правовое исследование. СПб.: Юрид. центр, 2017. 182 с.

Кошелева В. В. Акты судебного толкования правовых норм. Вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 210 с.

Матузов Н. И. Теория государства и права: курс лекций. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. 640 с.

Петров А. А. Коллизии в праве и препятствия в реализации прав и законных интересов // Юридические препятствия в реализации прав и законных интересов: проблемы теории и практики / под ред. В. Ю. Панченко, А. А. Петрова. М.: Юрлитинформ. 2016. С. 68–73.

Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР. М.: Госюриздат, 1962. 166 с.

Реутов В. П. Юридические коллизии в постановлениях пленумов высших судебных органов Российской Федерации: понятие и виды // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 283–289.

Спасов Б. Закон и его толкование. М.: Юрид. лит., 1986. 247 с.

Судебная практика в советской правовой системе / под ред. С. Н. Братуся. М.: Юрид. лит., 1975. 328 с.

Терехова Л. А. Новые и вновь открывшиеся обстоятельства в гражданском и административном судопроизводстве: моногр. М.: Проспект, 2021. 144 с.

Черданцев А. Ф. Толкование советского права. М.: Юрид. лит., 1979. 166 с.

Шайхутдинов Е. М. Интерпретационные акты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004. 19 с.

Шаронов А. Н. Сущность и пределы (сферы) действия актов официального юридического толкования (проблемы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2004. 209 с.

Шварц М. З. Пересмотр судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам в связи с формированием практики применения законодательства Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2010. № 1. С. 108–117.

Юдин А. В. Процессуальные нормы переходного периода. На примере постановлений Пленума и Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации как оснований для пересмотра по новым обстоятельствам // Вестник экономического правосудия. 2016. № 1. С. 66–85.

References

Alekseev S. S. (1972) *Problemy teorii prava: kurs lektsii* [Problems of legal theory: course of lectures]: in 2 vols. Sverdlovsk, Izdatel'stvo Sverdlovskogo juridicheskogo instituta, vol. 1, 396 p.

Babaev V. K., Baranov V. M. (1997) *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. N. Novgorod, Nizhegorodskii juridicheskii instiut, 202 p.

Berezina E. A. (2001) *Tolkovanie dogovora kak vid juridicheskogo tolkovaniya: dis. ... kand. yurid. nauk* [Interpretation of contracts as a type of legal interpretation: a candidate of legal sciences thesis]. Yekaterinburg, 226 p.

Berg L. N. (2008) *Sudebnoe usmotrenie i ego predely (obshcheteoreticheskii aspekt)* [Judicial discretion and its problems (legal theory's aspect)]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo instituta, 160 p.

Blum M. I., Tille A. A. (1969) *Obratnaya sila zakona. Deistvie sovetskogo ugolovnogo zakona vo vremeni* [Retroactivity of law. Temporal frames of Soviet law]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 136 p.

Bratus' S. N. (Ed.) (1975) *Sudebnaya praktika v sovetskoj pravovoi sisteme* [Judicial practice in Soviet legal system]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 328 p.

Cherdantsev A. F. (1979) *Tolkovanie sovetskogo prava* [Interpretation of Soviet law]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 166 p.

Gadzhiev G. A. (2000) Fenomen sudebnogo pretsedenta v Rossii [Phenomenon of legal precedent in Russia]. In *Sudebnaya praktika kak istochnik prava*, Moscow, Yurist", pp. 98–106.

Kartashov V. N. (1998) *Vvedenie v obshchuyu teoriyu pravovoi sistemy obshchestva: in 10 parts. Part 4: Interpretatsionnaya praktika* [Introduction to general theory of legal system: in 10 parts. Part 4: Interpretive practice]. Yaroslavl', Yaroslavskii gosudarstvennyi universitet, 127 p.

Kirimova A. D. (2017) *Diskretionnye polnomochiya v pravoprimeritel'noi deyatel'nosti rossiiskikh sudei: teoretiko-pravovoe issledovanie* [Discretion's authority in law implementation by Russian judges: legal theory's research]. Saint-Petersburg, Yuridicheskii tsentr, 182 p.

Kivlenok T. V. (2004) *Interpretatsionnye i pravorealizatsionnye elementy v normativno-pravovykh aktakh: dis. ... kand. yurid. nauk* [Elements of interpretation and applications in normative acts: a candidate of legal sciences thesis]. Yaroslavl', 174 p.

Kosheleva V. V. (1999) *Akty sudebnogo tolkovaniya pravovykh norm. Voprosy teorii i praktiki: dis. ... kand. yurid. nauk* [Acts of legal interpretation by courts. Issues of theory and practice: a candidate of legal sciences thesis]. Saratov, 210 p.

Matuzov N. I. (2022) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow, Norma: INFRA-M, 640 p.

Petrov A. A. (2016) Kollizii v prave i prepyatstviya v realizatsii prav i zakonnykh interesov [Collisions and struggles with realization of legal rights]. In Panchenko V. Yu., Petrov A. A. (Eds.) *Yuridicheskie prepyatstviya v realizatsii prav i zakonnykh interesov: problemy teorii i praktiki*. Moscow, Yurlitinform, pp. 68–73.

Pigolkin A. S. (1962) *Tolkovanie normativnykh aktov v SSSR* [Interpretation of normative acts in the USSR]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo yuridicheskoi literatury, 166 p.

Reutov V. P. (2017) Yuridicheskie kollizii v postanovleniyakh plenumov vysshih sudebnykh organov Rossiiskoi Federatsii: ponyatie i vidy [Collisions in interpretative acts of the Russian Federations highest courts: concept and types]. In *Yuridicheskaya tekhnika*, no. 11, pp. 283–289.

Shaikhutdinov E. M. (2004) *Interpretatsionnye akty: avtoreferat dis. ... kand. yurid. nauk* [Interpretative acts: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Krasnoyarsk, 19 p.

Sharonov A. N. (2004) *Sushchnost' i predely (sfery) deistviya aktov ofitsial'nogo yuridicheskogo tolkovaniya (problemy teorii i praktiki): dis. ... kand. yurid. nauk* [The essence and scopes of interpretive acts effect (challenges of theory and practice): a candidate of legal sciences thesis]. Yaroslavl', 209 p.

Shvarts M. Z. (2010) Peresmotr sudebnogo akta po vnov' otkryvshimsya obstoyatel'stvam v svyazi s formirovaniem praktiki primeneniya zakonodatel'stva Vysshim Arbitrazhnym Sudom Rossiiskoi Federatsii [Review of courts decisions on the base of a new position of the Supreme Commercial Court of the Russian Federation]. In *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiiskoi Federatsii*, no. 1, pp. 108–117.

Spasov B. (1986) *Zakon i ego tolkovanie* [Law and its interpretation]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 247 p.

Terekhova L. A. (2021) *Novye i vnov' otkryvshiesya obstoyatel'stva v grazhdanskom i administrativnom sudoproizvodstve* [New and newly discovered circumstances in civil and administrative cases]. Moscow, Prospekt, 144 p.

Vlasenko N. A. (2017) Kollizionnoe pravo Rossii: sostojanie i perspektivy [Law of conflicts: problems and perspectives]. In *Zhurnal rossijskogo prava*, no. 6, pp. 5–18, DOI: 10.12737/article_59240612a db802.72001888.

Vlasenko N. A. (2023) *Kollizionnye normy v sovetskom prave* [Conflict-of-laws rules in Soviet law]. Moscow, Norma, 100 p.

Voplenko N. N. (1976) *Ofitsial'noe tolkovanie norm prava* [Binding interpretation of legal rules]. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 118 p.

Yudin A. V. (2016) Protsessual'nye normy perekhodnogo perioda. Na primere postanovlenii Plenuma i Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiiskoi Federatsii kak osnovanii dlya peresmotra po novym obstoyatel'stvam [Procedural rules of the transitional period. Reopening arbitrazh cases on the basis of new rulings of the Plenum and Presidium of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation]. In *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya*, no. 1, pp. 66–85.

Zagainova S. K. (2007) *Sudebnye akty v mekhanizme realizatsii sudebnoi vlasti v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse* [Judicial acts in framework of judicial branch implementation in civil and arbitrazh cases]. Moscow, Volters-Kluver, 400 p.

КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Толстых Владислав Леонидович

Директор Центра международного права
Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (Москва),
главный научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва),
доктор юридических наук, доцент, ORCID: 0000-0001-5103-5324, e-mail: vlt73@mail.ru.

После распада СССР государства Центральной Азии сумели избежать (за редким исключением) острых конфликтов, характерных для кавказского и европейского регионов. Данное обстоятельство может быть объяснено разными причинами, но не должно вселять излишний оптимизм: конфликтный потенциал региона – достаточно большой; имеющиеся противоречия могут быть легко обострены; турбулентность, имеющая место в других постсоветских регионах, может распространиться и на Центральную Азию. Существующие международно-правовые инструменты выглядят недостаточными и нуждаются в усовершенствовании; слабость постсоветской международно-правовой традиции препятствует данной работе. Основными группами противоречий, существующих в регионе, являются противоречия, вытекающие из национально-государственного размежевания 1924 г.; противоречия, связанные с решениями центральных органов власти СССР (например, с использованием Семипалатинского полигона); противоречия, возникшие в результате распада СССР (в частности, проблема распределения водных ресурсов); конфликтные ситуации, имеющие место на периферии региона (конфликт между Арменией и Азербайджаном и др.). Автор определяет подходы к их международно-правовой квалификации и инструменты, которые могут быть использованы для их смягчения или устранения. Создание нового интеграционного наднационального объединения могло бы стать всеобъемлющим решением. Данная перспектива, однако, выглядит отдаленной. Маловероятна и реформа существующих объединений (ЕАЭС и СНГ), уделяющих внимание исключительно экономическим вопросам. Более реалистичной на данном этапе представляется политика малых дел, предполагающая кропотливый анализ отдельных проблем и разработку локальных решений. Подход к разрешению международных споров на постсоветском пространстве, сложившийся в 90-е гг. XX в., характеризуется следующими основными особенностями: политизация публичной риторики, преимущественное использование согласительных механизмов, монополия России на посредничество и добрые услуги, недостаток внимания со стороны правовой доктрины. В настоящее время он меняется: государства все чаще апеллируют к международному праву и обращаются в международные суды; наряду с Россией в качестве посредников стали выступать США, Турция и Китай; международно-правовая доктрина, наконец, начала уделять данным вопросам должное (но пока еще недостаточное) внимание. Международно-правовая политика РФ и политика интеграционных объединений с ее участием должна учитывать эти общие и объективные тренды.

Ключевые слова: международно-правовая политика, международные споры, территориальное размежевание, государственные границы, право на самоопределение, правопреемство государств, трансграничные водотоки, анклав, центральноазиатская интеграция

Для цитирования: Толстых В. Л. Конфликтный потенциал Центральной Азии и международное право // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 2. С. 14–31. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_2_14.

CONFLICT POTENTIAL OF CENTRAL ASIA AND INTERNATIONAL LAW

Tolstykh Vladislav

Director, Center for International Law of Kutafin Moscow State Law University (Moscow), chief researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow), doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0001-5103-5324, e-mail: vlt73@mail.ru.

After the collapse of the USSR, the states of Central Asia managed to avoid (with rare exceptions) the sharp conflicts typical of the Caucasian and European regions. This circumstance can be explained by various reasons, but should not inspire excessive optimism: the conflict potential of the region is quite large; existing contradictions can be easily exacerbated; turbulence taking place in other post-Soviet regions may spread to Central Asia. Existing international legal instruments appear insufficient and need to be improved; the weakness of the post-Soviet international legal tradition hinders this work. The main groups of contradictions existing in the region are contradictions arising from the national delimitation in the Soviet Union (1924); contradictions related to the decisions of the central authorities of the USSR (for example, to the use of the Semipalatinsk test site); contradictions that arose as a result of the collapse of the USSR (in particular, the problem of distribution of water resources); conflict situations that take place on the periphery of the region (the conflict between Armenia and Azerbaijan, etc.). The author defines approaches to their international legal qualification and tools that can be used to mitigate or eliminate them. The creation of a new integration supranational organization could be a comprehensive solution, this prospect, however, looks distant. The reform of existing associations (the EAEU and the CIS), which pay attention exclusively to economic issues, also looks unlikely. More realistic at this stage is the policy of small deeds, which involves a thorough analysis of individual problems and the development of local solutions. The approach to resolving international disputes in the post-Soviet space, which took shape in the nineties of the twentieth century, is characterized by the following main features: politicization of public rhetoric, predominant use of conciliation mechanisms, Russia's monopoly on mediation and good offices, lack of attention from the legal doctrine. It is currently changing: states are increasingly appealing to international law and applying to international courts; along with Russia, the United States, Turkey and China began to act as intermediaries; international legal doctrine has finally begun to pay due (but still insufficient) attention to these issues. The international legal policy of the Russian Federation and the policy of integration associations with its participation should take into account these general and objective trends.

Key words: international legal policy, international disputes, territorial delimitation, state borders, right to self-determination, succession of states, transboundary watercourses, enclaves, Central Asian integration

*For citation: Tolstykh V. (2023) Conflict potential of Central Asia and international law. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 2, pp. 14–31, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_2_14.*

Введение

З. Бжежинский определяет регион, охватывающий некоторые районы Ближнего Востока, Кавказ и Центральную Азию, как «Евразийские Балканы»; здесь также имеют место острые этнические конфликты и соперничество великих держав за гегемонию. Характерной чертой данного региона является «сочетание вакуума силы и всасывания силы»¹. Взятый за основу этот тезис означает не только отсутствие влиятельных политических игроков (субъективной силы), но и дефицит международного права (объективной силы): слабость правовых связей, неэффективность международных соглашений, низкий уровень юридической техники, несостоятельность интеграционных институтов. Такое положение вещей не препятствует внутривнутриполитическому

¹ Бжежинский З. Великая шахматная доска (господство Америки и ее стратегические императивы). М.: Междунар. отношения, 1998. С. 149–150.

развитию и стимулирует *многовекторность*, т. е. укрепление связей за периметром региона. Оно, однако, тормозит развитие регионального правопорядка и подрывает его иммунитет перед лицом внутренних противоречий.

После распада СССР государства Центральной Азии сумели избежать (за редким исключением) острых конфликтов, характерных для кавказского и европейского регионов. Это может быть объяснено разными причинами: мудростью политического руководства, традициями мирного сосуществования, влиянием крупных соседей и слишком большими рисками, предполагаемыми конфликтами. Данное обстоятельство, однако, не должно вселять излишний оптимизм: конфликтный потенциал региона – достаточно большой; имеющиеся противоречия могут быть легко обострены; турбулентность, имеющая место в других постсоветских регионах, может распространиться и на Центральную Азию. Существующие международно-правовые инструменты выглядят недостаточными и нуждаются в усовершенствовании; слабость постсоветской международно-правовой традиции (во всяком случае в практической ее части) препятствует этой работе.

Цель статьи в связи с этим состоит в том, чтобы определить основные группы межгосударственных противоречий, сформулировать подходы к их международно-правовой квалификации и определить инструменты, которые могут быть использованы для их смягчения или устранения. В методологическом плане статья предполагает несколько акцентов: акцент на широком историческом и политическом контексте конфликта (а не на его редуцированной для целей правоприменения структуре), акцент на предупреждении конфликта (а не на его разрешении *post factum*), акцент на региональных и двусторонних подходах (а не на неадаптированном общем праве). Наконец, лейтмотивом размышлений над данной проблематикой является идея евразийской интеграции, реализация которой не только снимет большинство противоречий, но и позволит сформулировать новые ценности и смыслы.

Противоречия, вытекающие из национально-государственного размежевания¹

В 1924 г. советская власть осуществила важнейшее мероприятие – *национально-территориальное размежевание*. Его суть – определение доминирующих этносов, территориальное разграничение между ними, государственное строительство, развитие экономики и национальной культуры. В результате размежевания были созданы пять республик (*Узбекская ССР, Туркменская ССР, Таджикская ССР, Киргизская ССР и Казахская ССР*), а также *Кара-Калпакская Автономная Советская Социалистическая Республика*.

С юридической точки зрения результаты размежевания не могут быть поставлены под сомнение: в соответствии с принципом *uti possidetis juris* границы государств-преемников должны следовать бывшим административным границам; применительно к Центральной Азии – границам бывших советских республик. Данный принцип призван обеспечить преемственность порядков и предотвратить войны за территории. Он был применен при определении границ государств, образовавшихся в процессе деколонизации, а также государств, образовавшихся после распада СССР, Югославии и Чехословакии. В настоящее время он рассматривается как часть обычного права.

Применение принципа *uti possidetis* выглядит проблематичным. Во-первых, он изначально применялся только к деколонизации и лишь в одном регионе – Латинской Америке; его распространение на другие регионы не сопровождалось формированием устойчивой практики и *opinio juris* и не соответствовало практике, сформировавшейся по итогам Первой мировой войны. Во-вторых, меньшинства часто не принимают результаты разграничения на основе *uti possidetis*, ссылаясь на право наций на самоопределение и концепцию «восстановительной сессии». В-третьих, в условиях дефицита легитимности элиты новых государств часто проводят политику национальной унификации, т. е. определяют себя как защитников национальной культуры и пытаются создать гомогенное общество. В таких случаях сохранение административных границ, не совпадающих с границами расселения этносов, не предотвращает конфликты, а, наоборот, способствует их разжиганию.

¹ Более подробное освещение проблем, связанных с размежеванием, см.: Толстых В. Л. Государственно-территориальное размежевание в Центральной Азии и его международно-правовые последствия // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 2. С. 13–32.

Применительно к Центральной Азии принцип *uti possidetis*, однако, выглядит предпочтительным решением. Во-первых, иные подходы несостоятельны. Действительно, основой урегулирования не могли выступать границы, предшествующие советскому *status quo*: в 1924 г. территории Бухары и Хорезма были разделены между Казахстаном, Узбекистаном и Туркменистаном, и их границы перестали иметь отношение к политической реальности; границы же ареалов кочевых народов (казахов и кыргызов) никогда не были определены точно. Во-вторых, процесс перехода центрально-азиатских республик к независимости не был отягощен проблемой сепаратизма, как это имело место в Югославии или на Кавказе. Видимо, главную роль в этом сыграли осознание населяющими регион народами принадлежности к большой тюркоязычной мусульманской общине (надэтносу) и понимание того, что сепаратизм угрожает целостности этой общины. В-третьих, политика коренизации принесла плоды: в советский период в республиках Центральной Азии сформировались государственные институты, опирающиеся на лояльность не только титульной нации, но и меньшинств; примером могут служить Казахстан и Узбекистан.

Таким образом, международно-правовой подход к определению границ новых государств соответствует объективным процессам в регионе и обеспечивает надежную гарантию против конфликтов, поводом для которых могла бы стать неудовлетворенность результатами размежевания. Еще одной гарантией являются договоры, подтверждающие границы, в частности Меморандум о гарантиях безопасности в связи с присоединением Республики Казахстан к Договору о нераспространении ядерного оружия (1994 г.), в котором стороны «подтвердили свое обязательство в соответствии с принципами заключительного акта СБСЕ уважать... существующие границы Республики Казахстан».

Сдерживающая способность *uti possidetis* и данных договоров не должна переоцениваться: политические события могут резко обострять вопрос о границах и выводить дискуссию за пределы сугубо правового дискурса. Большое значение в таких ситуациях могут приобретать односторонние гарантии; примером может служить заявление Китая от 14 сентября 2022 г. о том, что он будет «решительно поддерживать Казахстан в защите его независимости, суверенитета и территориальной целостности»¹.

События на Украине, вторая Карабахская война, пограничный конфликт между Кыргызстаном и Таджикистаном и проблема непризнанных образований актуализируют вопрос о территориальной целостности постсоветских государств: данная целостность становится *все более хрупкой*. Ее сохранение в связи с этим предполагает разработку *новых* гарантий: договорных, односторонних, институциональных. Отдельно должен быть поставлен вопрос об укреплении механизмов посредничества, миротворчества и коллективной безопасности: их низкая эффективность в ситуации с Нагорным Карабахом ставит под угрозу проект евразийской интеграции *в целом*. Наконец, ощущается острый дефицит площадок, на которых могли бы обсуждаться и решаться вопросы внешней политики: ни одна из постсоветских организаций не выступает в качестве такой площадки, вопросы внешней политики остаются предметом двусторонних переговоров и нерегулярных саммитов.

Две проблемы, связанные с размежеванием, находятся в стадии обострения. *Первая* из них – проблема Каракалпакстана, которую предстоит решить средствами конституционного права Узбекистана. *Вторая* – проблема анклавов, приобретающая хронический характер в отношениях между Кыргызстаном и Таджикистаном.

В Кыргызстане находятся таджикские (села Ворух и Западная Калача) и узбекские (Сох, Шахимардан, Чон-Гара, Джангайл) эксклавы. Между Ворухом и основной территорией Таджикистана находится кыргызское село Ак-Сай. В Ворухе сливаются два притока реки Исфары, важной для сельского хозяйства. Через Ак-Сай проходит единственная дорога, связывающая западную часть Баткенского района с остальной территорией Кыргызстана; прокладка дороги в другом месте затруднена. В районе анклавов регулярно происходят конфликты, связанные с использованием вод и гравия, дорожным строительством, контрабандой, контролем над транспортными путями. Иногда они перерастают в вооруженное противостояние (Ворух – 2014, 2019, 2021, 2022 гг.; Сох – 2013, 2020 гг.).

¹ Китай намерен поддерживать Казахстан в защите независимости и суверенитета // ТАСС. 2022. 14 сент. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/15749097> (дата обращения: 01.05.2023).

Проблемы, связанные с анклавом, не могут быть решены исключительно на основе норм общего права, не адаптированных к конкретной ситуации¹. Варианты двусторонних решений также выглядят ограниченными. *Первый* вариант состоит в обмене территориями. Равноценный обмен, однако, маловероятен. *Второй* вариант – создание транспортных коридоров. Данный вариант выглядит реализуемым, но едва ли устранит все противоречия. *Третий* вариант предполагает создание особой приграничной зоны, предусматривающей свободное пересечение границ, включение анклавов в таможенную территорию Кыргызстана и использование в них кыргызского сома. Разработка такого режима, однако, предполагает более высокий уровень доверия (отсутствующий сегодня) и использование юридической техники, качественно отличающейся от используемой в настоящее время. *Четвертый* вариант предполагает создание институциональных механизмов предотвращения конфликтов и оперативного реагирования на них. Этот вариант является паллиативным (временным) и не исключает необходимости выработки субстанциального решения. В целом, кыргызско-таджикское противостояние подтверждает вывод о недостаточности двустороннего формата и необходимости развития коллективных механизмов посредничества и безопасности.

Противоречия, вытекающие из решений центральных органов власти СССР

Вторая группа противоречий имеет отношение к решениям центральных властей, повлекшим негативные демографические и экономические последствия. К числу наиболее драматичных относятся следующие решения:

1) *подавление Среднеазиатского восстания 1916 г.* Восстание было вызвано переселенческой и земельной политикой властей; поводом стал указ Николая II о привлечении «инородцев» к тыловым работам. Восставшие убили 3 тыс. переселенцев; в результате ответных действий российской армии погибло от 100 до 270 тыс. человек (погибшие в бою, бежавшие в Китай, расстрелянные по приговору суда);

2) *голод в Казахстане 1919–1922 гг.* Причиной голода стали неурожай в областях Центральной России и последовавшая за ним продразверстка в других регионах, в том числе в Казахстане (конфискация скота); дополнительным фактором были засуха и падеж скота (джут) 1920–1921 гг. В результате голода население Казахстана сократилось на 1 млн человек; точное число погибших неизвестно;

3) *голод в Казахстане 1932–1933 гг. (Ашаршылык)*, унесший жизни около 1 млн человек. Голод в Казахстане был частью общесоюзного голода, вызван масштабным изъятием скота и продовольствия у кочевников. Целью этих мер являлось уничтожение кулачества, принуждение кочевников к оседлому образу жизни и коллективизации, удовлетворение продовольственных потребностей Москвы и Ленинграда;

4) *освоение Целины.* В 1954 г. ЦК КПСС принял постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». В результате распашки степей были уничтожены природные зоны (в том числе пастбища), созданы условия для пылевых бурь и ветровой эрозии почвы. После короткого периода сверхвысоких урожаев эффективность распаханых земель упала до 65 %; она было частично восстановлена только в 2005–2015 гг., после внедрения новых методов;

5) *испытания ядерного оружия на Семипалатинском полигоне 1949–1989 гг.* (468 испытаний, 1,3 млн официально пострадавших). В результате работы полигона были подвергнуты радиоактивному заражению восточные области Казахстана, некоторые участки Новосибирской области и Алтайского края. На территории, прилегающей к полигону, увеличены показатели раковых заболеваний и мутаций;

6) *исчезновение Аральского моря.* В начале XX в. государство взяло курс на развитие хлопководства, увеличило объемы водозабора из Амударьи и Сырдарьи (с 60 до 120 км³/год), расширило площадь орошаемых земель – с 4,5 (1960 г.) до 7 млн га (1990 г.). В результате сток рек резко сократился – с 63 (1960 г.) до 3,2 км³/год (2003 г.); поверхность Арала уменьшилась с 69 (1950 г.) до 7 тыс. км² (3,8 и 3,3); объем упал с 1 тыс. км³ (1960 г.) до 75 км³ (2007 г.); минерализация увеличилась с 10 до 100–200 г/л;

¹ По мнению П. Ратон, «право на транзит является логическим следствием признания анклава окружающим государством»; индивидуальное регулирование анклавов более целесообразно, чем создание общего режима (Raton P. Les Enclaves // *Annuaire français de Droit International*. 1958. P. 191, 192, 195).

рыболовство сократилось с 60 (1980 г.) до 5 тыс. т (1994 г.); береговая линия отступила на 100 км; прилегающие земли подверглись засолению и опустыниванию¹;

7) *принудительные переселения (депортации) народов (1943–1944 гг.)*. Во время Второй мировой войны и незадолго до нее советская власть переселила в Казахстан, Киргизию и некоторые другие регионы представителей «неблагонадежных национальностей»: 390 тыс. поляков (по другим данным – 1,2 млн), 173 тыс. корейцев, 367 тыс. немцев, 70 тыс. карачаевцев, 500–650 тыс. чеченцев и ингушей, 37 тыс. балкарцев, 190 тыс. крымских татар, 115 тыс. турок-месхетинцев. Многие переселенцы погибли по пути или прибыв на место назначения.

Данные решения ни в совокупности, ни по отдельности не свидетельствуют о *дискриминационном характере* политики центра по отношению к окраинам. Большинство из них были *частью общей политики*, при реализации которой были приняты меры по *равномерному распределению* экономического и иного бремени. В некоторых случаях имела место *позитивная дискриминация*, т. е. предоставление окраинам привилегий по сравнению с центральными областями². Многие решения не соответствуют сегодняшним моральным и правовым императивам, но выглядят *оправданными в сопутствующем им историческом контексте*. Распад СССР, однако, редуцировал данный контекст, на первый план вышел прямой эффект данных мер, негативная оценка которого стала эффективным инструментом обеспечения внутренней легитимности, переориентации экономики и внешней политики и пр.

Как результат, некоторые государства, образовавшиеся после распада СССР, предъявили претензии к России как к продолжателю СССР. Так, 5 ноября 2015 г. министры юстиции прибалтийских государств приняли «Декларацию о противоправном Пакте Молотова – Риббентропа 1939 г. и его секретных протоколах», в которой заявили о том, что они «эксплуатировались для политических и экономических нужд оккупационного режима» и, как результат, «понесли огромные демографические и социально-экономические потери». Поскольку Россия провозгласила себя преемником СССР, все претензии, возникшие в результате оккупации, должны быть урегулированы ею³. Аналогично, некоторые политические силы на Украине намерены добиться от России компенсации за голод 1932–1933 гг. (Голодомор).

Центральноазиатские государства не предъявляют к России такого рода претензий в силу не только субъективных, но и объективных обстоятельств. Действительно, в своей внешней политике они не ориентируются исключительно на Запад и не рассматривают Россию как своего культурного или политического антагониста. Немаловажно и то, что их государственность была сформирована в эпоху СССР: критика решений, принятых в эту эпоху, неизбежно ее подрывает, стимулируя сепаратистские и экстремистские движения. Исторический нарратив, однако, может быть относительно легко перенастроен: советская национальная политика может быть квалифицирована не как *формирование государственности центральноазиатских народов*, но как *насильственное сворачивание ее традиционных форм*⁴. Истина, как это часто бывает, находится посередине: включение среднеазиатских земель в состав Российской

¹ Существуют иные объяснения деградации Арала; среди них – геологическая версия об оттоке воды из Аральского бассейна в Каспийский бассейн, версия о естественных циклах Арала и версия о глобальном потеплении; как отмечает А. С. Кудинов, «господствующая версия об ирригации для развития хлопководства в Центральной Азии в советское время выглядит достаточно однобоко». См.: Кудинов А. С. Аральское море: глобальное решение региональной проблемы // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 2. С. 32–39. DOI: 10.34076/22196838_2023_2_32.

² Проявлениями «позитивной дискриминации» стали коренизация (развитие национальной культуры и предоставление национальных квот); ускоренное государственное строительство; создание письменности. См.: Щербак А. Н., Белячевец Л. С., Платонова Е. С. История советской национальной политики: колебания маятника // Политическая наука. 2016. № 1. С. 104–105.

³ Мьялсоо Л. Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г. / пер. А. Крашевский. Tartu: Tartu University press, 2005. С. 285–295; Ziemele I. State Continuity, Succession and Responsibility: Reparations to the Baltic States and their Peoples? // International Law from a Baltic Perspective. Brill-Nijhoff, 2020. P. 54–76.

⁴ «В течение XIX века Российская империя постепенно ликвидировала ханскую власть в Казахстане, внедрив вместо исконных казахских форм государственности структуры и законодательство империи» (Сарсембаев М. А. Казахское ханство как суверенное государство средневековой эпохи. Астана: Институт законодательства Республики Казахстан, 2015. С. 318).

империи на самом деле прервало естественное развитие национальной государственности, однако в условиях *неконкурентоспособности* незападных политических моделей это развитие было бы прервано в любом случае, вопрос стоял только в том, какая из западных держав выполнит эту миссию.

Правовая квалификация рассматриваемых решений является более дифференцированной, чем квалификация решений, относящихся к первой группе, и предполагает использование нескольких правовых режимов. Основания для ответственности России в рамках *режима правопреемства* отсутствуют. Во-первых, правопреемство означает замену одного государства другим в несении ответственности за *международные отношения* определенной территории¹, в данном же случае речь идет о попытке вменения ответственности за внутренние отношения (т. е. отношения между центральными органами государства и его регионами / гражданами). Во-вторых, в соответствии с договоренностями, оформленными после распада СССР, Россия является продолжателем СССР только в отношении участия в договорах и членства в международных организациях; во всех остальных случаях она является преемником, т. е. должна нести ответственность *наряду* с другими государствами, образовавшимися после распада СССР².

Другим релевантным режимом является *режим самоопределения*. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 г., утвержденная Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 1514 (XV), подтвердила, что «народы в своих собственных интересах могут свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами» и в силу права на самоопределение «свободно осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие». Статья 1 Пакта о правах человека 1966 г. воспроизвела эти формулировки и дополнительно указала, что «ни один народ ни в коем случае не может быть лишен принадлежащих ему средств существования», а все государства, отвечающие за управление самоуправляющимися и подопечными территориями, должны уважать это право.

Этот режим также не может выступать основой для претензий. Во-первых, право наций на самоопределение в своем антиколониальном аспекте консолидировалось как обычная норма только с принятием Резолюции 1514 (XV) и не может распространяться на более ранние ситуации³. Во-вторых, на практике оно трактуется ограничительно: его бенефициарами являются только те нации, которые находятся в колониальной зависимости или под оккупацией, а его эффект в основном состоит в признании их *права на сецессию*⁴. Внутренний аспект (отношения между центральной властью и подчиненными народами) рассматривался редко и, как правило, в контексте иных режимов (например, режима оккупации)⁵. В-третьих, центральноазиатские

¹ См. ст. 2 (1b) Конвенции о правопреемстве государств в отношении договоров 1978 г. и ст. 2 (1a) о правопреемстве государств в отношении государственной собственности, государственных архивов и государственных долгов 1983 г.

² П. П. Кремнев приходит к выводу о том, что Россия не идентична СССР (доктрина континуитета), поскольку факт прекращения существования СССР был зафиксирован в многочисленных актах и соглашениях, она, однако, продолжила осуществлять все международные права и обязательства СССР. Содержание концепции продолжательства сводится к смене или автоматическому перенесению прав и обязательств государства-предшественника на государство-продолжатель в международных отношениях. В некоторых вопросах положение государства-продолжателя может ничем не отличаться от статуса остальных преемников. Данная концепция является новой для международного права (Кремнев П. П. Распад СССР и правопреемство государств. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 149–169). С данной точкой зрения сложно согласиться: по своей сути «продолжательство» выглядит автоматическим преемством, т. е. преемством, не нуждающимся в специальном оформлении.

³ В Заключении от 25 февраля 2019 г. о последствиях отделения архипелага Чагос от Маврикия в 1965 г. МС ООН указал, что принятие Резолюции 1514 (XV) стало решающим моментом в консолидации практики в сфере деколонизации. В 1960-х гг. процесс деколонизации ускорился. Таким образом, между Резолюцией и процессом деколонизации, последовавшим после ее принятия, существует связь. Хотя Резолюция формально является рекомендацией, она декларирует право на самоопределение как обычную норму (пар. 152).

⁴ Заключения МС ООН о последствиях присутствия Южной Африки в Намибии от 21 июня 1971 г., о Западной Сахаре от 16 октября 1975 г.; о правовых последствиях отделения архипелага Чагос от Маврикия от 25 февраля 2019 г.

⁵ В Заключении о последствиях строительства стены на оккупированной палестинской территории от 9 июля 2004 г. Международный суд ООН счел, что территория, занятая Израилем в 1967 г., является

республики не удовлетворяют тесту «соленой воды» (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1541/1960 г.), в соответствии с которым «несамоуправляющимися территориями» считаются только те территории, которые *расположены отдельно* и отличаются в этническом и культурном отношении от управляющей страны¹. Иными словами, их нахождение в составе СССР не может быть признано *колониальной зависимостью*.

Эволюция права на самоопределение в сторону расширительного толкования не представляется возможной: предоставление новым независимым государствам права на получение компенсации от метрополии за нерациональную экономическую или социальную политику серьезно дестабилизирует международные отношения: адресатом таких исков станут все западные страны, а предъявленные требования будут носить заведомо невыполнимый характер, в связи с этим данное право *никогда не будет признано* на уровне обычая. Возможное исключение – договорные режимы, установленные по окончании колониальной эпохи (т. е. в XX в.), например режим мандатов или режим оккупации².

Режим ответственности за международные преступления также неприменим. Индивидуальная уголовная ответственность невозможна в силу естественных причин: все причастные к принятию указанных решений давно умерли. Ответственность государства на основании Конвенции о геноциде 1948 г. невозможна в силу отсутствия ее обратной силы и сложностей, связанных с доказыванием специального намерения (*dolus specialis*). Первое препятствие теоретически может быть снято признанием запрета геноцида обычаем, сложившимся до Второй мировой войны, работа в этом направлении, однако, неизбежно затронет колониальную политику западных стран. Таким образом, объявление таких событий, как Голодомор или Ашаршылык, геноцидом имеет лишь политическое (но не юридическое) значение.

В постсоветских странах политика СССР по отношению к окраинам обсуждается преимущественно *за пределами правового дискурса*; это обстоятельство усиливает конфликтный потенциал указанных событий и создает предпосылки для неверных правовых квалификаций. Ответная риторика РФ носит во многом зеркальный характер и также характеризуется пренебрежением к правовой составляющей³. Задача отечественной доктрины в связи с этим состоит в том, чтобы осуществить *сугубо правовой анализ* и выработать систему аргументов, которые в перспективе могли бы быть использованы внешнеполитическим ведомством. Табуирование данной проблемы, акцент на встречных обвинениях и эмоциональная реакция демонстрируют *слабость правовой позиции*.

окупированной и в ее отношении действуют Женевская конвенция IV и договоры о правах человека. Израильские поселения на ней были созданы в нарушение международного права, а строительство стены создает «свершившийся факт», который может стать постоянным, что будет равнозначно аннексии. Строительство стены создает опасность демографических изменений и в связи с этим нарушает право палестинцев на самоопределение. Оно препятствует осуществлению жителями оккупированной территории свободы передвижения, а также прав на труд, здоровье, образование и достаточный жизненный уровень. В малоизвестном Решении по делу о толковании Договора Манагуа от 2 июля 1881 г. арбитр (император Австрии Франц Иосиф I) подверг критике экономическую и социальную политику Никарагуа по отношению к народу мискито, хотя и не признал ее нарушением международного права.

¹ Это уточнение было принято по настоянию США, не желающих распространения принципа самоопределения на индейские племена, проживающие на их территории. См.: Roy A. J. Sovereignty and Decolonization: Realizing Indigenous Self-Determination at the United Nations and in Canada. N. Y.: Cornell University Press, 1998. P. 13–23.

² В 1989 г. Науру обратилось в Международный суд ООН, требуя от Австралии, выступавшей в качестве администрирующей державы, возмещения за хищническую эксплуатацию его фосфатных земель. В 1992 г. Суд признал себя компетентным. В сентябре 1993 г. стороны достигли дружественного урегулирования: Науру отказалось от иска после того, как Австралия согласилась выплатить компенсацию.

³ В Резолюции от 30 ноября 2022 г. Бундестаг признал голод на Украине (1932–1933 гг.) геноцидом украинского народа. В Заявлении от 1 декабря 2022 г. МИД РФ отметил, что «страшный голод бушевал не только на Украине, но и на всей территории нашей страны, унес миллионы жизней» (юридический аргумент, одно предложение), после чего перешел к встречным обвинениям в адрес парламента Германии и Запада в целом (десять предложений). См.: Заявление МИД России в связи с резолюцией парламента Германии по теме массового голода в СССР в 1932–1933 годах // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2022. 1 дек. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/official_statement/1841172 (дата обращения: 01.05.2023).

Противоречия, возникшие в результате распада СССР¹

Третья группа противоречий связана не с решениями центральной власти, а, наоборот, с их отсутствием. С распадом СССР исчез централизованный механизм примирения противоположных интересов, в рамках которого советское правительство устанавливало правовые режимы и выступало в качестве арбитра; новые государства столкнулись с необходимостью действовать на основе международного права, обращаясь к согласительным (а не централизованным) механизмам.

1. Проблема распределения водных ресурсов исследована достаточно хорошо². Водные потребности региона удовлетворяются за счет двух рек: Сырдарья берет начало в горах Тянь-Шань (Кыргызстан), а Амударья – в Памире (Таджикистан); обе реки текут с востока на запад, через Узбекистан, Туркменистан и Казахстан, и впадают в Аральское море. Воды Сырдарьи собираются в Токтогульском водохранилище, построенном на ее притоке Нарын (Кыргызстан). В советский период 75 % стока производилось в вегетационный период (апрель – сентябрь) и 25 % – зимой (октябрь – март); 46 % направлялось в Узбекистан, 44 – в Казахстан, 8 – в Таджикистан и 2 – в Киргизию³. Добавочное «летнее» электричество направлялось в Узбекистан и Казахстан; в обмен Киргизия получала топливо из этих стран. Этот порядок прекратил свое существование после распада СССР.

Решение данной проблемы может основываться на общем праве, интеграционном праве, региональных инструментах, двусторонних соглашениях и односторонних актах. Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков 1997 г. (*общее право*) не содержит четкого алгоритма: ее ст. 6 закрепляет сразу несколько факторов справедливого и разумного использования водотоков; на практике разные государства настаивают на приоритете разных факторов⁴. Выстраивание баланса факторов предполагает обращение к третьей стороне, например к международным судам, решение которой будет неизбежно дискреционным⁵. Кроме того, Конвенция не регулирует вопрос компенсации, а из стран региона ее ратифицировал только Узбекистан.

Интеграционное право (СНГ, ЕАЭС) не содержит механизмов решения экологических проблем и сконцентрировано исключительно на регулировании товарооборота. Кроме того, высшие органы СНГ и ЕАЭС, использующие метод консенсуса, не в состоянии выполнять функцию разрешения споров (ст. 13, 17, 18 Договора о ЕАЭС): государство, не согласное с решением большинства, не связано им. Компетенция Суда ЕАЭС по разрешению споров между государствами (п. 39 (1) Статута Суда ЕАЭС) является не востребуемой и не может быть задействована в отсутствии материально-правовых оснований (более реальной в связи с этим выглядит возможность вынесения консультативного заключения).

¹ При написании данного раздела частично использовалась статья: Толстых В. Л. Центральная Азия и международное право: факторы, проблемы, перспективы // Закон. 2022. № 8. С. 42–59. DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-8-42-59.

² Борисова Е. А. История развития конфликтов по поводу водных ресурсов в Центральной Азии в постсоветский период // Россия и мусульманский мир. 2014. № 9. С. 122–123; Каюмов А. Дефицит водных ресурсов и динамика межгосударственного сотрудничества в бассейне Нарына и Сырдарьи // Центральная Азия и Кавказ. 2012. Т. 15. Вып. 3. С. 92–107; Campins Eritja M. Transboundary Water Resources Management in Central Asia and its Role in the Emergence of Conflicts Affecting Regional Stability // Paix et Sécurité Internationales. 2019. № 7. P. 13–46. DOI: 10.25267/Paix_secur_int.2019.i7.01; Murthy Sh. L., Mendikuloва F. Water, Conflict, and Cooperation in Central Asia: The Role of International Law and Diplomacy // Vermont Journal of International Law. 2017. Vol. 18. P. 400–454.

³ Схема комплексного использования и охраны водных ресурсов бассейна Сырдарьи и постановление Госплана СССР № 11 от 5 мая 1982 г., протокол № 413 Научно-технического совета Министерства мелиорации и водного хозяйства СССР от 7 февраля 1984 г. по Сырдарье и протокол № 566 от 10 сентября 1987 г. по Амударье.

⁴ Претендуя на «летнюю воду», Узбекистан может ссылаться на социально-экономические потребности (нужды сельского хозяйства), зависимость населения (рост его численности), существующее использование и экологические факторы (заболачивание в результате сброса «зимней воды»). Кыргызстан, в свою очередь, также может ссылаться на данные потребности (необходимость сброса «зимней воды» с целью запуска ГЭС), требовать от Узбекистана эффективного использования «летней воды» и компенсации его расходов на содержание водохранилищ.

⁵ См., например, решения арбитражного суда по делу Кишенганги от 18 февраля и 20 декабря 2013 г. (Пакистан и Индия).

Два многосторонних договора: Соглашение о совместном использовании водных ресурсов государств Центральной Азии 1992 г. и Рамочное соглашение об использовании водно-энергетических ресурсов бассейна Сырдарьи 1998 г. – характеризуются низким уровнем юридической техники и не обеспечиваются эффективными механизмами мониторинга и разрешения споров. Соглашение 1992 г. поручило определение лимитов потребления Координационной водохозяйственной комиссии, но не решило вопрос о компенсации. Соглашение 1998 г. закрепляет принцип обмена «летней воды» на топливо и отправляет к ежегодным двусторонним соглашениям, но не устанавливает механизм корректировок стока в засушливые годы, режим эксплуатации водной инфраструктуры и методики расчета компенсации.

Основным инструментом водно-энергетического бартера сегодня выступают *двусторонние и трехсторонние ежегодные соглашения*, заключаемые под эгидой Координационной комиссии. Практика их заключения, похоже, приобрела регулярный и упорядоченный характер¹, они обеспечивают гибкое и ориентированное на реальные потребности регулирование (в частности, учитывают ожидаемое маловодье). Они, однако, не основаны на системе *общих обязательств* и предполагают *постоянное согласование* интересов, требующее значительных дипломатических усилий со стороны «нижних» государств. Достигнутый в их отношении консенсус в связи с этим является ненадежным.

В 2001 г. Кыргызстан принял Закон «О межгосударственном использовании водных объектов, водных ресурсов и водохозяйственных сооружений», закрепивший следующие принципы: признание права собственности государства на водные ресурсы; признание воды как вида ресурсов, имеющего экономическую стоимость и являющегося товаром; платность водопользования в межгосударственных отношениях; достижение взаимной выгоды на справедливой и разумной основе и др.² Максималистский подход, закрепленный в Законе, не был реализован на практике; данный демарш, однако, свидетельствует о недостаточности существующих решений и возможности обострения ситуации.

2. Проблема *Аральского моря* имеет два аспекта. Первый касается ответственности за решения центральных властей и был рассмотрен выше. Второй аспект касается мер по преодолению экологической катастрофы и ликвидации ее последствий. В 1993 г. государства региона заключили Соглашение о совместных действиях по решению проблемы Аральского моря и Приаралья, определившее общие задачи (ст. 1), и учредили Международный фонд спасения Арала (МФСА) и Межгосударственный совет по проблемам бассейна Аральского моря; основной формой деятельности этих органов стали совещания и конференции³. Помимо этого был принят ряд деклараций: Нукусская 1995 г., Алматинская 1997 г., Ашхабатская 1999 г., Душанбинская 2002 г., Алматинская 2009 г. В 2006 г. государства региона заключили Рамочную конвенцию об охране окружающей среды для устойчивого развития в Центральной Азии, закрепившую принципы сотрудничества и ряд общих обязательств (сотрудничества, справедливого и разумного использования ресурсов, улучшения экологической ситуации в бассейне Арала и др.).

В 2005 г. Казахстан построил за счет средств Всемирного банка Коккаральскую дамбу, не позволяющую воде из Малого Арала стекать в Большой. Результатом стало

¹ Информация об этих соглашениях содержится на сайте Международного фонда спасения Арала (URL: <http://cawater-info.net>) в разделе «Ежегодник „Вода в Центральной Азии и в мире“».

² Кыргызстан рассчитывал получать за воду до 350 млн долл./год, ссылаясь на то, что одно содержание ГЭС и водохранилищ обходится ему в 120 млн. Узбекистан, в свою очередь, заявил об убытках в размере 770–800 млн, которые «нижние» страны несут в результате нерационального использования вод Кыргызстаном (затопление и загрязнение). См.: Жильцов С. С. Роль водных ресурсов трансграничных рек Центральной Азии в развитии региона // Устойчивое развитие: общество, экология, экономика: материалы XV междунар. науч. конф. (Москва, 28 марта 2019 г.): в 4 ч. / под ред. А. В. Семенова, Н. Г. Малышева. М.: Московский университет им. С. Ю. Витте, 2019. Ч. 1. С. 82.

³ В 2022 г. Исполнительный комитет МФСА организовал экспедицию молодых ученых, встречи с международными партнерами, региональный семинар, его сотрудники приняли участие в 12 форумах. Национальные структуры, аффилированные с Фондом (Исполнительная дирекция МФСА в Казахстане, Агентство по реализации проектов МФСА в Узбекистане), реализуют мероприятия практического характера, в основном за счет грантов. См.: Ежегодник «Вода в Центральной Азии и мире 2022». URL: http://cawater-info.net/yearbook/2022/03_yearbook2022_ru.htm (дата обращения: 01.05.2023).

улучшение состояния Малого Арала и ухудшение состояния Большого Арала, который разделился на Восточный и Западный. Казахстан ссылается на то, что спасение Большого Арала невозможно. Программа спасения Малого Арала вызвала протесты Узбекистана; в последние годы, однако, он изменил свое отношение, что объясняется подготовкой к освоению нефтегазовых ресурсов Арала (которое станет невозможным в случае восстановления Большого Арала). Строительство Казахстаном дамбы, тем не менее, выглядит проблематичным в свете общего международного права, запрещающего причинение трансграничного ущерба (ст. 7 Конвенции 1997 г.).

Проблема Арала привлекает внимание международных экологических организаций, их деятельность, однако, оценивается как малоэффективная. Так, Зеленый климатический фонд, действующий в соответствии с Рамочной конвенцией ООН об изменении климата 1992 г., недавно одобрил четыре проекта для Узбекистана. Только один из них связан с Аралом и предусматривает финансирование программ диверсификации сельскохозяйственных культур, управления водными ресурсами, восстановления деградированных земель и т. п.; сумма гранта относительно небольшая (68,8 млн долл.). Другие проекты предусматривают финансирование в больших объемах, но имеют менее четкие индикаторы; так, «Высокоэффективная программа для корпоративного сектора» (1 млрд для 7 стран) предусматривает переход к низкоуглеродной экономике «путем содействия внедрению технологий и стимулирования изменения поведения на уровне корпоративного управления»¹.

Проблема распределения водных ресурсов и проблема Арала являются *связанными*, их решение в связи с этим должно осуществляться на основе одних принципов, в рамках одного правового режима и под эгидой одного институционального механизма.

Набор *принципов* выглядит очевидным: 1) многосторонний (инклюзивный) подход; 2) справедливая компенсация «верхним» странам – в денежной форме или в форме поставок электричества (топлива); 3) учет экологических соображений; 4) единство экономической системы региона; 5) долгосрочность и устойчивость. Соответствующий *правовой режим* может включать общие обязательства, заимствованные из Конвенции 1997 г., и ряд дополнительных обязательств, касающихся водно-энергетического бартера, содержания инфраструктуры и процедуры принятия ежегодных решений о водозаборах. Рамочный принцип, закрепленный в Соглашении 1998 г., выглядит оптимальным, ежегодные лимиты, однако, более целесообразно определять не соглашениями государств, а односторонними решениями международной организации.

Институциональный механизм, созданный под эгидой МФСА, выглядит *удовлетворительным*, но имеет недостатки: неоправданно сложная структура, слабое взаимодействие подразделений, акцент на согласительных процедурах, недостаточное финансирование, нечеткость нормативных основ, отсутствие компетенции по проведению мониторинга и урегулированию разногласий². Его реформа в связи с этим выглядит необходимостью; ее варианты включают совершенствование структур МФСА³; создание новой организации с широкой компетенцией⁴; создание водно-энергетического консорциума, объединяющего госструктуры, сельскохозяйственные и энергетические организации⁵.

¹ Green climate fund. Republic of Uzbekistan. URL: <https://www.greenclimate.fund/countries/uzbekistan> (дата обращения: 01.05.2023).

² Винокуров Е., Ахунбаев А., Усманов Н. и др. Регулирование водно-энергетического комплекса Центральной Азии. Доклады и рабочие документы 22/4. Алматы; М.: Евразийский банк развития, 2022. С. 79–81.

³ В 2010 г. Исполнительный комитет МФСА при поддержке ЕЭК ООН и Германского общества по техническому сотрудничеству сформулировал ряд предложений: уточнение мандатов центральных и региональных органов; усиление координирующей роли центральных органов; улучшение распределения между странами мест расположения региональных органов; введение международной ротации руководителей; интернационализация персонала; упорядочение координации и взаимодействия национальных структур; улучшение координации связей с международными организациями; улучшение прозрачности в распределении помощи международного сообщества и др. См.: Дискуссионный документ «Совершенствование организационной структуры и договорно-правовой базы МФСА: анализ и предложения». 2010. С. 23. URL: https://unece.org/DAM/env/water/cadialogue/docs/rus/Draft_Paper_united_FINAL.pdf (дата обращения: 01.05.2023).

⁴ Дискуссионный документ «Совершенствование организационной структуры...». С. 28–35.

⁵ Проект Консорциума широко обсуждался в конце 90-х гг., Научно-информационный центр МКВК подготовил проект его устава. См.: URL: http://www.cawater-info.net/library/rus/carewib/02_iwec.pdf (дата об-

Общий вывод состоит в целесообразности разработки новой конвенции, заменяющей Соглашения 1992 г. и 1998 г. и выступающей в качестве «водной конституции» Центральной Азии. Ее стратегическая цель могла бы состоять не только в обеспечении более эффективного межгосударственного сотрудничества в водно-энергетической сфере, но и в качественном улучшении экологической ситуации¹.

Внешние конфликты

К четвертой группе относятся конфликтные ситуации, имеющие место на периферии региона. Государства Центральной Азии не являются их непосредственными участниками; эти ситуации, однако, могут прямо затрагивать их интересы и провоцировать их конфликты друг с другом либо с внешними акторами. Наиболее острый характер носят противоречия, связанные со статусом Каспийского моря, конфликт между Азербайджаном и Арменией и конфликт между Россией и Украиной.

1. В настоящее время международно-правовой статус Каспийского моря выглядит неопределенным: договоры с Ираном 1921 г. и 1940 г. устарели; Конвенция о статусе Каспийского моря 2018 г. не была ратифицирована Ираном; двусторонние договоры о делимитации дна не связывают Иран². Вместе с тем, несмотря на отказ Ирана от ратификации Конвенции, он, как представляется, связан некоторыми ее положениями в силу сформировавшегося после распада СССР обычая и принципа эстоппеля. Наиболее острыми являются следующие вопросы:

определение границ иранского сектора. Иран настаивает на равном распределении, т. е. претендует на сектор площадью 20 % (это противоречит интересам соседних Азербайджана и Туркменистана); другие государства используют в двусторонних соглашениях линию эквидистанции (в результате ее использования Иран получит лишь 14 %);

граница между Азербайджаном и Туркменистаном. Двусторонний договор о делимитации дна не заключен; блок нефтегазовых месторождений находится ближе к побережью Туркмении, но в советский период разрабатывался бакинскими нефтяниками³; Туркменистан предлагал передать спор в международный суд; в 2021 г. стороны подписали Меморандум о взаимопонимании по совместной разработке месторождения «Достлук» («Дружба») и в настоящее время ведут переговоры о заключении соглашения о совместном освоении⁴;

режим прокладки трубопроводов и строительство Транскаспийского газопровода (ТКГ), позволяющего транспортировать туркменский и казахстанский газ через

ращения: 01.05.2023). В 2022 г. Евразийский банк развития вернулся к этой идее и предложил создать консорциум, основной целью которого станет совместная реализация крупных инвестиционных проектов в водном хозяйстве, направленных на оптимизацию использования водных ресурсов (в том числе за счет модернизации ирригационной инфраструктуры и внедрения современных методов орошения), и электроэнергетике с целью формирования надежной региональной структуры генерирующих мощностей (см.: Винокуров Е., Ахунбаев А., Усманов Н. и др. Указ. соч. С. 88).

¹ А. С. Кудинов выделяет три стратегии: 1) сохранение *status quo*; 2) реализация масштабных гидротехнических решений (поворот сибирских рек и забор воды из Каспия); 3) принятие локальных мер. Первая стратегия – неэффективна, вторая – нереалистична и сомнительна с правовой точки зрения: «Непричинение трансграничного ущерба и устойчивое развитие местных сообществ при сохранении экосистем, в рамках которых происходит их жизнедеятельность, являются *ratio legis* международного экологического права и должны применяться как общие принципы...» В связи с этим автор останавливается на третьей стратегии, задача которой – сократить губительное воздействие проблемы на окружающую среду и жизнедеятельность людей. Возможные меры включают развитие водоемов в дельте Амударьи, реконструкцию ирригационных систем, внедрение водосберегающих технологий, лесопосадки на осушенном дне Арала и предотвращение опустынивания. См.: Кудинов А. С. Указ. соч.

² Толстых В. Л. Правовой режим Каспийского моря по Конвенции 2018 г. и интересы прикаспийских государств // Российский юридический журнал. 2020. № 1. С. 9–19.

³ Азербайджан, соответственно, руководствуется принципом *uti possidetis juris*. См.: Нерсисян Л. Россия вооружает прикаспийские страны для сохранения стабильности на Каспии // Военное обозрение. 2013. 12 авг. URL: <https://topwar.ru/31683-rossiya-vooruzhaet-prikaspiyskie-strany-dlya-sohraneniya-stabilnosti-na-kaspii.html> (дата обращения: 01.05.2023); Азербайджан с Туркменией не поделили Кяпаз (Сердар) на Каспийском море // Neftegaz.ru. 2012. 2 июля. URL: <https://neftgaz.ru/news/politics/262767-azerbaydzhan-s-turkmeniey-ne-podelili-kyapaz-serdar-na-kaspiyskom-more> (дата обращения: 01.05.2023).

⁴ Газаль Б. Значение и последствия нового соглашения между Туркменистаном и Азербайджаном в Каспийском бассейне // Каспийский вестник. 2021. 18 марта. URL: <http://casp-geo.ru/znachenie-i-posledstviya-novogo-soglasheniya-mezhdu-turkmenistanom-i-azerbajdzhanom-v-kaspijskom-bassejne> (дата обращения: 01.05.2023).

Азербайджан в Турцию и Европу, минуя российские газопроводы. Россия изначально возражала против этого проекта, настаивая на необходимости согласия всех пяти прикаспийских государств и ссылаясь на высокую сейсмичность района и его экологическую уязвимость. Конвенция 2018 г., однако, разрешила прокладку трубопроводов при условии соответствия их проектов экологическим требованиям, а также согласования трассы с государством-транзитером; Россия согласилась на это условие после того, как ФРГ, Финляндия и Швеция дали согласие на строительство «Северного потока – 2» в их исключительных экономических зонах. После диверсии на «Северных потоках», имевшей место 26 сентября 2022 г., стало вероятным возвращение России к прежней позиции.

2. Правовой режим *конфликта между Азербайджаном и Арменией* определяется четырьмя резолюциями Совета Безопасности ООН 1993 г. (822, 853, 874, 884), признающими территориальную целостность Азербайджана и других государств в регионе, и Заявлением о прекращении огня в Нагорном Карабахе от 9 ноября 2020 г., принятым по окончании второй Карабахской войны. В соответствии с Заявлением Армении обязалась вернуть Азербайджану оккупированные районы и гарантировать транспортное сообщение между западными районами Азербайджана и Нахичеванью; Лачинский коридор, связывающий Карабах и Армению, был передан под контроль российских миротворцев. Азербайджан, считая, что Соглашение дает ему *право на строительство, использование и экстерриториальный статус Зангезурского коридора*, приступил к строительству железной и автомобильной дорог на своей территории. Армения выступает против такой трактовки и считает, что Азербайджан готовит аннексию Зангезура (Сюника)¹. Спор по поводу Зангезура является зеркальным отражением спора по поводу Карабаха: большинство населения этого региона до Октябрьской революции 1917 г. составляли азербайджанцы (в 1897 г. 51,7 %), в 1921 г. он, однако, был передан Армении. Зангезурский коридор свяжет не только две части Азербайджана, но и Турцию с государствами Центральной Азии²; его открытие станет мощным стимулом для интеграции тюркских народов, существенно ослабит влияние России на постсоветском пространстве³, создаст долгосрочную угрозу интересам Ирана⁴ и в перспективе может усугубить уйгурскую проблему в Китае.

3. *Российско-украинское противостояние* вызвало неоднозначную реакцию в регионе. Официальная позиция всех пяти республик выглядит нейтральной или даже пророссийской; все пять республик воздержались от голосования по резолюциям Генеральной Ассамблеи ООН «Агрессия против Украины» от 2 марта 2022 г. и «О прин-

¹ Гусейнов В. Зангезурский коридор – краеугольный камень регионального сотрудничества на Южном Кавказе // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2022. 22 марта. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/zangezurskiy-koridor> (дата обращения: 01.05.2023).

² «Азербайджан... имеет ключевое значение. Это пробка в сосуде, содержащем богатства бассейна Каспийского моря и Средней Азии. Независимость государств Средней Азии можно рассматривать как практически бессмысленное понятие, если Азербайджан будет полностью подчинен московскому контролю... Независимый Азербайджан, соединенный с рынками Запада нефтепроводами, которые не проходят через контролируемую Россией территорию, также становится крупной магистралью для доступа передовых и энергопотребляющих экономик к энергетически богатым республикам Средней Азии» (Бжезинский З. Указ. соч. С. 26).

³ В. Абаджян пишет: «Если сравнить Договор о дружбе, сотрудничестве и безопасности между Россией и Азербайджаном от 1997 г. и Шушинскую декларацию о союзнических отношениях между Азербайджанской Республикой и Турецкой Республикой от 2021 г., то можно прийти к выводу, что во втором документе предусмотрены гораздо более действенные меры по обеспечению взаимной безопасности и сотрудничества, нежели в первом. Так, в Шушинской декларации достигнута договоренность об оказании в случае агрессии или угрозы агрессии со стороны третьего государства необходимой помощи в соответствии с Уставом ООН. Далее предусматриваются механизмы тесного взаимодействия в области безопасности и обороны, экономического и гуманитарного сотрудничества и т. д. ...Вышеупомянутый договор между Азербайджаном и Россией в случае возникновения ситуации, создающей угрозу миру, предусматривает лишь проведение безотлагательных консультаций и обмена информацией». См.: Абаджян В. Кавказский фронт «Евразийских Балкан» // Российский совет по международным делам (РСМД). 2022. 29 сент. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/kavkazskiy-front-evraziyskikh-balkan> (дата обращения: 01.05.2023).

⁴ Иран назвал защиту территориальной целостности Армении своей красной линией // EurAsia Daily. 2021. 27 янв. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/01/27/iran-nazval-zashchitu-territorialnoy-celostnosti-armenii-svoey-krasnoy-liniey> (дата обращения: 01.05.2023).

ципах справедливого мира» от 23 февраля 2023 г. Вместе с тем некоторые из них свернули совместные проекты в области образования и безопасности¹, а президент Казахстана заявил, что не признает «квазигосударственные территории» ДНР и ЛНР. Экономические последствия также выглядят двоякими: с одной стороны, страны региона нарастили товарооборот с Россией, стали коридорами для параллельного импорта и выиграли от притока квалифицированных мигрантов; с другой стороны, предприятия, торгующие с Россией, столкнулись с угрозой вторичных санкций; а Казахстан – с проблемой транзита своих углеводородов через российскую инфраструктуру².

Данные внешние вызовы свидетельствуют о наличии следующих проблем:

1) хрупкость границ, основанных на принципе *uti possidetis juris*, актуализация вопросов, связанных с действием права наций на самоопределение и принципом территориальной целостности;

2) острый кризис механизмов коллективной безопасности (прежде всего ОДКБ), необходимость их реформирования; неспособность ЕАЭС или СНГ обеспечивать координацию внешней политики и разрешение международных конфликтов;

3) отсутствие у государств региона собственной политической и международно-правовой позиции по отношению к внешним конфликтам, пренебрежение возможностью посредничества³;

4) нежелание государств региона даже в самых острых ситуациях координировать свои действия друг с другом и вырабатывать согласованную (общую) позицию;

5) общая слабость международно-правовой традиции на постсоветском пространстве, проявившаяся в провале попытки создания устойчивого правового статуса Каспийского моря и эффективных принципов мирного урегулирования конфликта между Арменией и Азербайджаном; вытекающая отсюда *зависимость от внешней международно-правовой повестки*.

Данные вызовы *противопоставляют интересы центральноазиатских государств интересам России*, что ставит перед первыми задачу поиска альтернативных направлений сотрудничества (например, в части транзита углеводородов или обеспечения собственной безопасности)⁴, а перед последней – задачу поиска новых механизмов, позволяющих сохранить лидерство в регионе и компенсировать центральноазиатским государствам неудобства, связанные с поддержкой российской позиции.

¹ Например, Казахстан и Кыргызстан отказались от участия в учениях ОДКБ, запланированных на 2022 г., а парламент Кыргызстана подготовил проект Закона «О государственном языке», предусматривающий постепенный отказ от русского языка.

² Бордачев Т. В., Чигова Д. Ю. Центральная Азия и украинский кризис. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2022. 22 дек. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/tsentralnaya-aziya-i-ukrainskiy-krizis/> (дата обращения: 01.05.2023); Рахимов К. Центральная Азия: испытание спецоперацией // Независимая газета. 2023. 12 марта. URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2023-03-12/11_8677_asia.html (дата обращения: 01.05.2023).

³ «Сегодняшнее наложение кризисов также ставит перед ними [государствами Центральной Азии] проблемы, осложняющие их стремление к открытости: блокирование Москвой транзита казахстанской нефти; замедление газового проекта ТАПИ и гидроэнергетического проекта CASA-1000 из-за неопределенности, царящей в Афганистане; сохранение в Центральной Азии советских коммуникаций и методов управления водными ресурсами... Нынешний контекст, тем не менее, в чем-то является классическим, поскольку – как это часто бывало в истории Центральной Азии – он ставит ее в положение ожидания по отношению к иностранным державам». См.: Левыстон М. Взаимосвязанность в Центральной Азии в эпоху международных кризисов. Транспортная, энергетическая и водная инфраструктуры между взаимозависимостью и открытостью // *Russie.Nei.Reports*. № 41. Иффри. Ноябрь 2022. С. 34. URL: <https://www.ifri.org/ru/publications/etudes-de-lifri/russieneireports/vzaimosvyazannost-v-centralnoy-azii-v-epohu> (дата обращения: 01.05.2023). «Центральноазиатские государства вырабатывают особый способ общения с внешними акторами, позволяющий им принимать тот облик, который от них ожидают» (Ларюэль М. Внешняя политика и идентичность центральноазиатских государств // *Pro et Contra*. 2013. № 1–2. С. 8).

⁴ Примером могут служить усилия Казахстана по поиску новых маршрутов экспорта нефти в Европу и усилия Армении по поиску новых площадок рассмотрения ее конфликта с Азербайджаном (Международный суд ООН, посреднические услуги США). См.: Жильцов С. Казахстан ищет новые маршруты экспорта нефти // Независимая газета. 2023. 13 марта. URL: https://www.ng.ru/energy/2023-03-13/15_8678_kazakhstan.html (дата обращения: 02.05.2023); Лакстыгал И., Гасымов Н. Азербайджан и Армения обсудили в Вашингтоне мир и Лачин // *Ведомости*. 2023. 2 мая. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/05/01/973315-azerbaidzhan-armeniya-obsudili-mir> (дата обращения: 02.05.2023).

Заключение

Противоречия, существующие в Центрально-Азиатском регионе, могут быть успешно преодолены средствами международного права. Обострение некоторых из них и неэффективность имеющихся платформ и решений свидетельствуют о неразвитости регионального правопорядка и необходимости его реформирования. Создание нового интеграционного наднационального объединения могло бы стать всеобъемлющим решением, данная перспектива, однако, выглядит отдаленной. Маловероятна и реформа существующих объединений (ЕАЭС и СНГ), уделяющих внимание исключительно экономическим вопросам. Более реалистичной на данном этапе в связи с этим представляется политика малых дел, предполагающая кропотливый анализ отдельных проблем и разработку локальных решений.

Подход к разрешению международных споров на постсоветском пространстве, сложившийся в 90-е гг. XX в., характеризуется следующими основными особенностями: политизация публичной риторики, преимущественное использование согласительных механизмов, монополия России на посредничество и добрые услуги, недостаток внимания со стороны правовой доктрины. В настоящее время он меняется: государства все чаще апеллируют к международному праву и обращаются в международные суды (феномен, получивший название *judicialization*)¹; наряду с Россией в качестве посредников стали выступать США, Турция и Китай; международно-правовая доктрина, наконец, начала уделять данным вопросам должное (но пока еще недостаточное) внимание².

Международно-правовая политика РФ и политика интеграционных объединений с ее участием должна учитывать эти общие и носящие объективный характер тренды. Россия, в частности, могла бы выступить с инициативой правового решения водной проблемы или проблемы анклавов, а Суд ЕАЭС мог бы составить консультативное заключение по вопросу о правовом режиме Каспийского моря. Отечественная международно-правовая доктрина вполне способна оказать необходимую методологическую помощь в подготовке и реализации данных мер. Запрос на них со стороны самих центральноазиатских стран, как представляется, имеется.

Отдельной проблемой является дефицит квалифицированных исторических, экономических и политологических исследований, которые могли бы использоваться в качестве основы для международно-правового анализа³. Большинство экспертных заключений, содержащих развернутый анализ ситуации в регионе, составляются при поддержке международных организаций и часто – иностранными специалистами, их объективность в связи с этим может вызывать сомнение; национальные же проекты поддержки академической науки игнорируют данную проблематику. Эта проблема также нуждается в осмыслении и решении.

Список литературы

Абаджян В. Кавказский фронт «Евразийских Балкан» // Российский совет по международным делам (РСМД). 2022. 29 сент. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/kavkazskiy-front-evraziyskikh-balkan> (дата обращения: 01.05.2023).

¹ В настоящее время Международный суд ООН рассматривает два иска Украины к России, иск Армении к Азербайджану и иск Азербайджана к Армении.

² Отдельно следует отметить Первый Центрально-Азиатский международно-правовой форум, организованный Университетом им. О. Е. Кутафина и МГИМО (Университетом) МИД России и прошедший в Москве 26–27 января 2023 г.

³ «Неэффективное использование природных ресурсов или милитаризация границ очень часто проистекают от отсутствия основанного на фактических данных принятия решений в регионе... Институциональный потенциал для ведения регулярной и в интересах политики исследовательской работы в этом регионе является слабым. Одним из главных факторов, способствующих широко распространенному разрыву между потенциалом публичной администрации и прикладными исследованиями, является целостное отсутствие вложений в возможности для профессионального развития государственных служащих и исследователей. Крах СССР и последовавший упадок его образовательных институтов наряду с отсутствием национального финансирования качественных исследований разрушили способность государств Центральной Азии вести основанный на фактических данных анализ. Кроме того, интерес международного академического сообщества к Центральной Азии (по сравнению с началом 1990-х) также существенно снизился» (Токтомушев К. Понимание трансграничного конфликта в Центральной Азии // *Connections QJ*. 2018. Vol. 17. № 1. P. 39).

Бжезинский З. Великая шахматная доска (господство Америки и ее стратегические императивы). М.: Междунар. отношения, 1998. 256 с.

Бордачев Т. В., Чиждова Д. Ю. Центральная Азия и украинский кризис. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2022. 22 дек. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/tsentralnaya-aziya-i-ukrainskiy-krizis/> (дата обращения: 01.05.2023).

Борисова Е. А. История развития конфликтов по поводу водных ресурсов в Центральной Азии в постсоветский период // Россия и мусульманский мир. 2014. № 9. С. 122–133.

Винокуров Е., Ахунбаев А., Усманов Н. и др. Регулирование водно-энергетического комплекса Центральной Азии. Доклады и рабочие документы 22/4. Алматы; М.: Евразийский банк развития. 2022. 114 с.

Газаль Б. Значение и последствия нового соглашения между Туркменистаном и Азербайджаном в Каспийском бассейне // Каспийский вестник. 2021. 18 марта. URL: <http://casp-geo.ru/znachenie-i-posledstviya-novogo-soglasheniya-mezhdu-turkmenistanom-i-azerbajdzhanom-v-kaspijskom-bassejne> (дата обращения: 01.05.2023).

Гусейнов В. Зангезурский коридор – краеугольный камень регионального сотрудничества на Южном Кавказе // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2022. 22 марта. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/zangezurskiy-koridor> (дата обращения: 01.05.2023).

Жильцов С. Казахстан ищет новые маршруты экспорта нефти // Независимая газета. 2023. 13 марта. URL: https://www.ng.ru/energy/2023-03-13/15_8678_kazakhstan.html (дата обращения: 02.05.2023).

Жильцов С. С. Роль водных ресурсов трансграничных рек Центральной Азии в развитии региона // Устойчивое развитие: общество, экология, экономика: материалы XV междунар. науч. конф. (Москва, 28 марта 2019 г.): в 4 ч. / под ред. А. В. Семенова, Н. Г. Малышева. М.: Московский университет им. С. Ю. Витте, 2019. Ч. 1 С. 71–90.

Каюмов А. Дефицит водных ресурсов и динамика межгосударственного сотрудничества в бассейне Нарына и Сырдарьи // Центральная Азия и Кавказ. 2012. Т. 15. Вып. 3. Р. 92–107.

Кремнев П. П. Распад СССР и правопреемство государств. М.: Юрлитинформ, 2012. 170 с.

Кудинов А. С. Аральское море: глобальное решение региональной проблемы // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 2. С. 32–39. DOI: 10.34076/22196838_2023_2_32.

Лакстыгал И., Гасымов Н. Азербайджан и Армения обсудили в Вашингтоне мир и Лачин // Ведомости. 2023. 2 мая. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/05/01/973315-azerbajdzhan-armeniya-obsudili-mir> (дата обращения: 02.05.2023).

Ларюэль М. Внешняя политика и идентичность центральноазиатских государств // Pro et Contra. 2013. № 1–2. С. 6–20.

Левистон М. Взаимосвязанность в Центральной Азии в эпоху международных кризисов. Транспортная, энергетическая и водная инфраструктуры между взаимозависимостью и открытостью // Russie.Nei.Reports. № 41. Ифри. Ноябрь 2022. 35 с. URL: <https://www.ifri.org/ru/publications/etudes-de-lifri/russieneireports/vzaimosvyazannost-v-centralnoy-azii-v-epohu> (дата обращения: 01.05.2023).

Мялксон Л. Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940–1991 гг. и после 1991 г. / пер. А. Крашевский. Tartu: Tartu University press, 2005. 399 с.

Нерсиян Л. Россия вооружает прикаспийские страны для сохранения стабильности на Каспии // Военное обозрение. 2013. 12 августа. URL: <https://topwar.ru/31683-rossiya-vooruzhaet-prikaspiyskie-strany-dlya-sohraneniya-stabilnosti-na-kaspii.html> (дата обращения: 01.05.2023).

Рахимов К. Центральная Азия: испытание спецоперацией // Независимая газета. 2023. 12 марта. URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2023-03-12/11_8677_asia.html (дата обращения: 01.05.2023).

Сарсембаев М. А. Казахское ханство как суверенное государство средневековой эпохи. Астана: Институт законодательства Республики Казахстан, 2015. 341 с.

Токтомушев К. Понимание трансграничного конфликта в Центральной Азии // Connections QJ. 2018. Vol. 17. № 1. Р. 23–46.

Толстых В. Л. Государственно-территориальное размежевание в Центральной Азии и его международно-правовые последствия // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 2. С. 13–32.

Толстых В. Л. Правовой режим Каспийского моря по Конвенции 2018 г. и интересы прикаспийских государств // Российский юридический журнал. 2020. № 1. С. 9–19.

Толстых В. Л. Центральная Азия и международное право: факторы, проблемы, перспективы // Закон. 2022. № 8. С. 42–59. DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-8-42-59.

Щербак А. Н., Белячевец Л. С., Платонова Е. С. История советской национальной политики: колебания маятника // Политическая наука. 2016. № 1. С. 100–123.

Campins Eritja M. Transboundary Water Resources Management in Central Asia and its Role in the Emergence of Conflicts Affecting Regional Stability // *Paix et Sécurité Internationales*. 2019. № 7. P. 13–46. DOI: 10.25267/Paix_secur_int.2019.i7.01.

Murthy Sh. L., Mendikulova F. Water, Conflict, and Cooperation in Central Asia: The Role of International Law and Diplomacy // *Vermont Journal of International Law*. 2017. Vol. 18. P. 400–454.

Raton P. Les Enclaves // *Annuaire français de Droit International*. 1958. P. 186–195.

Roy A. J. Sovereignty and Decolonization: Realizing Indigenous Self-Determination at the United Nations and in Canada. N. Y.: Cornell University Press, 1998. 140 p.

Ziemele I. State Continuity, Succession and Responsibility: Reparations to the Baltic States and their Peoples? // *International Law from a Baltic Perspective*. Brill-Nijhoff, 2020. P. 54–76.

References

Abadzhyan V. (2022) Kavkazskii front «Evraziiskikh Balkan» [Caucasian Front of the «Eurasian Balkans»]. In *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD)*, 29 Sep., available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/kavkazskiy-front-evraziyskikh-balkan> (accessed: 01.05.2023).

Bordachev T. V., Chizhova D. Yu. (2022) Tsentral'naya Aziya i ukrainskii krizis. Doklad Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valdai» [Central Asia and the Ukrainian crisis. Report of the Valdai International Discussion Club]. In *Mezhdunarodnyi diskussionnyi klub «Valdai»*, 22 Dec., available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/tsentralnaya-aziya-i-ukrainskiy-krizis/> (accessed: 01.05.2023).

Borisova E. A. (2014) Istoriya razvitiya konfliktov po povodu vodnykh resursov v Tsentral'noi Azii v postsovetskii period [The history of the development of conflicts over water resources in Central Asia in the post-Soviet period]. In *Rossiya i musul'manskii mir*, no. 9, pp. 122–133.

Bzhezinskii Z. (1998) *Velikaya shakhmatnaya doska (gospodstvo Ameriki i ee strategicheskie imperativy)* [The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives]. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya, 256 p.

Campins Eritja M. (2019) Transboundary Water Resources Management in Central Asia and its Role in the Emergence of Conflicts Affecting Regional Stability. In *Paix et Sécurité Internationales*, no. 7, pp. 13–46, DOI: 10.25267/Paix_secur_int.2019.i7.01.

Gazal' B. (2021) Znachenie i posledstviya novogo soglasheniya mezhdou Turkmenistanom i Azerbaidzhanom v Kaspiiskom basseine [The significance and consequences of the new agreement between Turkmenistan and Azerbaijan in the Caspian basin]. In *Kaspiiskii vestnik*, 18 March, available at: <http://casp-geo.ru/znachenie-i-posledstviya-novogo-soglasheniya-mezhdou-turkmenistanom-i-azerbaidzhanom-v-kaspiiskom-bassejne> (accessed: 01.05.2023).

Guseinov V. (2022) Zangezurskii koridor – kraeugol'nyi kamen' regional'nogo sotrudnichestva na Yuzhnom Kavkaze [Zangezur corridor – the cornerstone of regional cooperation in the South Caucasus]. In *Mezhdunarodnyi diskussionnyi klub «Valdai»*, 22 March, available at: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/zangezurskiy-koridor> (accessed: 01.05.2023).

Kayumov A. (2012) Defitsit vodnykh resursov i dinamika mezhgosudarstvennogo sotrudnichestva v basseine Naryna i Syrdar'i [Water Resources Deficit and Dynamics of Interstate Cooperation in the Naryn and Syrdarya Basins]. In *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*, vol. 15, is. 3, pp. 92–107.

Kremnev P. P. (2012) *Raspad SSSR i pravopremstvo gosudarstv* [The collapse of the USSR and the succession of states]. Moscow, Yurlitinform, 170 p.

Kudinov A. S. (2023) Aral'skoe more: global'noe reshenie regional'noi problemy [The Aral Sea: a global solution to a regional problem]. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 2, pp. 32–39, DOI: 10.34076/22196838_2023_2_32.

Lakstygal I., Gasymov N. (2023) Azerbaidzhan i Armeniya obsudili v Vashingtone mir i Lachin [Azerbaijan and Armenia discussed peace and Lachin in Washington]. In *Vedomosti*, 2 May, available at: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/05/01/973315-azerbaidzhan-armeniya-obsudili-mir> (accessed: 02.05.2023).

Laryuel' M. (2013) Vneshnyaya politika i identichnost' tsentral'noaziatskikh gosudarstv [Foreign policy and identity of the Central Asian states]. In *Pro et Contra*, no. 1–2, pp. 6–20.

Leviston M. (2022) Vzaimosvyazannost' v Tsentral'noi Azii v epokhu mezhdunarodnykh krizisov. Transportnaya, energeticheskaya i vodnaya infrastruktury mezhdou vzaimozavisimost'yu i otkrytost'yu [Interconnectedness in Central Asia in an Age of international crises. Transport, energy and water infrastructure between interdependence and openness]. In *Russie.Nei.Reports*, no 41, Ifri, November 2022, available at: <https://www.ifri.org/ru/publications/etudes-de-lifri/russieneireports/vzaimosvyazannost-v-centralnoy-azii-v-epokhu> (accessed: 01.05.2023).

Murthy Sh. L., Mendikulova F. (2017) Water, Conflict, and Cooperation in Central Asia: The Role of International Law and Diplomacy. In *Vermont Journal of International Law*, vol. 18, pp. 400–454.

Myalksoo L. (2005) *Sovetskaya anneksiya i gosudarstvennyi kontinuitet: mezhdunarodno-pravovoi status Estonii, Latvii i Litvy v 1940–1991 gg. i posle 1991 g.* [Soviet annexation and state continuity: the international legal status of Estonia, Latvia and Lithuania in 1940–1991 and after 1991], transl. by A. Krashevsky, Tartu, Tartu University press, 399 p.

Nersisyan L. (2013) Rossiya vooruzhaet prikaspiiskie strany dlya sokhraneniya stabil'nosti na Kaspii [Russia is arming the Caspian countries to maintain stability in the Caspian Sea]. In *Voennoe obozrenie*, 12 Aug., available at: <https://topwar.ru/31683-rossiya-vooruzhaet-prikaspiyskie-strany-dlya-sohraneniya-stabilnosti-na-kaspii.html> (accessed: 01.05.2023).

Rakhimov K. (2023) Tsentral'naya Aziya: ispytanie spetsoperatsiei [Central Asia: the test of a special operation]. In *Nezavisimaya gazeta*, 12 March, available at: https://www.ng.ru/dipkurer/2023-03-12/11_8677_asia.html (accessed: 01.05.2023).

Raton P. (1958) Les Enclaves. In *Annuaire français de Droit International*, pp. 186–195.

Roy A. J. (1998) *Sovereignty and Decolonization: Realizing Indigenous Self-Determination at the United Nations and in Canada*. New York: Cornell University Press, 140 p.

Sarsembaev M. A. (2015) *Kazakhskoe khanstvo kak suverennoe gosudarstvo srednevekovoi epokhi* [Kazakh Khanate as a sovereign state of the medieval era]. Astana: Institut zakonodatel'stva Respubliki Kazakhstan, 341 p.

Shcherbak A. N., Belyachevets L. S., Platonova E. S. (2016) Istoriya sovetskoj natsional'noi politiki: kolebaniya mayatnika [History of Soviet nationality policy: pendulum swings]. In *Politicheskaya nauka*, no. 1, pp. 100–123.

Toktomushev K. (2018) Ponimanie transgranichnogo konflikta v Tsentral'noi Azii [Understanding Cross-border Conflict in Central Asia]. In *Connections QJ*, vol. 17, no. 1, pp. 23–46.

Tolstykh V. L. (2020) Pravovoi rezhim Kaspiiskogo morya po Konventsii 2018 g. i interesy prikaspiiskikh gosudarstv [The legal regime of the Caspian Sea according to the 2018 Convention and the interests of the Caspian states]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 9–19.

Tolstykh V. L. (2022) Tsentral'naya Aziya i mezhdunarodnoe pravo: faktory, problemy, perspektivy [Central Asia and international law: factors, problems, prospects]. In *Zakon*, no. 8, pp. 42–59, DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-8-42-59.

Tolstykh V. L. (2023) Gosudarstvenno-territorial'noe razmezhovanie v Tsentral'noi Azii i ego mezhdunarodno-pravovye posledstviya [State-territorial demarcation in Central Asia and its international legal consequences]. In *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 2, pp. 13–32.

Vinokurov E., Akhunbaev A., Usmanov N., et al. (2022) *Regulirovanie vodno-energeticheskogo kompleksa Tsentral'noi Azii. Doklady i rabochie dokumenty 22/4* [Regulation of the water-power complex of Central Asia. Reports and working papers 22/4]. Almaty, Moscow, Evraziiskii bank razvitiya, 114 p.

Zhil'tsov S. (2023) Kazakhstan ishchet novye marshruty eksporta nefti [Kazakhstan is looking for new oil export routes]. In *Nezavisimaya gazeta*, 13 March, available at: https://www.ng.ru/energy/2023-03-13/15_8678_kazakhstan.html (accessed: 02.05.2023).

Zhil'tsov S. S. (2019) Rol' vodnykh resursov transgranichnykh rek Tsentral'noi Azii v razvitiu regiona [The role of water resources of transboundary rivers in Central Asia for the development of the region]. In Semenov A. V., Malyshev N. G. (Eds.) *Ustoichivoe razvitie: obshchestvo, ekologiya, ekonomika: materialy XV mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* (Moskva, 28 marta 2019 g.): in 4 parts. Moscow, Moskovskii universitet im. S. Yu. Vitte, part 1, pp. 71–90.

Ziemele I. (2020) State Continuity, Succession and Responsibility: Reparations to the Baltic States and their Peoples? In *International Law from a Baltic Perspective*, Brill-Nijhoff, pp. 54–76.

АРАЛЬСКОЕ МОРЕ: ГЛОБАЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЫ¹

Кудинов Алексей Сергеевич

Научный сотрудник центра экспертизы санкционной политики
Московского государственного института международных отношений (Университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва),
кандидат юридических наук, ORCID: 0000-0001-9223-7678, e-mail: kudinov-as@mail.ru.

В статье анализируются четыре теории о причинах экологической катастрофы в бассейне Аральского моря: неконтролируемая ирригация, естественные циклы жизни Аральского моря, переток воды из Арала в Каспий через карстовые пустоты, глобальное потепление. Автор приходит к выводу о необходимости оценивать эти факторы в комплексе и учитывать фактор глобального потепления для финансирования восстановления Арала через международные финансовые и правовые механизмы, предназначенные для борьбы с изменением климата. Рассмотрены институциональная и договорно-правовая основы решения проблемы Аральского моря. Предложены рекомендации для государств Центральной Азии, которые позволят им сделать эту проблему частью глобальной климатической повестки.

Ключевые слова: Аральское море, экология, международное экологическое право, глобальное потепление, изменение климата, Конференция ООН по изменению климата, Рамочная конвенция ООН об изменении климата, COP27

Для цитирования: Кудинов А. С. Аральское море: глобальное решение региональной проблемы // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 2. С. 32–39. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_2_32.

THE ARAL SEA: A GLOBAL SOLUTION TO A REGIONAL PROBLEM

Kudinov Aleksey

Research officer, Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow),
candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0001-9223-7678, e-mail: kudinov-as@mail.ru.

The article is devoted to the analysis of four theories about the reasons for an ecological disaster in the Aral Sea Basin: uncontrolled irrigation, natural life cycles of the Aral Sea, water overflow from the Aral Sea to the Caspian Sea through karst cavities, and global warming. The author concludes that it is necessary to assess these factors as a whole and take into account the factor of global warming to finance the Aral Sea restoration through international financial and legal mechanisms designed to combat climate change. Institutional and legal frameworks for solving the Aral Sea problem are considered. There are recommendations for the Central Asian states that would help them to make this problem part of the global climate agenda.

Key words: the Aral Sea, ecology, international environmental law, global warming, climate change, UN Climate Change Conference, UN Framework Convention on Climate Change, COP27

*For citation: Kudinov A. (2023) The Aral Sea: A global solution to a regional problem. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnal»*, no. 2, pp. 32–39, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_2_32.*

¹ Статья подготовлена в рамках гранта МГИМО МИД России на выполнение научных работ молодыми исследователями под руководством докторов или кандидатов наук.

Введение

Аральское море – крупное соленое озеро на территории Казахстана и Узбекистана, питаемое двумя крупнейшими среднеазиатскими реками: Сырдарьей и Амударьей¹. За последние пятьдесят лет оно существенно изменилось в размерах из-за стремительного высыхания и ныне состоит из нескольких относительно небольших водоемов, объединяемых в Малый и Большой Арал. Проблема стала экологической катастрофой Центральной Азии, повлекшей за собой ухудшение качества жизни местного населения и даже отчасти глобальное изменение климата.

Причины катастрофы

1. Неконтролируемая ирригация. Самым популярным объяснением Аральской катастрофы является версия о нерачительном хозяйствовании в СССР. Бурный рост хлопкового земледелия в Центральной Азии требовал больших объемов пресной воды для орошения земель. В результате с середины 1950-х до середины 1980-х гг. расход воды на ирригацию в бассейне озера был значительно увеличен, что, как считается, привело к резкому сокращению стока рек Амударья и Сырдарья². Эта версия не только стала доминирующей в публицистических материалах, но и в постсоветское время часто использовалась в политических целях – для обвинения советского руководства в халатном отношении к экологии Средней Азии. Даже сегодня ответственность за осушение Аральского моря неявно пытаются возложить на Россию. Хотя, если оценивать объективно, причины катастрофы Аральского моря не так однозначны и должны рассматриваться комплексно.

2. Естественные циклы жизни Аральского моря. В последние годы появляется все больше доказательств того, что жизнь Аральского моря циклична и нынешний регресс – не первый в истории³. Так, в 2015 г. сибирские ученые установили, что до XX в. было две длительные регрессии, при которых уровень воды существенно падал, обнажая морское дно, и две значительно более кратковременные трансгрессии⁴. Несмотря на то что данная версия базируется на сугубо природных процессах, ученые сходятся в том, что текущее высыхание Аральского моря, начавшееся в 1960-х гг., произошло столь стремительно из-за антропогенных факторов⁵.

3. Переток воды из Арала в Каспий. Еще одной теорией, объясняющей Аральскую катастрофу, является геологическая версия об оттоке воды из Аральского бассейна в бассейн Каспийского моря⁶. Так, Б. Н. Голубов показал, что высыхание Аральского моря сопровождалось подъемом уровня Каспийского, «противофазное поведение уровней Аральского и Каспийского морей взаимно обусловлено техногенными возмущениями режима подземных вод региона». Причиной геологической проблемы стало антропогенное влияние: подземные ядерные взрывы, нефте- и урановая добыча в регионе. Эта теория иногда комбинируется с тезисом о цикличности жизни озера: «В неизменных природных и хозяйственных условиях в Арало-Каспийском бассейне аральские регрессии (трансгрессии) различных рангов совпадают с транс-

¹ В настоящее время вода Амударьи фактически не доходит до Аральского моря или доходит, но в незначительных количествах. Подробнее см.: Кулмедов Б. М., Щербаков В. И. Историческое и гидрогеологическое значение реки Амударья для Аральского моря // Научный журнал. Инженерные системы и сооружения. 2014. № 3. С. 28–32.

² Аладин Н. В. Международная конференция «Арал: прошлое, настоящее, будущее – два века исследований на Аральском море» // Аридные экосистемы. 2010. Т. 16. № 1. С. 76–77. Для выращивания хлопка использовали дикое орошение, т. е. вода свободно проходила через сельскохозяйственные угодья. Хотя этот способ ирригации дешевле, чем другие методы, но вода используется крайне неэффективно (Кулмедов Б. М., Щербаков В. И. Указ. соч. С. 28–32).

³ Ищенко М. Аральское море пересыхало в Средние века // ВКонтакте. 2020. 21 апр. URL: <https://vk.com/@eltblog-aralskoe-more-peresyhalo-v-srednie-veka> (дата обращения: 01.03.2023).

⁴ Ученые установили возраст Аральского моря // Интерфакс. 2015. 14 дек. URL: <https://www.interfax.ru/world/484792> (дата обращения: 01.03.2023).

⁵ Краткое Санкт-Петербургское заявление об Аральском море // Каспийский Вестник. URL: <http://caspio.ru/kratkoe-sankt-peterburgskoe-zayavlenie-ob-aralskom-more/> (дата обращения: 01.03.2023)

⁶ Голубов Б. Н. Аномальный подъем уровня Каспийского моря и катастрофическое обмеление Аральского моря как результат дренирования Арала под плато Устюрт и в Каспий вследствие техногенных возмущений недр // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2018. Т. 16. Вып. 1–2. DOI: 10.24411/2227-9490-2018-11072.

грессиями (регрессиями) на Каспии». Каспийское море периодически и естественным образом пополняется водными ресурсами бассейна Аральского моря по карстовой аквасистеме между ними. Из этого следует, что бассейн Аральского моря является частью бассейна Каспия вопреки прежним представлениям об изолированности Арала и Каспия¹.

4. Глобальное потепление. Научные данные свидетельствуют, что высыхание озера на 30 % обусловлено климатическими факторами². Как отмечено в Санкт-Петербургском заявлении об Аральском море, «глобальное потепление в последние десятилетия начало сказываться на водном балансе Аральского моря и по прогнозам станет важным фактором в будущем»³. По заключению Н. А. Агальцевой, «ни в одном климатическом сценарии не прогнозируется увеличение стока рек Амударья и Сырдарья, напротив, в будущем ожидается значительное сокращение стока. Это усугубит Аральский кризис»⁴. Механизм влияния глобального изменения климата на Аральское море очевиден: оно привело к увеличению скорости испарения воды с поверхности моря и фактически уменьшило его площадь⁵.

Нельзя не учитывать, что высыхание Арала и глобальное изменение климата – взаимовлияющие обстоятельства. Это проявляется не только в том, что парниковый эффект на планете неизбежно влияет на экосистемы всех климатических зон, но и в значимости проблемы Аральского моря для регионального и, возможно, глобального изменения климата⁶. По сообщению властей Узбекистана, речь идет об увеличении пыльных бурь и дефиците водных ресурсов в Центральной Азии⁷.

«До недавнего времени Аральское море имело значительную водную поверхность и служило климаторегулирующим водоемом и сглаживало резкие колебания погоды в Центрально-Азиатском регионе»⁸. «На фоне глобального изменения климата исчезновение Арала привело к тому, что с 1980-х годов темпы потепления в регионе бассейна Аральского моря превышают темпы глобального потепления более чем в 2 раза. В качестве наглядного показателя изменения климата можно отметить увеличение числа дней с температурой выше 40 °С в 2 раза в Приаралье, а по остальной территории Узбекистана – в среднем в полтора раза»⁹. «Ежегодно тысячи тонн пыли и соли, поднимаемые ветрами с высохшего дна Арала, распространяются на большие

¹ Кононов И. В. Конец восьмой в истекшие 5000 лет регрессии Аральского моря (анализ файла NASA со снимком Аральского моря) // Геология и полезные ископаемые Мирового океана. 2014. № 1. С. 108–114.

² «Как показали расчеты, более 70 % современного падения уровня моря и роста его минерализации обусловлено антропогенным влиянием, остальная часть этих изменений приходится на долю климатических факторов (естественной засушливости)». См.: Аральское море и Приаралье. Обобщение работ НИЦ МКВК по мониторингу состояния и анализу ситуации / под общ. ред. В. А. Духовного и др. Ташкент: Baktria press, 2017. С. 17. URL: http://www.cawater-info.net/library/rus/ara_and_prearalie_2017.pdf (дата обращения: 01.03.2023).

³ Краткое Санкт-Петербургское заявление об Аральском море.

⁴ Агальцева Н. А. Влияние изменения климата на сток рек бассейна Аральского моря // Вестник Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава. Сер. Естественные науки. 2017. № 2–3. С. 91–94.

⁵ Вернуть Аральское море к исходному состоянию не представляется возможным // Курсив. 2016. 14 июля. URL: <https://kz.kursiv.media/2016-07-14/vernut-aralskoe-more-k-iskhodnomu-sostoyaniyu-ne-predstavlyaetsya/> (дата обращения: 01.03.2023).

⁶ «Гибель Аральского моря не только наносит колоссальный ущерб региону Центральной Азии, но и становится проблемой, имеющей планетарный характер». См.: Соколов В. И. Влияние изменения климата на бассейн Аральского моря: взгляд из Узбекистана // Адаптация к изменению климата: опыт Центральной Азии. Ташкент: Научно-информационный центр Межгосударственной водохозяйственной комиссии Центральной Азии, 2016. С. 4. URL: <http://www.cawater-info.net/library/rus/cc-adapt-ca-exp.pdf> (дата обращения: 01.03.2023). «Аральский кризис не только стал внутренней проблемой региона, но и затрагивает интересы соседних регионов, он вносит свой вклад и в глобальные процессы изменения климата. Указанные выше произошедшие изменения атмосферной циркуляции над территорией бассейна Аральского моря имеют определенное воздействие на атмосферную циркуляцию над всем Евро-Азиатским континентом, да и в целом в Северном полушарии. Эти процессы практически малоизучены» (Соколов В. И. Указ. соч. С. 7).

⁷ Сенат: проблема Арала может ускорить изменение климата в Центральной Азии // Sputnik. Узбекистан. 2022. 16 мая. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20220516/senat-problema-arala-mojet-uskorit-izmenenie-klimata-v-tsentralnoy-azii-24585734.html> (дата обращения: 01.03.2023).

⁸ Соколов В. И. Указ. соч. С. 6.

⁹ Там же.

расстояния (следы аральской пыли были обнаружены даже в ледниках Гренландии). Часть этих солей оседает и на ледниках Памира и Тянь-Шаня, способствуя их активному таянию»¹.

Каждая из четырех версий имеет собственные доказательства, поэтому вопрос о причинах осушения Аральского моря должен решаться комплексно. На этом фоне господствующая версия об ирригации для развития хлопководства в Центральной Азии в советское время выглядит достаточно *однобоко*. К тому же, сам этот фактор уже значительно смягчен и международное сообщество признало, что проблема Аральского моря является экологической катастрофой, требующей согласованных мер. Важно то, какие факторы будут влиять в дальнейшем. Как представляется, главным препятствием на пути естественного восстановления Аральского моря будут *глобальные климатические процессы*, в частности повышение температурного фона в регионе. В связи с этим горизонт планирования должен быть расширен, а сама проблема включена в глобальную климатическую повестку.

Договорно-правовая и институциональная основа решения проблемы

В Советском Союзе была создана система поддержания водно-энергетического баланса в Центральной Азии. В этой системе Кыргызстан и Таджикистан в летнее время поставляли воду в соседние республики – Казахстан и Узбекистан – и получали от них углеводороды в зимний период². После распада СССР в 1992 г. пять министров водного хозяйства Центральной Азии (Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана) подписали Алматинское соглашение, в соответствии с которым сохранялся советский принцип распределения воды. Данное Соглашение о сотрудничестве в сфере совместного управления, использования и охраны водных ресурсов межгосударственных источников положило начало созданию Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии (МКВК), которое 26 марта 1993 г. было подтверждено Соглашением о совместных действиях по решению проблемы Аральского моря и Приаралья, экологическому оздоровлению и обеспечению социально-экономического развития Аральского региона. То же Соглашение учредило Межгосударственный совет по проблемам бассейна Аральского моря, который объединил уже созданную МКВК, а также Исполком и Комиссию по социально-экономическому развитию, научно-техническому и экологическому сотрудничеству. Согласно ст. 3 Соглашения 1993 г. Российская Федерация принимает участие в работе Межгосударственного совета в качестве наблюдателя в решении проблемы Аральского моря и Приаралья, оказывает необходимую материально-техническую и консультационную помощь³. В том же 1993 г. главы пяти государств совместным решением создали Международный фонд спасения Арала (МФСА). 9 апреля 1999 г. это решение было трансформировано в Соглашение «О статусе Международного фонда спасения Арала и его организаций»⁴.

Функционирование этих органов осуществляется в формате совещаний и конференций, результативность которых в основном подвергается критическим оценкам⁵. Содержательную работу Фонд ведет в формате *программ бассейна Аральского моря* (ПБАМ), для реализации которых требуется проектное финансирование.

Всего с 1994 по 2023 г. было принято четыре такие программы. В 1994 г. в действие введена ПБАМ-1, целью которой было привлечение средств пяти государств Центральной Азии и иностранных доноров для решения Аральской проблемы. В 2003 г. МФСА утвердил ПБАМ-2. Исполкому МФСА было поручено по согласованию с прави-

¹ Медников А. Конец ледникового периода. Средней Азии предрекли глобальную экологическую катастрофу // Lenta.ru. 2014. 15 нояб. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/11/15/glacier/> (дата обращения: 01.03.2023).

² Гарбузарова Е. Г. Водно-энергетическая дилемма центральноазиатских государств: возможны ли вооруженные столкновения? // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2017. Т. 17. № 4. С. 41.

³ Соглашение о совместных действиях по решению проблемы Аральского моря и Приаралья, экологическому оздоровлению и обеспечению социально-экономического развития Аральского региона // Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия Центральной Азии. URL: http://www.icwc-aral.uz/statute13_ru.htm (дата обращения: 01.03.2023).

⁴ Гарбузарова Е. Г. Указ. соч. С. 41.

⁵ Толстых В. Л. Центральная Азия и международное право: факторы, проблемы, перспективы // Закон. 2022. № 8. С. 48–49.

тельствами государств-учредителей разработать «Программу конкретных действий по улучшению экологической и социально-экономической ситуации в бассейне Аральского моря на период 2003–2010 гг.». В Программу вошли четыре блока действий: водохозяйственный, социально-экономический, экологический и мониторинг окружающей среды. ПБАМ-3 была одобрена в 2009 г. Она отчасти повторила вторую программу и включила в себя четыре основных направления: комплексное использование водных ресурсов, экологическое измерение, социально-экономическое измерение, совершенствование институционально-правовых механизмов¹. В настоящее время (2023 г.) МФСА реализует четвертую программу – ПБАМ-4. Она рассчитана на период с 2020 по 2030 г. По итогам консультаций был подготовлен пакет документов, который включает 39 проектных предложений для выполнения в рамках ПБАМ-4 на общую сумму \$385,8 млн долл.

Самая большая трудность, с которой сталкивается МФСА при реализации восстановительных программ, – *недостаток финансирования*. Как указано в пояснении Исполкома к ПБАМ-3, «в связи с отсутствием финансовых ресурсов многие региональные проекты ПБАМ-3 остались нереализованными»².

Классификация стратегий

Существующие предложения по решению Аральской проблемы могут быть классифицированы на три группы: 1) сохранение *status quo*; 2) масштабные трансграничные гидротехнические решения и 3) локальные гидротехнические, лесохозяйственные и социальные меры при условии существенного увеличения финансирования.

Сохранение status quo предполагает продолжение работы на том же региональном уровне международного сотрудничества и в условиях дефицита финансирования. Эффективность данной стратегии, очевидно, невелика.

Как отмечает В. Л. Толстых, «усилия международных организаций по продвижению экономических реформ и экологических программ оцениваются как недостаточные, а в некоторых случаях и контрпродуктивные. Зеленый климатический фонд, финансирующий программы митигации (смягчения) и адаптации, также не способен решить проблему: выделяемые им субсидии не превышают нескольких десятков миллионов долларов и направлены на решение локальных задач. Предотвращение экологической катастрофы не может рассматриваться отдельно от экономической политики. Орошаемое земледелие остается главным занятием местного населения и важным источником пополнения бюджета. Все государства региона намерены развивать его, несмотря на публичные выражения озабоченности по поводу судьбы Арала»³.

К *трансграничным гидротехническим решениям* относятся достаточно экзотичные и нереалистичные меры: поворот сибирских рек на юг и забор воды из Каспия через специально построенную инфраструктуру. Из-за непредсказуемых экологических последствий, резко негативного общественного мнения и крупных финансовых затрат на реализацию эти идеи сегодня воспринимаются как нереалистичные и даже опасные из-за невозможности просчитать их последствия для экологии этого и других регионов.

Данные предложения сомнительны и с юридической точки зрения. В Частичном решении по делу о водах Кишенганги от 18 февраля 2013 г. (Пакистан и Индия; арбитры: S. M. Schwebel, F. Berman, H. S. Wheeler, L. Caflich, J. Paulsson, B. Simma, P. Tomka) суд отметил, что при использовании трансграничных водотоков «должны учитываться принципы непричинения трансграничного ущерба и устойчивого развития, закрепленные в конвенциях, актах мягкого права и судебных решениях»⁴. Важно, чтобы эти условия выполнялись и при оценке того, допустимо ли внутренние водоемы

¹ Шаймарданова З. Д., Сембаева Ж. Пути эффективного сотрудничества центральноазиатских государств // Знание. 2020. № 1-1. С. 101–102.

² ПБАМ-3 // Исполнительный комитет Международного фонда спасения Арала. URL: <https://ecifas-tj.org/rbam-3/> (дата обращения: 01.03.2023).

³ Толстых В. Л. Указ. соч. С. 49.

⁴ PCA Case № 2011-01 dated May 17, 2010. Indus Waters Kishenganga Arbitration (Pakistan v. India) // Permanent Court of Arbitration (PCA). 2013. 20 Desember. URL: <https://jsumundi.com/en/document/decision/en-indus-waters-kishenganga-arbitration-pakistan-v-india-final-award-friday-20th-december-2013> (дата обращения: 01.03.2023).

и водотоки превращать в трансграничные, пусть даже с целью решения экологической проблемы. Непричинение трансграничного ущерба и устойчивое развитие местных сообществ при сохранении экосистем, в рамках которых происходит их жизнедеятельность, являются *ratio legis* международного экологического права и должны применяться как общие принципы при оценке любых проектов вмешательства в окружающую среду.

Комплекс локальных гидротехнических, лесохозяйственных решений и социальных мер, который нужен для смягчения проблемы Аральского моря, требует увеличения финансирования. Ученые признают, что восстановить Аральское море в полной мере уже невозможно, поэтому основная задача – сократить губительное воздействие проблемы на окружающую среду и жизнедеятельность проживающих в Приаралье людей¹. Из числа решений, которые, с одной стороны, эффективны, а с другой стороны, не содержат рисков для иных экосистем, отмечаются следующие: а) формирование и развитие водоемов в дельте реки Амударья; б) реконструкция ирригационно-дренажных систем и внедрение современных водосберегающих технологий орошения; в) лесопосадки на осушенном дне Аральского моря и предотвращение опустынивания региона. Как отмечают исследователи, на осушенном дне Аральского моря необходимо провести «лесомелиоративные работы для закрепления этих земель и недопущения возникновения дефляционных процессов», что позволит улучшить экологическую ситуацию в Центрально-Азиатском регионе².

Хотя перечисленные решения не сравнимы по масштабу с решениями из второй группы, они все равно требуют существенного финансирования. Помимо мероприятий, непосредственно связанных с экологией Аральского моря³, необходимы меры по улучшению экологических условий жизни населения Приаралья, мероприятия по сохранению биоразнообразия, восстановлению флоры и фауны.

Это подводит нас к мысли об использовании международных механизмов финансирования, иных, нежели взносы государств-учредителей МФСА. Если учитывать климатический фактор в текущем положении и, вероятно, будущем ухудшении проблемы Аральского моря, то представляется возможным задействовать механизмы финансирования в рамках климатической повестки.

Перспективы решения проблемы Аральского моря в рамках глобальной климатической повестки

В 2022 г. в египетском Шарм-эш-Шейхе состоялась 27-я по счету Конференция ООН по изменению климата – Conference of the Parties (COP27). Такие конференции проводятся с 1995 г. согласно Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 г.⁴ Конференция сторон является высшим органом данной Конвенции. Ее главная задача – регулярно рассматривать вопрос об осуществлении Конвенции и любых связанных с ней правовых документов, которые могут быть приняты Конференцией. Конференция в пределах своих полномочий выносит решения, необходимые для содействия эффективному осуществлению Конвенции. В рамках COP3 1997 г. был принят Киотский протокол, а на Конференции COP21 в 2015 г. – Парижское соглашение.

Участники COP27 согласились прилагать все усилия, чтобы ограничить глобальное потепление до менее чем 2 градусов Цельсия и стремиться к целевому показателю в 1,5 градуса Цельсия⁵. Для этих целей они согласовали инициативу, которая направлена на поддержку развивающихся стран в их борьбе с последствиями глобального потепления. В числе приоритетного адресата помощи указаны развивающиеся страны, в особенности государства Африки, малые островные государства и наименее развитые страны⁶. Планируется, что инициатива будет закреплена в виде юридически обязывающего механизма на Конференции 2023 г. в ОАЭ. Тогда же будет определено,

¹ Соколов В. И. Указ. соч. С. 13.

² Бакиров Н. Ж. Лесные насаждения на осушенном дне Аральского моря // Известия вузов. Лесной журнал. 2020. № 2. С. 51–59.

³ Соколов В. И. Указ. соч. С. 13–14.

⁴ Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (принята 9 мая 1992 г.).

⁵ Egypt goals and vision // COP27 Sharm El-Sheikh. Egypt 2022. URL: <https://cop27.eg/#/vision#goals> (дата обращения: 01.03.2023).

⁶ Africa, LDCs, and SIDS // Ibid.

какие именно страны будут выделять деньги на климатические компенсации, а какие смогут их получать¹.

Очевидно, что до тех пор и далее заинтересованные развивающиеся страны должны проявить дипломатические усилия, чтобы привлечь внимание к тому, насколько они пострадали от климатических изменений². Одним из ключевых проектов в Центрально-Азиатском регионе мог бы стать *проект восстановления Аральского моря*.

По мнению В. Л. Толстых, ни одна из климатических конвенций, в которых участвуют пять центральноазиатских государств, не может служить «зонтом» для спасения Арала³. Но мы считаем, что компенсационный механизм, предложенный в рамках Конференции COP27, открывает новое «окно возможностей». Чтобы получить финансирование за счет средств нового фонда, как представляется, к проектам-адресатам будет предъявляться ряд условий. Во-первых, потребуется оценка экономических показателей и доказательство того, что Казахстан и Узбекистан с точки зрения мировой экономики являются развивающимися государствами, нуждающимися в финансировании для преодоления последствий глобального потепления. Во-вторых (пожалуй, самая сложная задача), нужны научные данные, определяющие, какую долю в причинах высыхания Аральского моря занимают факторы, связанные с глобальным изменением климата. От этого будет зависеть объем запрашиваемого финансирования.

Заключение

Катастрофа Аральского моря может стать примером региональной экологической проблемы, получившей эффективное решение на глобальном уровне. Для этого должен быть предпринят ряд действий. Во-первых, в публичных заявлениях и публикациях на постсоветском пространстве должна поменяться риторика: от перекладывания ответственности за Аральскую проблему на СССР до комплексного подхода к причинам катастрофы и демонстрации роли глобального потепления в качестве весомого фактора. Во-вторых, рекомендуется продолжать проектный подход через реализацию программ сохранения Арала. Новые программы МФСА должны включать в себя указание на источники финансирования и конкретные проекты, связанные с локальными гидротехническими, лесохозяйственными и социальными мерами. В-третьих, МФСА и правительства пяти центральноазиатских государств должны использовать дипломатию и, возможно, средства мягкой силы для включения Аральской проблемы в мировую климатическую повестку. Как один из возможных шагов – проведение климатической конференции COP в 2024–2025 гг. в Казахстане, Узбекистане или любой другой стране Центральной Азии. Данный регион еще ни разу не принимал конференции COP. Это позволит акцентировать внимание международного сообщества на климатических проблемах, влияющих на благосостояние народов этого региона.

Список литературы

Агальцева Н. А. Влияние изменения климата на сток рек бассейна Аральского моря // Вестник Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава. Сер. Естественные науки. 2017. № 2–3. С. 91–94.

Аладин Н. В. Международная конференция «Арал: прошлое, настоящее, будущее – два века исследований на Аральском море» // Аридные экосистемы. 2010. Т. 16. № 1. С. 76–80.

Аральское море и Приаралье. Обобщение работ НИЦ МКВК по мониторингу состояния и анализу ситуации / под общ. ред. В. А. Духовного и др. Ташкент: Baktria press, 2017. 120 с. URL: http://www.cawater-info.net/library/rus/araL_and_prearalie_2017.pdf (дата обращения: 01.03.2023).

Бакиров Н. Ж. Лесные насаждения на осушенном дне Аральского моря // Известия вузов. Лесной журнал. 2020. № 2. С. 51–59.

Гарбузарова Е. Г. Водно-энергетическая дилемма центральноазиатских государств: возможны ли вооруженные столкновения? // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2017. Т. 17. № 4. С. 40–44.

Голубов Б. Н. Аномальный подъем уровня Каспийского моря и катастрофическое обмеление Аральского моря как результат дренирования Арала под плато Устюрт и в Каспий вслед-

¹ Итоги COP27 // Greenpeace. 2022. 21 нояб. URL: <https://greenpeace.ru/blogs/2022/11/21/itogi-cop27/> (дата обращения: 01.03.2023).

² Climate change: Five key takeaways from COP27 // BBC. 2022. 20 нояб. URL: <http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:i7yOup0ANcIJ:https://www.bbc.com/news/science-environment-63693738&hl=ru&gl=ru&strip=1&vwsrc=0> (дата обращения: 01.03.2023).

³ Толстых В. Л. Указ. соч. С. 48.

ствии техногенных возмущений недр // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2018. Т. 16. Вып. 1-2. DOI: 10.24411/2227-9490-2018-11072.

Кононов И. В. Конец восьмой в истекшие 5000 лет регрессии Аральского моря (анализ файла NASA со снимком Аральского моря) // Геология и полезные ископаемые Мирового океана. 2014. № 1. С. 108–114.

Кулмедов Б. М., Щербakov В. И. Историческое и гидрогеологическое значение реки Амударья для Аральского моря // Научный журнал. Инженерные системы и сооружения. 2014. № 3. С. 28–32.

Медников А. Конец ледникового периода. Средней Азии предрекли глобальную экологическую катастрофу // Lenta.ru. 2014. 15 нояб. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/11/15/glacier/> (дата обращения: 01.03.2023).

Соколов В. И. Влияние изменения климата на бассейн Аральского моря: взгляд из Узбекистана // Адаптация к изменению климата: опыт Центральной Азии. Ташкент: Научно-информационный центр Межгосударственной водохозяйственной комиссии Центральной Азии, 2016. С. 4–29. URL: <http://www.cawater-info.net/library/rus/cc-adapt-ca-exp.pdf> (дата обращения: 01.03.2023).

Толстых В. Л. Центральная Азия и международное право: факторы, проблемы, перспективы // Закон. 2022. № 8. С. 42–59.

Шаймарданова З. Д., Сембаева Ж. Пути эффективного сотрудничества центральноазиатских государств // Знание. 2020. № 1-1. С. 99–104.

References

Agal'tseva N. A. (2017) Vliyanie izmeneniya klimata na stok rek basseina Aral'skogo morya [Impact of climate change on the flow of rivers in the Aral Sea Basin]. In *Vestnik Bokhtarskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Nosira Khusrava. Ser. Estestvennye nauki*, no. 2–3, pp. 91–94.

Aladin N. V. (2010) Mezhdunarodnaya konferentsiya «Aral: proshloe, nastoyashchee, budushchee – dva veka issledovaniya na Aral'skom more» [International conference «Aral: past, present and future – two centuries of the Aral Sea investigations»]. In *Aridnye ekosistemy*, vol. 16, no. 1, pp. 76–80.

Bakirov N. Zh. (2020) Lesnye nasazhdeniya na osushennom dne Aral'skogo morya [Forest plantations on the drained bottom of the Aral Sea]. In *Izvestiya vuzov. Lesnoi zhurnal*, no. 2, pp. 51–59.

Dukhovnyi V. A. et al. (Eds.) (2017) *Aral'skoe more i Priaral'e. Obobshchenie rabot NITs MKVK po monitoringu sostoyaniya i analizu situatsii* [The Aral Sea and the Aral Sea region. Generalization of NITs MKVK activities on monitoring the state and analyzing the situation]. Tashkent, Baktria press, 120 p., available at: http://www.cawater-info.net/library/rus/aral_and_prearalie_2017.pdf (accessed: 01.03.2023).

Garbuzarova E. G. (2017) Vodno-energeticheskaya dilemma tsentral'noaziatskikh gosudarstv: vozmozhny li vooruzhennyye stolkoveniya? [Water-energy dilemma of the Central Asian states: are there possible the armed clashes?]. In *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo slavyanskogo universiteta*, vol. 17, no. 4, pp. 40–44.

Golubov B. N. (2018) Anomal'nyi pod'em urovnya Kaspiiskogo morya i katastroficheskoe obmelenie Aral'skogo morya kak rezul'tat drenirovaniya Arala pod plato Ustyurt i v Kasp'ii vsledstvie tekhnogennykh vozmushchenii neдр [The abnormal rise of the Caspian sea level and catastrophic desiccation of the Aral sea as a result of the Aral sea draining under the Ustyurt plateau and in the Caspian sea due to subsurface anthropogenic perturbations]. In *Elektronnoe nauchnoe izdanie Al'manakh Prostranstvo i Vremya*, vol. 16, is. 1-2, DOI: 10.24411/2227-9490-2018-11072.

Kononov I. V. (2014) Konets vos'moi v istekshie 5000 let regressii Aral'skogo morya (analiz faila NASA so snimkom Aral'skogo morya) [End of the eighteenth regression in the Aral sea for the past 5000 years (analysis of a NASA file with an image of the Aral Sea)]. In *Geologiya i poleznye iskopaemye Mirovogo okeana*, no. 1, pp. 108–114.

Kulmedov B. M., Shcherbakov V. I. (2014) Istoricheskoe i gidrogeologicheskoe znachenie reki Amudar'ya dlya Aral'skogo morya [Historical and hydrogeological importance of Amudarya river for the Aral sea]. In *Nauchnyi zhurnal. Inzhenernye sistemy i sooruzheniya*, no. 3, pp. 28–32.

Mednikov A. (2014) Konets lednikovogo perioda Srednei Azii predreкли global'nyu ekologicheskuyu katastrofu [The end of the ice age in Central Asia predicted a global environmental catastrophe]. In *Lenta.ru*, 15 November, available at: <https://lenta.ru/articles/2014/11/15/glacier/> (accessed: 01.03.2023).

Shaimardanova Z. D., Sembaeva Zh. (2020) Puti effektivnogo sotrudnichestva tsentral'noaziatskikh gosudarstv [Effective ways of cooperation of central Asian states]. In *Znanie*, no. 1-1, pp. 99–104.

Sokolov V. I. (2016) Vliyanie izmeneniya klimata na bassein Aral'skogo morya: vzglyad iz Uzbekistana [The impact of climate change on the Aral Sea basin: a view from Uzbekistan]. In *Adaptatsiya k izmeneniyu klimata: opyt Tsentral'noi Azii*, Tashkent: Nauchno-informatsionnyi tsentr Mezhgosudarstvennoi vodokhozyaistvennoi komissii Tsentral'noi Azii, pp. 4–29, available at: <http://www.cawater-info.net/library/rus/cc-adapt-ca-exp.pdf> (accessed: 01.03.2023).

Tolstykh V. L. (2022) Tsentral'naya Aziya i mezhdunarodnoe pravo: faktory, problemy, perspektivy [Central Asia and international law: factors, problems, prospects]. In *Zakon*, no. 8, pp. 42–59.

СЛОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ДЕЯНИЙ «ТЕХНИЧЕСКИХ» КОМПАНИЙ, СПОСОБСТВУЮЩИХ УКЛОНЕНИЮ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ

Горобец Денис Геннадьевич

Доцент кафедры криминалистики Ростовского филиала Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации (Ростов-на-Дону), кандидат экономических наук, ORCID: 0000-0001-9633-2496, e-mail: Gorobets_Denis_1975@mail.ru.

В статье анализируется следственно-судебная практика правовой оценки деяний «технических» компаний, состоящих в формировании фиктивного документооборота и обналичивании денег в интересах недобросовестных налогоплательщиков с целью получения ими необоснованной налоговой выгоды. На основе сравнения указанных незаконных действий «технических» компаний и признаков объективной стороны легализации автор обосновывает необходимость и возможность квалификации этих деяний по ст. 174 УК РФ.

Ключевые слова: «технические» компании, «фирмы-однодневки», фиктивный документооборот, обналичивание, легализация, необоснованная налоговая выгода

Для цитирования: Горобец Д. Г. Сложности и перспективы уголовно-правовой оценки деяний «технических» компаний, способствующих уклонению от уплаты налогов // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 2. С. 40–45. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_2_40.

DIFFICULTIES AND PROSPECTS OF CRIMINAL-LEGAL ASSESSMENT OF THE ACTS OF «TECHNICAL» COMPANIES CONTRIBUTING TO TAX EVASION

Gorobets Denis

Associate professor, Rostov Branch of Saint-Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation (Rostov-on-Don), candidate of economic sciences, ORCID: 0000-0001-9633-2496, e-mail: Gorobets_Denis_1975@mail.ru.

The article analyzes the investigative and judicial practice of the right assessment of the actions of «technical» companies that consist in the formation of fictitious document flow and cashing out money in the interests of unscrupulous taxpayers in order to obtain unjustified tax benefits. Based on the synthesis of these illegal actions of «technical» companies and signs of the objective side of legalization, the author substantiates the necessity and possibility of their qualification under Art. 174 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: «technical» companies, «one-day firms», fictitious document flow, cashing out, legalization, unjustified tax benefit

For citation: Gorobets D. (2023) Difficulties and prospects of criminal-legal assessment of the acts of «technical» companies contributing to tax evasion. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 2, pp. 40–45, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_2_40.

Единственным способом сокрытия неуплаты налогов (по крайней мере, до проведения выездной налоговой проверки) является создание видимости реальных коммерческих взаимоотношений с контрагентами, дающих право на применение налоговых вычетов по налогу на добавленную стоимость и уменьшение налоговой базы по налогу на прибыль организаций. Налоговыми органами такие действия именуют-

ся получением необоснованной налоговой выгоды с использованием «технических» компаний (еще один применяемый термин – «фирмы-однодневки»). Криминализованный российским уголовным законодательством способ неуплаты налогов путем включения в налоговую отчетность заведомо ложных сведений предполагает использование в бухгалтерском и налоговых учетах фиктивных документов, формально подтверждающих «липовые» сделки. Источником таких документов как раз и выступают указанные псевдосубъекты рыночных отношений. Разъяснения Федеральной налоговой службы Российской Федерации дают им следующие определения. Под «фирмой-однодневкой» в самом общем смысле понимается юридическое лицо, не обладающее фактической самостоятельностью, созданное без цели ведения предпринимательской деятельности, как правило, не представляющее налоговую отчетность, зарегистрированное по адресу массовой регистрации и т. д.¹ «Технические» компании – это компании, не ведущие реальной экономической деятельности и не исполняющие налоговых обязательств в связи со сделками, оформляемыми от их имени, в ситуации, когда лицом, осуществляющим исполнение, является иной субъект².

В следственно-судебной практике действия «технических» компаний, при помощи которых осуществлялось уклонение от уплаты налогов, могут оцениваться на предмет способствования совершению преступления, а могут и игнорироваться. При оценке указывается на активное способствование преступлению либо неосведомленность о вовлечении в преступление.

Так, в приговоре по п. «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ директору ООО «МонтажСтройКом» прямо описывается преступная роль «технических» компаний: «С целью реализации права на необоснованное применение налоговых вычетов по НДС при не установленных следствием обстоятельствах директор ООО „МонтажСтройКом“ познакомился с не установленными следствием лицами, оказывавшими услуги по переводу денежных средств из безналичной формы в наличную, которые передали ему реквизиты и светокпии учредительных документов ряда предприятий для последующего изготовления от их имени заведомо подложных первичных документов бухгалтерского учета и перечисления на их расчетные счета в банках денежных средств якобы в качестве оплаты не осуществившихся в действительности подрядных работ и фиктивных поставок материалов»³.

Схожее описание дано в приговоре по ч. 1 ст. 199 УК РФ генеральному директору ООО «Завод Нефтегазмаш», заместитель которого по его указанию познакомился с лицами, оказывавшими возмездные услуги по обналачиванию денежных средств⁴.

Противоположная (оправдывающая) оценка роли «технических» компаний дается в приговоре по п. «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ директору ООО «Энергогазэкострой», по просьбе которого его знакомый, не подозревая о преступных целях просьбы, направленных на уклонение от уплаты налогов, обратился к своему знакомому с просьбой о предоставлении реквизитов организаций, через которые директор ООО «Энергогазэкострой» в будущем будет осуществлять транзитные операции по перечислению и последующему обналачиванию денежных средств. Не осознавая истинный характер преступных намерений директора ООО «Энергогазэкострой», направленных на уклонение от уплаты налогов, посредники передали реквизиты нескольких юридических лиц⁵.

По ряду уголовных дел применяемое нейтральное описание «технических» компаний не позволяет установить их осведомленность о вовлечении в совершение преступления. Так, по уголовным делам по фактам уклонения от уплаты налогов в отношении директоров ЗАО «Ювенал» и ООО «АлБес» указывается о приискании заведомо подложных гражданско-правовых и бухгалтерских документов, выполненных от

¹ Письмо ФНС РФ от 11 февраля 2010 г. № 3-7-07/84 «О рассмотрении обращения».

² Письмо ФНС России от 10 марта 2021 г. № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации».

³ Приговор № 1-227/2017 от 24 октября 2017 г. по уголовному делу № 1-227/2017 Дзержинского районного суда г. Волгограда.

⁴ Приговор № 1-290/2017 от 6 сентября 2017 г. по уголовному делу № 1-290/2017 Дзержинского районного суда г. Волгограда.

⁵ Приговор № 1-182/2017 от 10 августа 2017 г. по уголовному делу № 1-182/2017 Кировского районного суда г. Саратова.

имени ряда контрагентов без какой-либо оценки реальности их предпринимательской деятельности¹.

По уголовному делу в отношении директора ООО «Потис» указывается на его осведомленность о недействительности организаций, привлекаемых им в качестве контрагентов². Аналогичное описание и по уголовному делу в отношении директора ООО «ЮПСМ» в котором сообщается о получении им у не установленных следствием лиц реквизитов и светоконий учредительных документов ряда юридических лиц, заведомо для него не имеющих трудовых ресурсов, не осуществляющих реальной финансово-хозяйственной деятельности, а следовательно, и не производивших уплаты установленных законодательством налогов³. Директор ООО «Профессиональная логистика» не ограничился только подысканием «технических» компаний и принятием от них фиктивных документов, а получил над ними контроль путем приобретения за денежное вознаграждение у неустановленных лиц⁴. Во всех случаях по уголовным делам об уклонении от уплаты налогов, в том числе в приговорах, остаются невыясненными мотивы передачи документов «технических» компаний налогоплательщикам и в целом их предназначение в сфере предпринимательства.

Определение «технических» компаний, даваемое Федеральной налоговой службой, осуществляется через описание их роли в неуплате налогов другими организациями и указание на цель создания и функционирования⁵. Назначение таких компаний состоит в участии в организации формального документооборота, а целью создания выступает принятие на себя статуса участников операций с оформлением документов от своего имени в противоправных целях при одновременном неведении реальной экономической деятельности и неисполнении налоговых обязательств в связи со сделками, оформляемыми от их имени.

Приведенные примеры указывают на оставление следственной практикой очевидно общественно опасных действий таких компаний без каких-либо ответных мер со стороны государства. Установление причины происходящего требует анализа существующей нормативно-правовой базы, комментариев к ней юристов-практиков и ученых.

Позиция надзирающего за предварительным расследованием органа о возможности привлечения лиц, оказывающих руководителям юридических лиц услуги по обналичиванию денежных средств, к уголовной ответственности по ст. 171 и 172 УК РФ⁶ не учитывает не только несоответствие преступного умысла незаконных предпринимательства и банковской деятельности целям деятельности «технических» компаний, но и последствия в виде ущерба, характерные только для данных статей.

В научных работах акцент делается на предотвращении деятельности «технических» компаний посредством их выявления на основе определенных критериев и последующего лишения права регистрации⁷, а также уголовном преследовании по ст. 173.1 и 173.2 УК РФ⁸.

¹ Постановление от 9 июля 2020 г. по уголовному делу № 1-582/2020 Выборгского районного суда г. Санкт-Петербурга, приговор № 1-224/2017 от 14 сентября 2017 г. по уголовному делу № 1-224/2017 Советского районного суда г. Самары.

² Приговор № 1-263/2017 от 18 декабря 2018 г. по уголовному делу № 1-263/2017 Ленинского районного суда г. Ульяновска.

³ Постановление от 25 мая 2017 г. по уголовному делу № 1-205/17 Дзержинского районного суда г. Волгограда.

⁴ Приговор № 1-135 от 16 февраля 2017 г. по уголовному делу № 1-135 Кировского районного суда г. Санкт-Петербурга.

⁵ Письмо ФНС России от 10 марта 2021 г. № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации».

⁶ Прокурор разъясняет. Незаконное обналичивание денежных средств и создание «фирм-однодневок» может повлечь привлечение к уголовной ответственности. 30 марта 2020 // Прокуратура Пензенской области: офиц. сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_58/activity/legal-education/explain?item=24478958 (дата обращения: 06.03.2023).

⁷ Валуев Е. А., Содномова С. К. Некоторые аспекты противодействия уклонению от уплаты налогов с использованием фирм-однодневок // Весенние дни науки ВШЭМ: сб. докладов Междунар. конф. студентов, аспирантов, молодых ученых, X Междунар. науч.-практ. форума молодых налоговедов. Екатеринбург, 2018. Т. 2. С. 37–41; Черниенко Ю. М., Сузаков И. Р. «Фирмы-однодневки» или недобросовестная деятельность с целью уклонения от налоговой обязанности // Научные заметки молодых исследователей. 2014. № 5. С. 69–71.

⁸ Зенкин А. Н. Налоговые злоупотребления, позволяющие занижать налогооблагаемую базу // Законность. 2022. № 7. С. 8–10; Абдул-Кадыров Ш. М. Противодействие незаконному обналичиванию денежных средств // Там же. 2018. № 10. С. 3–7.

Учитывая приведенные мнения, нужно отметить следующее. Для налогового законодательства «технические» компании субъектами налоговых правоотношений не являются и в связи с этим не подлежат привлечению к налоговой ответственности за содействие неуплате налогов налогоплательщиком. Их должностные лица, исходя из особенностей объективной стороны преступления, определяющих специальный субъект, и прямых разъяснений Пленума Верховного Суда, не могут признаваться субъектами преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ¹. В то же время оценка роли «технических» компаний как пособничества уклонению от уплаты налогов допустима и оправдана. Возможной мерой воздействия на преступную деятельность «технических» компаний является формирование следственной практики по квалификации их деяний, состоящих в формировании фиктивного документооборота с налогоплательщиками с целью получения последними необоснованной налоговой выгоды как соучастия в уклонении от уплаты налогов в форме пособничества, заключающегося в предоставлении средств совершения преступления. Очевидная ограниченность такого подхода исключительно случаями содействия неуплате налогов в уголовно наказуемых размерах, составляющими лишь часть от всех фактов неуплаты налогов, не позволяет признать его достаточным средством борьбы с «техническими» компаниями.

Большей универсальностью обладают уголовные нормы, устанавливающие ответственность за создание таких компаний – ст. 173.1 и 173.2 УК РФ.

Используемые недобросовестными налогоплательщиками в качестве средства уклонения от уплаты налогов юридические лица зарегистрированы и действуют посредством фиктивных руководителей. Необходимо различать общественную опасность функционирования таких компаний, состоящую, с одной стороны, в нарушении действующего порядка образования юридического лица, за что как раз и установлена уголовная ответственность ст. 173.1 и 173.2 УК РФ, а с другой – в обеспечении ими возможности совершения иных преступлений, в первую очередь уклонения от уплаты налогов, не имеющую соответствующих адресных мер уголовно-правового реагирования.

Несмотря на создание ст. 173.1 и 173.2 УК РФ определенных сложностей для «технических» компаний, нельзя их расценивать в качестве эффективных средств уголовно-правовой борьбы. Данные нормы оказывают лишь опосредованное воздействие на «технические» компании. В первую очередь указанные нормы призваны обеспечить прозрачность предпринимательской деятельности для целей налогового контроля. Маловероятно предположение о дополнительной цели их введения в Уголовный кодекс, заключающейся в противодействии использованию «технических» компаний в уклонении от уплаты налогов. В таком случае нормы должны были содержать отягчающий квалифицирующий признак, связанный с использованием незаконно образованных юридических лиц в уклонении от уплаты налогов другими юридическими лицами с близкими к ст. 199 УК РФ величинами санкций.

Рассмотренные возможные варианты противодействия «техническим» компаниям не обеспечивают неотвратимости наказания. Из приведенных примеров следственной практики очевидна сложность квалификации деяний руководителей «технических» компаний по ч. 5 ст. 33, ст. 199 УК РФ или ст. 173.1 и 173.2 УК РФ. По первой норме недостаточно данных для вывода об умышленности предоставления подложных документов именно в целях содействия уклонению от уплаты налогов. По второй – множество «технических» компаний, несмотря на неосуществление реальной предпринимательской деятельности, тем не менее, зарегистрированы надлежащим образом.

Сложившаяся в следственной практике ситуация позволяет считать причиной оставления очевидно общественно опасных действий «технических» компаний без каких-либо ответных мер со стороны государства ограниченностью правовых возможностей. Уголовное законодательство Российской Федерации, не располагающее надлежащими правовыми инструментами решения указанной проблемы, объективно нуждается в корректировке. Возможным вариантом выступает установление

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления».

уголовной ответственности за формирование и предоставление документации с целью создания условий, способствующих уклонению от уплаты налогов. Длительность данной процедуры обуславливает необходимость выработки опирающегося на существующие нормы уголовного права возможного подхода к оценке деятельности «технических» компаний в качестве временной меры.

Внимания заслуживает применение положений ст. 174 УК РФ. Формирование ложного документооборота между налогоплательщиком и «технической» компанией неразрывно связано с осуществлением денежных переводов от первого ко второй как способа обналичивания и искусственного создания доказательств якобы реальности сделок, отражаемых в ложном документообороте. Транспонируя составные элементы деяний «технических» компаний, а именно: подготовку и передачу финансово-хозяйственных и бухгалтерских документов, отражение фиктивных сделок в собственных регистрах бухгалтерского учета, получение денег на свои расчетные счета в банках с последующим их возвратом – на признаки объективной стороны легализации (совершение любых операций с денежными средствами (наличные и безналичные расчеты, перевод денежных средств), заведомо приобретенными другими лицами преступным путем в целях обналичивания денежных средств, в том числе с использованием расчетных счетов «фирм-однодневок»¹), получаем достаточные основания для квалификации по ст. 174 УК РФ.

Обязательный размерный признак объективной стороны легализации – сумма, превышающая один миллион пятьсот тысяч рублей, – должен определяться размером не уплаченных налогоплательщиком с помощью действий «технической» компании налогов. Для налога на добавленную стоимость это будет величина незаконно примененного налогового вычета по счетам-фактурам, выставленным от имени «технической» компании (входящий НДС), а для налога на прибыль организаций – якобы произведенные расходы, учитываемые в соответствии с положениями ст. 252 Налогового кодекса РФ. Наряду с отражением указанных величин (вычетов и расходов) в бухгалтерских и налоговых документах, они должны подтверждаться переводом со счетов налогоплательщика в банковских учреждениях на счета «технических» компаний как главной составляющей процесса обналичивания. Именно данное действие, объединенное с фальсификацией бухгалтерского документооборота единой целью, состоящей в создании условий для якобы правомерного уменьшения подлежащих уплате в бюджет налогов, позволяет правоприменителю обоснованно квалифицировать пособничество «технических» компаний как легализацию².

Возвращаясь к приведенной следственно-судебной практике уголовной ответственности за уклонение от уплаты налога на добавленную стоимость и налога на прибыль организации с использованием «технических» компаний, характеризующейся различным описанием роли данных компаний от нейтральной до прямого указания на обналичивание денег в интересах налогоплательщика, полагаю необходимым ее корректировку в контексте сделанных рекомендаций о квалификации деяний «технических» компаний как легализации денежных средств. Результатом станет разрушение преступно взаимовыгодного союза недобросовестных налогоплательщиков и «технических» компаний. Устранятся обстоятельства, способствующие неуплате налогов, в том числе в уголовно ненаказуемых размерах. Уголовное законодательство оперативно усилит защиту налоговых правоотношений до установления специальной нормы ответственности за фальсификацию документов и обналичивание денег в целях получения необоснованной налоговой выгоды другими организациями.

Список литературы

Абдул-Кадыров Ш. М. Противодействие незаконному обналичиванию денежных средств // Законность. 2018. № 10. С. 3–7.

Валуев Е. А., Содномова С. К. Некоторые аспекты противодействия уклонению от уплаты налогов с использованием фирм-однодневок // Весенние дни науки ВШЭМ: сб. докладов Меж-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 (в ред. от 26 февраля 2019 г.) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем».

² Прокуратура Иркутской области. 2021. 1 апр. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_38/activity/legal-education/explain/criminal?item=60612306 (дата обращения: 06.03.2023).

дунар. конф. студентов, аспирантов, молодых ученых, X Междунар. науч.-практ. форума молодых налоговедов. Екатеринбург, 2018. Т. 2. С. 37–41.

Зенкин А. Н. Налоговые злоупотребления, позволяющие занижать налогооблагаемую базу // Законность. 2022. № 7. С. 8–10.

Черниенко Ю. М., Сузаков И. Р. «Фирмы-однодневки» или недобросовестная деятельность с целью уклонения от налоговой обязанности // Научные заметки молодых исследователей. 2014. № 5. С. 69–71.

References

Abdul-Kadyrov Sh. M. (2018) Protivodeistvie nezakonnomu obnalichivaniyu denezhnykh sredstv [Countering illegal cash withdrawal]. In *Zakonnost'*, no. 10, pp. 3–7.

Chernienko Yu. M., Suzakov I. R. (2014) «Firmy-odnodnevki» ili nedobrosovestnaya deyatel'nost' s tsel'yu ukloneniya ot nalogovoi obyazannosti [«One-day firms» or unfair activities for the purpose of evading tax obligations]. In *Nauchnye zametki molodykh issledovatelei*, no. 5, pp. 69–71.

Valuev E. A., Sodnomova S. K. (2018) Nekotorye aspekty protivodeistviya ukloneniya ot uplaty nalogov s ispol'zovaniem firm-odnodnevok [Some aspects of countering tax evasion using one-day firms]. In *Vesennie dni nauki VShEM: sbornik dokladov Mezhdunarodnoi konferentsii studentov, aspirantov, molodykh uchenykh, X Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo foruma molodykh nalogovedov*, Yekaterinburg, pp. 37–41.

Zenkin A. N. (2022) Nalogovye zloupotrebleniya, pozvolyayushchie zanizhat' nalogooblagaemuyu bazu [Fiscal abuses allowing to understate the taxable base]. In *Zakonnost'*, no. 7, pp. 8–10.

ПОНЯТИЕ, ВИДЫ И РОЛЬ НАЛОГОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ В ВЫЯВЛЕНИИ И ДОКАЗЫВАНИИ НАРУШЕНИЙ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Миронов Владислав Юрьевич

Доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права им. профессора Нины Ивановны Химичевой Саратовской государственной юридической академии (Саратов), кандидат юридических наук, ORCID: 0000-0001-7121-7221, e-mail: mironovmail@yandex.ru.

Карамышев Денис Андреевич

Аспирант Саратовской государственной юридической академии (Саратов), ORCID: 0000-0002-1597-1614, e-mail: kda.64@yandex.ru.

На данный момент в российском налоговом праве не выработано термина, который мог бы объединить в одну группу понятия «информационные системы», «сайты», «цифровой продукт», «инструмент налогового администрирования». Представляется важным определить понятие «налоговые информационные ресурсы», их классификацию, роль в выявлении и доказывании в налоговых спорах нарушений налогового законодательства, а также проанализировать основные налоговые информационные ресурсы. Методологической основой является совокупность диалектического и системного методов исследования. В статье аргументирована авторская позиция относительно понятия «налоговые информационные ресурсы», предложена классификация налоговых информационных ресурсов в налоговых правоотношениях, проанализированы основные налоговые информационные ресурсы, а также их роль и оценка судами в качестве доказательств на конкретных примерах судебной практики и выработаны рекомендации по внесению изменений в налоговое законодательство. Сделан вывод о том, что налоговые информационные ресурсы представляют собой совокупность онлайн-сервисов, информационных систем, мобильных приложений, открытых реестров и сведений, находящихся в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, способную выполнять функции выявления нарушений налогового законодательства и их доказывания в налоговых спорах.

Ключевые слова: налоговые споры, досудебное урегулирование, налоговые информационные ресурсы, налоговое администрирование, цифровизация

Для цитирования: Миронов В. Ю., Карамышев Д. А. Понятие, виды и роль налоговых информационных ресурсов в выявлении и доказывании нарушений налогового законодательства // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 2. С. 46–54. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_2_46.

THE CONCEPT, TYPES AND ROLE OF TAX INFORMATION RESOURCES IN IDENTIFYING AND PROVING VIOLATIONS OF TAX LEGISLATION

Mironov Vladislav

Associate professor, Saratov State Law Academy (Saratov), candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0001-7121-7221, e-mail: mironovmail@yandex.ru.

Karamyshev Denis

Postgraduate student, Saratov State Law Academy (Saratov), ORCID: 0000-0002-1597-1614, e-mail: kda.64@yandex.ru.

Modern trends towards digitalization in all spheres of society require theoretical study and understanding of the concept of «tax information resources» in tax relations,

their classification and role, since at the moment there is no term in Russian tax law that could combine the concepts of «information systems», «websites», «digital product», «tax administration tool» into one group. It is important to define the concept of «tax information resources», their classification, their role in identifying and proving violations of tax legislation in tax disputes, as well as to analyze the main tax information resources. The methodological basis is a combination of dialectical and systemic research methods. The authors' position on the concept of «tax information resources» is argued in the article, the classification of tax information resources in tax legal relations is proposed, the main tax information resources are analyzed, as well as their role and evaluation by courts as evidence on specific examples of judicial practice and recommendations on amendments to tax legislation are developed. It is concluded that tax information resources are a set of online services, information systems, mobile applications, open registers and information located on the Internet information and telecommunications network and capable of performing the functions of detecting violations of tax legislation and proving them in tax disputes.

Key words: tax disputes, pre-trial settlement, tax information resources, tax administration, digitalization

*For citation: Mironov V., Karamyshev D. (2023) The concept, types and role of tax information resources in identifying and proving violations of tax legislation. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 2, pp. 46–54, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_2_46.*

Одной из стратегических целей Российской Федерации является развитие информационного общества, которое невозможно без цифровизации¹. Цифровизация, прежде всего, предполагает внедрение современных цифровых технологий в различные сферы жизни общества, включая налоговую сферу. Одной из важнейших задач государственных органов в таких условиях является создание собственных ИТ-экосистем. Ученые подчеркивают, что цифровизация экономики обладает огромным потенциалом для налогового администрирования².

Изучение мирового опыта ярко иллюстрирует повышение эффективности налогового администрирования налоговых органов стран, которые вынуждены адаптироваться в условиях цифровой трансформации. Внедрение информационных технологий в налоговое администрирование происходит и в Российской Федерации. Как сказано в Основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов³, внедрение новых информационных технологий и постепенное формирование единого информационного пространства администрирования позволили повысить собираемость доходов бюджетов и снизить издержки для бизнеса.

Электронные технологии сегодня оказывают все большую помощь налоговым органам в осуществлении контроля и надзора за соблюдением законодательства о налогах и сборах. Например, такая форма налогового контроля, как налоговый мониторинг, позволяет проверять налогоплательщиков удаленно, не прибегая к камеральным проверкам. Данные технологии расширяют спектр возможностей как для выявления налоговых правонарушений, так и для формирования доказательной базы, которая в силу норм Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ)⁴ не ограничивается перечнем доказательств, содержащихся в гл. 14 НК РФ. Данное обстоятельство особенно актуально, поскольку по некоторым оценкам⁵ налого-

¹ Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».

² Севостьянов И. А. Проблемы налогового администрирования в условиях цифровой экономики // Наука и общество. 2019. № 3. С. 41.

³ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2021/09/main/ONBNITP_2022-2024.pdf (дата обращения: 09.11.2022).

⁴ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (с изм. от 28 декабря 2022 г. № 565-ФЗ).

⁵ Севостьянов И. А., Кулюкин С. Л. Совершенствование механизма привлечения к уголовной ответственности за налоговые преступления // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2017. № 2. С. 82.

вые органы в значительно меньшей степени могут принимать участие в формировании доказательной базы. Представляется справедливым мнение о том, что в текущих условиях вряд ли возможна реализация налоговыми органами каких-либо процедур налогового контроля без использования цифровых технологий¹. Поэтому необходимо согласиться с тем, что информационные технологии являются драйвером роста эффективности налогового администрирования².

В НК РФ закреплены такие понятия, как «информационный ресурс» (например, ст. 11.2 НК РФ), «информационная система» (в частности, ст. 105.5 НК РФ), «сайт» (ст. 105.6 НК РФ и др.). Учеными применительно к налоговым правоотношениям используются и другие понятия: «цифровой продукт»³, «цифровые технологии»⁴, «цифровые системы»⁵, «инструменты налогового администрирования»⁶.

В ч. 1 ст. 15.8 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁷ законодателем подчеркивается, что в понятие «информационные ресурсы» включаются понятия «информационная система» и «сайт». Налоговый орган также использует понятие «информационный ресурс» в своих приказах (например, в письме ФНС России от 7 сентября 2018 г. № ЕД-4-2/17467@ «Об информационном ресурсе „Риски“»⁸). С учетом избранного законодателем подхода к соотношению содержания вышеуказанных понятий и использования налоговым органом понятия «информационный ресурс» представляется верным обозначить совокупность онлайн-сервисов, информационных систем, мобильных приложений, открытых реестров и сведений, находящихся в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, способную выполнять функции выявления нарушений налогового законодательства и их доказывания в налоговых спорах, понятием «налоговые информационные ресурсы». Введение соответствующего понятия представляется актуальным и с позиции развития концепции процедурно-правовых оснований возникновения налоговых споров⁹.

Данная тема, безусловно, актуальна в свете все большей цифровизации налоговых споров путем внедрения их онлайн-разрешения (Online Dispute Resolution), не требующего личного присутствия плательщиков в инспекциях в рамках их рассмотрения, а также по причине отсутствия теоретической проработки вопроса о понятии и классификации «налоговых информационных ресурсов» в российском налоговом праве.

Внедрение в налоговое администрирование цифровых технологий объективно приводит к снижению числа проверок при увеличении эффективности контрольных мероприятий, что в свою очередь создает необходимые условия для добровольного соблюдения налогоплательщиками налогового законодательства. Можно согласиться с высказанной специалистами точкой зрения, что методы налогового контроля все

¹ Петухова Р. А., Григорьева Я. А. Налоговое администрирование в условиях цифровой экономики // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2019. № 46. С. 305.

² Петухова Р. А., Сладкова Е. В. Совершенствование налогового администрирования с учетом мировой практики применения современных информационных технологий // Инновационное развитие экономики. 2017. № 2. С. 191.

³ Садовская Т. Д. Цифровизация налогового администрирования: возможности и перспективы для взаимодействия граждан и государства // Финансовое право в условиях цифровизации экономики: материалы междунар. науч.-практ. круглого стола (Минск, 13 ноября 2020 г.). Минск: Белорусский гос. ун-т, 2020. С. 127.

⁴ Бакаева О. Ю., Покачалова Е. В. Мониторинг и аудит как инструмент достижения баланса частных и публичных интересов в налоговых и таможенных правоотношениях // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 42. С. 621.

⁵ Никонова А. С., Черноусова К. С. Цифровизация и влияние цифровых технологий на эффективность налогового контроля // Вопросы студенческой науки. 2020. № 12. С. 350.

⁶ Пайзулаев И. Р. Налоговое консультирование как инструмент налогового администрирования // Налоговая политика и практика. 2012. № 1-1. С. 19.

⁷ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2022 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

⁸ Письмо Федеральной налоговой службы от 7 сентября 2018 г. № ЕД-4-2/17467@ «Об информационном ресурсе „Риски“».

⁹ Подробнее см.: Рыбакова С. В., Калинина И. А. Налоговый спор в аспекте гарантий прав налогоплательщиков // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 1. С. 143–144.

в большей степени становятся основанными на разработке и внедрении передовых инновационных цифровых технологий¹.

Прежде всего стоит отметить такой важный налоговый информационный ресурс для выявления налоговых правонарушений, как автоматизированная информационная система ФНС России (далее – АИС «Налог-3»). В приказе ФНС России от 14 марта 2016 г. № ММВ-7-12/134@² отмечается, что данная система предназначена для приема, обработки, предоставления данных и анализа налоговой информации и формирования информационных ресурсов налоговых органов, статистических данных и иных сведений. АИС «Налог-3» аккумулирует всю информацию, поступающую от многочисленных компонентов системы, наделяя налоговые органы в режиме онлайн большим объемом сведений о налогоплательщике и его контрагентах. Одним из компонентов АИС «Налог-3» является АСК НДС-2, который обеспечивает автоматизацию перекрестных проверок налоговых деклараций по НДС на основе получаемых сведений, реализуя риск-ориентированный подход при контроле за возмещением НДС и производя сравнение данных по той или иной операции по всей цепочке движения товара (работы, услуги) в автоматическом режиме. Если в цепочке организаций присутствует организация, которая уклоняется от отражения и уплаты НДС («фирма-однодневка»), такая организация также будет выявлена данным программным комплексом. Сведения из этого налогового информационного ресурса также используются судами в качестве доказательств при установлении или опровержении движения денежных средств³.

Налоговый информационный ресурс «Риски» также выявляет компании, которые имеют признаки нарушений или потенциально могут нарушить налоговое законодательство. В этом аспекте видится важным учитывать вышеуказанное письмо ФНС России «Об информационном ресурсе „Риски“», в котором указывается, что скриншот страницы ИР «Риски», являющийся ресурсом для служебного пользования налоговых органов, не наделен правовым статусом и не влечет правовых последствий. В связи с этим при рассмотрении налогового спора в досудебном и судебном порядке такие сведения не должны рассматриваться в качестве доказательства. Однако на практике суды в своих решениях нередко ссылаются на данный информационный ресурс⁴.

Важную функцию в выявлении налоговых правонарушений выполняют и странные отчеты, предусмотренные гл. 20.2 НК РФ. По некоторым оценкам, этот налоговый информационный ресурс позволяет выявлять налоговые нарушения в сфере уведомлений о контролируемых иностранных компаниях и неуплаты налога на прибыль⁵. Стоит отметить, что сейчас можно говорить о кризисном состоянии данного налогового информационного ресурса, так как в последнее время имел место отказ ряда недружественных стран (например, Латвии, Швейцарии, Великобритании)⁶ от обмена информацией по политическим мотивам. Налогоплательщикам необходимо учитывать это обстоятельство при налоговом планировании, чтобы избежать налоговых рисков.

¹ Батаев И. Т. Сервисная и контрольная функция налогового администрирования в системе цифрового взаимодействия государства и экономических субъектов: дис. ... канд. экон. наук. Грозный, 2020. С. 131.

² Приказ ФНС России от 14 марта 2016 г. № ММВ-7-12/134@ «Об утверждении Положения об автоматизированной информационной системе Федеральной налоговой службы (АИС „Налог-3“».

³ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 22 июля 2019 г. № 09АП-30151/19.

⁴ Кассационное определение судебной коллегии по административным делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28 июня 2022 г. по делу № 8а-14149/2022.

⁵ Савгурова А. Б. Международный обмен информацией по вопросам налогообложения: Российская практика // Актуальные проблемы налоговой политики: сб. ст. XI Междунар. науч.-практ. конф. молодых налоговиков (Минск – Москва – Владимир – Калуга – Екатеринбург – Владивосток, 1–3 апреля 2019 г.) / отв. ред. М. Р. Пинская, А. В. Тихонова. М.: Перо, 2019. С. 279.

⁶ Поправка к закону «О договоре между Правительством Латвийской Республики и Правительством Российской Федерации о недопущении двойного налогообложения и уклонения от уплаты налогов в отношении налогов на прибыль и капитал и Протокол к нему» // Официальный сайт Латвийской Республики. 12 мая 2022 г. URL: <https://likumi.lv/ta/en/en/id/332353> (дата обращения: 19.01.2023); Великобритания приостанавливает налоговое сотрудничество с Россией // Официальный сайт Правительства Великобритании. 17 марта 2022 г. URL: <https://www.gov.uk/government/news/uk-suspends-tax-co-operation-with-russia-332353> (дата обращения: 19.01.2023); Швейцария приостанавливает обмен налоговой информацией с Россией // Официальный сайт Правительства Швейцарии. 16 сентября 2022 г. URL: <https://www.admin.ch/gov/de/start/dokumentation/medienmitteilungen.msg-id-90388.html> (дата обращения: 19.01.2023).

Необходимо упомянуть и такой информационный ресурс, предусмотренный ст. 11.2 НК РФ, как личный кабинет налогоплательщика. Сведения из него могут быть использованы для подтверждения различных юридических фактов: направления требований¹, неполучения требований², даты направления жалобы (в вопросах нарушения срока ее рассмотрения)³.

Еще одним налоговым информационным ресурсом, позволяющим налоговым органам выявлять факты несоблюдения налогового законодательства, выступают сведения, получаемые в автоматическом режиме ФНС России от оператора фискальных данных, о всех совершенных расчетах с потребителями посредством контрольно-кассовой техники («онлайн-касс»). Данные сведения, как представляется, могут выполнять функцию механизма контроля за оборотом средств налогоплательщиков.

Мобильное приложение «Мой налог», будучи налоговым информационным ресурсом, как и онлайн-кассы, способствует эффективному налоговому администрированию. Согласно приказу ФНС России от 14 февраля 2022 г. № ЕД-7-20/106@⁴ с помощью приложения налогоплательщик передает сведения о произведенных расчетах в налоговый орган. Передаваемые сведения выполняют функцию, аналогичную налоговой декларации.

Важный налоговый информационный ресурс – государственная информационная система мониторинга за оборотом товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации («Честный знак»). В соответствии с Федеральным законом от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»⁵ данная система автоматически собирает и обрабатывает информацию об обороте товаров, подлежащих маркировке, а также передает в ФНС РФ такие сведения онлайн⁶. Аналогичную роль в отношении партии товаров выполняет система прослеживаемости товаров, которая позволяет выявлять случаи сокрытия товаров, занижения на этой основе таможенной стоимости, устанавливать факты существенного разрыва в уровне цен на ввозимые товары одной партии на внутреннем рынке, фальсификации сведений об остатках товара и его реализованных объемах⁷.

Сведения из информационной системы «Картотека арбитражных дел», обеспечивающей сбор информации о движении судебных дел из арбитражных судов⁸, также могут быть использованы в налоговых спорах в качестве доказательства. Например, по одному из дел о взыскании НДС суд подтвердил отсутствие реальной юридической помощи по представлению интересов в деле с помощью данной системы⁹.

Еще одним налоговым информационным ресурсом можно назвать Единый государственный реестр юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ), сведения из которого могут помочь опровергнуть реальность осуществления хозяйственной деятельности контрагентами, являющимися в период выполнения работ или оказания услуг ликвидированными, взаимозависимыми или аффилированными¹⁰. Особую роль, как представ-

¹ Кассационное определение судебной коллегии по административным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10 августа 2022 г. по делу № 8а-14118/2022.

² Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 2 августа 2022 г. № Ф10-2112/22 по делу № А08-6559/2021.

³ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 19 октября 2021 г. № Ф10-3873/21 по делу № А83-18080/2020.

⁴ Приказ ФНС России от 14 февраля 2022 г. № ЕД-7-20/106@ «Об утверждении Порядка использования мобильного приложения „Мой налог“».

⁵ Федеральный закон от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации».

⁶ «Честный знак» поможет снизить административную нагрузку для добросовестных налогоплательщиков // Федеральная налоговая служба России: офиц. сайт. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn53/news/activities_fts/10017355/ (дата обращения: 20.12.2022).

⁷ Егоричев А. В. НДС: некоторые аспекты системы прослеживаемости товаров // Налоговая политика и практика. 2019. № 5. С. 26.

⁸ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 декабря 2013 г. № 100 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)».

⁹ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 6 сентября 2022 г. № Ф03-3964/22 по делу № А73-11910/2021.

¹⁰ Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 15 ноября 2012 г. № ВАС-14642/12 «Об отказе в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации».

ляется, это играет в спорах по вопросам о проявлении налогоплательщиками должной осмотрительности¹.

Видится, что некоторые налоговые информационные ресурсы могут быть лишены функции выявления нарушений налогового законодательства ввиду отсутствия прямого доступа к ним налоговых органов (данные предоставляются по запросу), но могут применяться в доказывании при разрешении налоговых споров.

Среди таких цифровых инструментов можно выделить систему взимания платы в счет возмещения вреда, причиняемого автомобильным дорогам общего пользования федерального значения транспортными средствами, имеющими разрешенную максимальную массу свыше 12 тонн (далее – система «Платон»), Единую государственную автоматизированную информационную систему учета объема производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (далее – ЕГАИС Алкоголь), Единую государственную автоматизированную информационную систему учета древесины и сделок с ней (далее – ЕГАИС Лес), Автоматизированную информационную систему «Меркурий» (далее – ФГИС «Меркурий»).

Система «Платон» способна аккумулировать сведения о перемещении транспортных средств по автомобильным дорогам федерального значения, что особенно актуально, поскольку в Российской Федерации зарегистрировано около 1,7 млн грузовых автомобилей². Сведения из системы «Платон» способны выявить фиктивные перевозки груза контрагентом³ и отсутствие зарегистрированных в системе транспортных средств для осуществления перевозок, что подтверждено судебной практикой⁴. Однако доказательственное значение данных сведений различно: некоторые суды прямо указывают, что они признаются доказательством⁵, другие же относятся к их доказательной силе скептически⁶, подчеркивая, что система предназначена для отслеживания пройденного транспортным средством расстояния только по федеральным трассам, не служит целям установления местонахождения транспортного средства в определенный момент времени, а также на то, что само средство GPS технически не привязано к транспортному средству и может быть отключено, временно заблокировано владельцем автомобиля или перемещено на иное транспортное средство. Не исключаются и сбои в работе системы, на что не раз обращалось внимание⁷. Поэтому сегодня представляется верным говорить о природе доказательств, полученных с помощью системы «Платон», прежде всего как ориентирующих, которые могут помочь обнаружить признаки налогового правонарушения и побудить налоговый орган к проведению дополнительных проверок и мероприятий налогового контроля, предусмотренных гл. 14 НК РФ. Необходимо отметить, что наличие недоработок и сбоев свойственно не только системе «Платон», но и любой другой системе. Аналогичными системами в этой сфере являются Автоматизированная система весогабаритного контроля, Система «Контроль передвижения транспорта».

Системой, также способной помочь в доказывании налоговых правонарушений, выступает ФГИС «Меркурий», которая позволяет подтвердить действительность операций, осуществленных с товарами, подлежащими сопровождению ветеринарными сопроводительными документами⁸, а также наличие или отсутствие регистрации в данной системе налогоплательщика, его контрагентов⁹. Сведения из ФГИС

¹ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20 октября 2011 г. № 10096/11.

² Бобровская О. Н. О перспективах использования системы «Платон»: задачи, оптимизация, налогообложение // Транспортное право и безопасность. 2016. № 6. С. 60.

³ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18 января 2018 г. № А66-4713/2017.

⁴ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 24 октября 2019 г. № Ф06-51663/19 по делу № А12-45193/2018.

⁵ Решение Арбитражного суда Хабаровского края от 5 июля 2021 г. по делу № А73-2838/2021.

⁶ Решение Арбитражного суда Воронежской области от 8 июня 2021 г. по делу № А14-15192/2019.

⁷ Ковшикова Г. А. Преимущества и недостатки системы «Платон» // Инновационное развитие территорий: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Череповец, 21 марта 2017 г.) / отв. за вып. З. М. Магруппова. Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2017. С. 14.

⁸ ФГИС «Меркурий» было использовано в качестве доказательства поставки товара в решении Арбитражного суда Ростовской области от 26 октября 2022 г. по делу № А53-20906/2022.

⁹ Решение Арбитражного суда Самарской области от 20 октября 2022 г. по делу № А55-18071/2022.

«Меркурий» также оцениваются судами по-разному: одни считают¹, что данные сведения не могут быть приняты в силу ст. 68 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации², другие допускают такое доказательство по делу³.

Аналогичными вышеназванным системам являются ЕГАИС Лес и ЕГАИС Алкоголь. Они также позволяют подтвердить действительность операций с древесиной⁴ и алкоголем⁵ и регистрацию в данной системе.

В качестве налогового информационного ресурса, не выполняющего функцию выявления, могут выступать сайты, а именно их доменные имена. Их совпадение может иметь место при предоставлении налоговой и бухгалтерской отчетности (сведения по запросу может обеспечить АО «Региональный сетевой информационный центр») и указании в банковских досье контактного адреса электронной почты⁶. Однако имеют место и случаи, когда при совпадении IP-адресов суды признавали решения налогового органа недействительными, указывая на то, что данные обстоятельства могут объясняться техническими особенностями подключения к сети Интернет, а также обращая внимание на то, что данный факт объективно не повлиял на финансовые результаты деятельности в результате исполнения сделок⁷.

Все вышеперечисленные налоговые информационные ресурсы помимо классификации по функциям можно подразделить в зависимости от доступа на находящиеся у налогоплательщика (например, ФГИС «Меркурий»), налогового органа (в частности, АСК НДС-2), в открытом доступе (ЕГРЮЛ и др.).

В связи с ролью налоговых информационных ресурсов в выявлении и доказывании в налоговых спорах нарушений налогового законодательства представляется верным внести понятие налоговых информационных ресурсов в п. 7 ч. 2 ст. 88 НК РФ, закрепив право налогового органа на использование информационных ресурсов и запрос сведений из них у компетентных лиц при налоговой проверке для выявления признаков, указывающих на возможное нарушение законодательства о налогах и сборах.

Таким образом, налоговые информационные ресурсы сегодня помогают выявлять нарушения налогового законодательства, а также дополняют арсенал источников доказывания, которые могут быть использованы при разрешении налоговых споров в досудебном и судебном порядке налогоплательщиками и налоговыми органами. Полагаем, что во избежание налоговых рисков в условиях цифровизации налогоплательщики должны учитывать роль налоговых информационных ресурсов в налоговых спорах и делать выбор в пользу отказа от схем ухода от налогообложения, переходить на более безопасную, правильную и легальную модель ведения деятельности. Налоговые органы, представляется, в свою очередь должны идти в ногу со временем и использовать в своей деятельности всю совокупность налоговых информационных ресурсов для успешного выявления и доказывания в вышестоящем налоговом органе и суде фактов нарушения налогового законодательства.

Список литературы

Бакаева О. Ю., Покачалова Е. В. Мониторинг и аудит как инструмент достижения баланса частных и публичных интересов в налоговых и таможенных правоотношениях // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 42. С. 616–643.

Батаев И. Т. Сервисная и контрольная функция налогового администрирования в системе цифрового взаимодействия государства и экономических субъектов: дис. ... канд. экон. наук. Грозный, 2020. 220 с.

Бобровская О. Н. О перспективах использования системы «Платон»: задачи, оптимизация, налогообложение // Транспортное право и безопасность. 2016. № 6. С. 60–65.

¹ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 1 октября 2019 г. № Ф10-4178/19 по делу № А14-18371/2018.

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2022 г. № 603-ФЗ).

³ Определение судебной коллегии по гражданским делам Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 15 февраля 2022 г. по делу № 8Г-29442/2021.

⁴ Решение Арбитражного суда Брянской области от 3 августа 2022 г. по делу № А09-2609/2022.

⁵ Решение Арбитражного суда Республики Крым от 6 июня 2022 г. по делу № А83-760/2021.

⁶ Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 11 марта 2022 г. по делу № А45-32471/2020.

⁷ Решение Арбитражного суда Московской области от 22 октября 2021 г. по делу № А45-32471/2020.

Егоричев А. В. НДС: некоторые аспекты системы прослеживаемости товаров // *Налоговая политика и практика*. 2019. № 5. С. 26–28.

Ковшикова Г. А. Преимущества и недостатки системы «Платон» // *Инновационное развитие территорий: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Череповец, 21 марта 2017 г.) / отв. за вып. 3. М. Магруппова. Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2017. С. 11–15.*

Никонова А. С., Черноусова К. С. Цифровизация и влияние цифровых технологий на эффективность налогового контроля // *Вопросы студенческой науки*. 2020. № 12. С. 350–354.

Пайзулаев И. Р. Налоговое консультирование как инструмент налогового администрирования // *Налоговая политика и практика*. 2012. № 1-1. С. 19–24.

Петухова Р. А., Григорьева Я. А. Налоговое администрирование в условиях цифровой экономики // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. 2019. № 46. С. 303–316.

Петухова Р. А., Сладкова Е. В. Совершенствование налогового администрирования с учетом мировой практики применения современных информационных технологий // *Инновационное развитие экономики*. 2017. № 2. С. 191–197.

Рыбакова С. В., Калинина И. А. Налоговый спор в аспекте гарантий прав налогоплательщиков // *Ленинградский юридический журнал*. 2015. № 1. С. 141–150.

Савгурова А. Б. Международный обмен информацией по вопросам налогообложения: Российская практика // *Актуальные проблемы налоговой политики: сб. статей XI Междунар. науч.-практ. конф. молодых налоговых специалистов (Минск – Москва – Владимир – Калуга – Екатеринбург – Владивосток, 1–3 апреля 2019 г.) / отв. ред. М. Р. Пинская, А. В. Тихонова. М.: Перо, 2019. С. 276–279.*

Садовская Т. Д. Цифровизация налогового администрирования: возможности и перспективы для взаимодействия граждан и государства // *Финансовое право в условиях цифровизации экономики: материалы междунар. науч.-практ. круглого стола (Минск, 13 ноября 2020 г.)*. Минск: Белорусский гос. ун-т, 2020. С. 126–131.

Севостьянов И. А., Кулюкин С. Л. Совершенствование механизма привлечения к уголовной ответственности за налоговые преступления // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2017. № 2. С. 81–83.

Севостьянов И. А. Проблемы налогового администрирования в условиях цифровой экономики // *Наука и общество*. 2019. № 3. С. 41–45.

References

Bakaeva O. Yu., Pokachalova E. V. (2018) Monitoring i audit kak instrument dostizheniya balansa chastnykh i publicnykh interesov v nalogovykh i tamozhennykh pravootnosheniakh [Monitoring and audit as a tool of achieving balance of private and public interests in tax and customs legal relations]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, no. 42, pp. 616–643.

Bataev I. T. (2020) *Servisnaya i kontrol'naya funktsiya nalogovogo administrirovaniya v sisteme tsifrovogo vzaimodeystviya gosudarstva i ekonomicheskikh sub"ektov: dis. ... kand. ekon. nauk* [Service and control function of tax administration in the system of digital interaction between the state and economic entities: a candidate of economic sciences thesis]. Grozny, 220 p.

Bobrovskaya O. N. (2016) O perspektivakh ispol'zovaniya sistemy «Platon»: zadachi, optimizatsiya, nalogooblozhenie [On the prospects of the use of «Platon» electronic toll collection (ETC) system: challenges, optimization, taxation]. In *Transportnoe pravo i bezopasnost'*, no. 6, pp. 60–65.

Egorichev A. V. (2019) NDS: nekotorye aspekty sistemy proslzhivaemosti tovarov [VAT: some aspects of the goods traceability system]. In *Nalogovaya politika i praktika*, no. 5, pp. 26–28.

Kovshikova G. A. (2017) Preimushchestva i nedostatki sistemy «Platon» [Advantages and disadvantages of the Platon system]. In *Innovatsionnoe razvitie territorii: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (Cherepovets, 21 March 2017), ed. by Z. M. Magrupova. Cherepovets, Cherepovetskii gosudarstvennyi universitet, pp. 11–15.

Nikonova A. S., Chernousova K. S. (2020) Tsifrovizatsiya i vliyanie tsifrovyykh tekhnologii na effektivnost' nalogovogo kontrolya [Digitalization and the impact of digital technologies on the efficiency of tax control]. In *Voprosy studencheskoi nauki*, no. 12, pp. 350–354.

Paizulaev I. R. (2012) Nalogovoe konsul'tirovanie kak instrument nalogovogo administrirovaniya [Tax consulting as a tool of tax administration]. In *Nalogovaya politika i praktika*, no. 1-1, pp. 19–24.

Petukhova R. A., Grigor'eva Ya. A. (2019) Nalogovoe administrirovanie v usloviyakh tsifrovoi ekonomiki [Tax administration in the digital economy]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*, no. 46, pp. 303–316.

Petukhova R. A., Sladkova E. V. (2017) Sovershenstvovanie nalogovogo administrirovaniya s uchetom mirovoi praktiki primeneniya sovremennykh informatsionnykh tekhnologii [Improving tax administration taking into account the world practice of using modern information technologies]. In *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki*, no. 2, pp. 191–197.

Rybakova S. V., Kalinina I. A. (2015) Nalogovyi spor v aspekte garantii prav nalogoplatel'shchikov [Tax dispute in the aspect of guarantees of taxpayers' rights]. In *Leningradskii yuridicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 141–150.

Sadovskaya T. D. (2020) Tsifrovizatsiya nalogovogo administrirovaniya: vozmozhnosti i perspektivy dlya vzaimodeistviya grazhdan i gosudarstva [Digitalization of tax administration: opportunities and prospects for interaction between citizens and the state]. In *Finansovoe pravo v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki: materialy mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo kruglogo stola (Minsk, 13 November 2020)*. Minsk, Belorusskii gosudarstvennyi universitet, pp. 126–131.

Savgurova A. B. (2019) Mezhdunarodnyi obmen informatsiei po voprosam nalogooblozheniya: Rossiiskaya praktika [International exchange of information on taxation issues: Russian practice]. In *Aktual'nye problemy nalogovoi politiki: sbornik statei XI mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh nalogovedov (Minsk – Moscow – Vladimir – Kaluga – Ekaterinburg – Vladivostok, 1–3 April 2019)*, ed. by M. R. Pinskaya, A. V. Tikhonova. Moscow, Pero, pp. 276–279.

Sevast'yanov I. A. (2019) Problemy nalogovogo administrirovaniya v usloviyakh tsifrovoi ekonomiki [Problems of tax administration in the digital economy]. In *Nauka i obshchestvo*, no. 3, pp. 41–45.

Sevast'yanov I. A., Kulyukin S. L. (2017) Sovershenstvovanie mekhanizma privilecheniya k ugolovnoi otvetstvennosti za nalogovye prestupleniya [Improvement of the mechanism of criminal prosecution for tax crimes]. In *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*, no. 2, pp. 81–83.

ЧТО ИЗУЧАЕТ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО?

Осинцев Дмитрий Владимирович

Профессор кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Уральского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации (Екатеринбург), доктор юридических наук, e-mail: dimios@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8484-0055.

Обсуждение вопросов и концептуальный анализ содержания административно-процессуальных отношений на очередном витке полемических утверждений и опровержений в публично-правовой науке перешло с позиций обоснований и критики той или иной позиции к призывам о завершении бесконечных прений и достижении конвенции об основных понятиях и выстраивании архитектуры догматов процессуальной деятельности публичной администрации. Гипертрофирование значения содержания и расширение области применения административно-процессуальных отношений, попытки построить научную теорию об алгоритмах организации административной практики, как ни странно, не только не приводили к выведению и обоснованию постулатов и аксиом, закономерно свидетельствующих о возможности исследования административного процесса как объекта научного анализа, но и, наоборот, все больше и больше вносили разногласия в позиции исследователей. Для этого было несколько причин. Во-первых, административный процесс – искусственным образом созданный алгоритм по различным направлениям работы публичных инстанций, не имеющий своего объекта, а выстраиваемый раз от разу в зависимости от ситуационных подходов, возможностей и вызовов, с какими сталкиваются административные ведомства. Во-вторых, внимание исследователей было смещено с существенных моментов, касающихся оптимальной отдачи команд представителями власти, на второстепенные организационно-технические моменты самообеспечения выполнения отдельных функций (административные процедуры). В-третьих, чрезмерное увлечение вопросами административного судопроизводства вызвало появление публикаций, оправдывающих его эффективность, независимо от реального желания заинтересованных лиц обращаться в суд за оспариванием действий (бездействия) и решений, исходящих от публичной администрации, эффективность деятельности которых во многом подтверждается статистическими показателями.

Ключевые слова: административный процесс, административные процедуры, административные производства, административное судопроизводство, эффективность административных актов

Для цитирования: Осинцев Д. В. Что изучает административно-процессуальное право? // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 2. С. 55–71. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_2_55.

WHAT DOES ADMINISTRATIVE PROCEDURAL LAW STUDY?

Osintsev Dmitry

Professor, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Yekaterinburg), doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0001-8484-0055, e-mail: dimios@mail.ru.

The discussion of the content and conceptual analysis of administrative procedural relations at the next round of polemical statements and rebuttals in public law science have moved from the position of substantiation and criticism of one or another position to calls for the end of endless debate and the achievement of a convention on the basic concepts and building the architecture of the dogmas

of the procedural activities of public administration. Hypertrophy of the meaning of content and expansion of area of application of administrative procedural relations, attempts to build a scientific theory about the algorithms for organizing administrative practice, oddly enough, led not only to the derivation and justification of postulates and axioms, naturally indicating the possibility of studying the administrative process as an object of scientific analysis, but vice versa more and more contributed to the differences in the positions of researchers. There were several reasons for this. Firstly, the administrative process is an artificially created algorithm in various areas of work of public instances, which does not have its own object, but is built from time to time depending on situational approaches, opportunities and challenges that administrative departments face. Secondly, the attention of researchers was shifted from the essential points regarding the optimal delivery of commands by government representatives to secondary organizational and technical aspects of self-sufficiency in the performance of certain functions (administrative procedures). Thirdly, excessive enthusiasm for issues of administrative legal proceedings caused the appearance of a number of publications justifying its effectiveness than the real desire of interested parties to go to court to challenge the actions (inaction) and decisions coming from the public administration, the effectiveness of which, to a large extent, is confirmed by statistical indicators.

Key words: administrative process, administrative procedures, administrative proceedings, administrative legal proceedings, effectiveness of administrative acts

*For citation: Osintsev D. (2023) What does administrative procedural law study? In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 2, pp. 55–71, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_2_55.*

Идея о том, что административно-процессуальное право изучает административные процедуры, – очень популярная тема для обсуждения в юридической литературе конца XX – первой четверти XXI в. Под административными можно понимать процедуры, регламентируемые законодательно, которые позволяют установить порядок деятельности органов исполнительной власти и порядок принятия соответствующих юрисдикционных и управленческих решений¹. Это так, только изначально хотелось бы узнать, что такое «процедура» как родовое понятие, прежде чем отыскивать его специфические признаки в административной деятельности. Под процедурой следует понимать взаимосвязанную последовательность действий где-либо². Равным образом начальное определение нацелено на дублирование родовых признаков и добавление к ним единственного атрибута: соблюдение такого порядка в деятельности органов исполнительной власти. Требуется ли это высказывание дальнейшего изучения или исследования? Очевидно, что нет, так как определение является полным по объему и завершенным по содержанию.

Есть иное, легальное, определение административной процедуры: действия уполномоченного органа, совершаемые на основании заявления заинтересованного лица, по установлению (предоставлению, удостоверению, подтверждению, регистрации, обеспечению), изменению, приостановлению, сохранению, переходу или прекращению прав и (или) обязанностей, в том числе заканчивающиеся выдачей справки или другого документа (его принятием, согласованием, утверждением), либо регистрацией или учетом заинтересованного лица, его имущества, либо предоставлением денежных средств, иного имущества и (или) услуг за счет средств республиканского или местного бюджетов, внебюджетных фондов, из имущества, находящегося в государственной или коммунальной собственности³.

Какой-либо порядок в этом определении уже не упоминается, видимо, он предполагается как данность, но процедуры заменены на ряд действий, хотя их необоснованно считать эквивалентными понятиями, так как процедура представляет собой

¹ Кашу В. С., Назарян Л. Э., Мирошников Е. В. К вопросу о понятии и классификации административных процедур // Вопросы устойчивого развития общества. 2022. № 8. С. 428–434.

² Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1989. 620 с.

³ Редкоус В. М. Общая характеристика закона Республики Беларусь «Об основах административных процедур» // Закон и право. 2022. № 2. С. 76–81. DOI: 10.24412/2073-3313-2022-2-76-81.

лишь логическую упорядоченность отдельных операций в определенной последовательности (по правилам построения алгоритмов¹). В данном случае произошла обычная подмена понятий, так как «действия и операции имеют разное происхождение, разную динамику и разную судьбу. Генезис действия лежит в отношениях обмена деятельностью; всякая же операция есть результат преобразования действия, происходящего в результате его включения в другое действие и наступающей его „технизации“. Простейшей иллюстрацией этого процесса может служить формирование операций, выполнение которых требует, например, управление автомобилем»².

Можно привести еще одно определение: «Административная процедура – основанная на норме права совокупность направленных на достижение цели действий органа исполнительной власти. Основные задачи административной процедуры: 1) организационно-функциональная (связанная с функциональным назначением органа исполнительной власти, органа местного самоуправления); 2) обеспечительная»³. Впрочем, под процедурой предлагается понимать «урегулированную административным законодательством, имеющую относительную самостоятельность от материального права, направленную на достижение конкретного результата формализованную деятельность уполномоченных управленческих органов публичной власти, их должностных лиц, иных наделенных функциями публичного управления субъектов по принятию нормативных административных актов, а также по рассмотрению и разрешению индивидуальных административных дел и принятию индивидуальных административных решений (правоприменительных административных актов, заключению административных договоров, совершению иных юридически значимых действий), способствующую реализации установленных в законах прав, свобод, законных интересов и обязанностей граждан и организаций»⁴.

Каждый автор, рассуждая об административных процедурах, утверждает, что выводит оригинальное определение этого понятия. В самом деле, многие преуспевают в этом, приводимые ими признаки заслуживают изучения, осмысления и реализации, не лишены здравого смысла и прагматического результата. Есть небольшое замечание: процедуры исключительного отношения к администрированию не имеют, для юриспруденции в целом не значимы, их наличие или отсутствие, усложнение или упрощение, формализация или цифровизация и прочие надуманные правила построения алгоритмов не повлияли на эффективность деятельности публичной администрации.

Вот что выступает постулатом такого отрицательного высказывания: «В рамках развернутой системодетальной трактовки натуралистического подхода... я должен перерисовать несколько иначе... и, в частности, зафиксировать у исследователя... 2) определенный набор действий (процедур и операций), которые он применяет в отношении к объекту». Действующий субъект заявляет, на что направлены его операции и процедуры, и то, что он «видит» перед собой благодаря онтологическим схемам и картинам, «в виде объекта природы» и вместе с тем «объекта познания» или «объекта исследования»⁵.

¹ «Алгоритм – четкое указание последовательности действий, которые следует совершить для решения поставленной задачи. Операция – простейшая единица деятельности, принятая или допустимая в данной системе алгоритмов. Процедура – официально установленный порядок действий или осуществления совместной деятельности» (*Резник В. М.* Введение в социальную теорию. Социальная системология. М.: Наука, 2003. С. 253). Такого плана ошибка аргументации и критики является подменой слабого утверждения более сильным, вместо номинальной формы речь идет о реальном содержании, вместо умозрительной процедуры рассматриваются реальные действия (*Ивлев Ю. В.* Логика для юристов: учеб. М.: Юрид. колледж МГУ, 1996. С. 186).

² *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. С. 36.

³ *Кобзарь-Фролова М. Н.* Категории «процесс» и «процедуры» в трудах классиков российского административного права: понятие, актуальность и современность модели // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18. № 3. С. 252–260.

⁴ *Давыдов К. В.* Административные процедуры: концепция правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2021. С. 24.

⁵ *Щедровицкий Г. П.* Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // *Щедровицкий Г. П.* Избранные труды / ред.-сост. А. А. Пископфель, Л. П. Щедровицкий. М.: Изд-во шк. культ. политики, 1995. С. 278.

Более серьезное заявление содержится в ином высказывании: «Организационные установления (правила и процедуры) не являются произвольными, конвенциональными, они выражают законосообразный, структурный характер механизмов воспроизводства деятельности, в этом смысле они естественны»¹. По способу введения категории «естественного» в Е-системах не может быть управления. В ряде работ было показано, что понятие управления ненатурализуемо, т. е. не может быть сведено к натуральному взаимодействию.

Еще одно немаловажное утверждение: «Чтобы построить новую процедуру практической деятельности, индивид (в общем случае) должен знать: 1) вид и характер требующегося ему продукта; 2) вид и характер исходного материала преобразования; 3) необходимые для преобразования орудия и средства; 4) характер отдельных действий, которые нужно совершать, и их порядок. Знания о действиях в свою очередь должны учитывать два их отношения: а) к объектам преобразований и б) к орудиям (или средствам) деятельности»².

Как бы ни звучало то или иное определение, относящееся к процедуре, все они подтверждают организацию субъектом своей собственной активности (акцент поставлен не на взаимодействии с другим субъектом, а на организации собственных работ). В рамках имеющегося у него (субъекта) объекта оперирования процедура «умирает», завершая свое объективное существование, выхода на другое лицо она не имеет, взаимодействие между субъектами не прослеживается, вне такого взаимодействия рассуждать о возможности правовых отношений бессмысленно, так как «социальным» мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него³.

Положенные в логическую основу административных процедур несовершенные обязанности (причинить, требовать, не предоставлять, не принимать)⁴ не порождают правоотношений, так как им не корреспондируют соответствующие права заинтересованных лиц, в этом случае говорить об отлаженном механизме взаимодействия вообще не имеет смысла.

Трудно судить о наличии обязательств административного органа по совершению административных процедур, так как «обязательно выполнять α тогда и только тогда, когда воздержание от выполнения α с необходимостью приводит к нежелательному положению дел, то есть в мире s обязательно выполнять α тогда и только тогда, когда лишь таким образом можно избежать нежелательного положения дел»⁵. В прагматическом плане иногда обязательное выполнение административных процедур может привести к улучшению ситуации межсубъектного взаимодействия, но такая объективная необходимость не прослеживается, при этом никакого нежелательного положения дел вследствие невыполнения административных процедур не будет, так как они находятся в нейтральной зоне правового регулирования.

Неслучайно Рене Давид отмечал, что «хорошо продуманная процедура улаживания конфликтов, безусловно, необходима, но процедура все же не более чем слуга права; право должно содержать все основные нормы, регламентируя поведение сторон и определяя их права и обязанности. Те, кто на первый план выдвигают идею примирения и умиротворения, очевидно, предпочитают предусматривать только процедуры; им представляется, что следует отказаться от самой идеи предварительно установленной нормы. Те же, кто видят в праве модель организации общества, не зависящей ни от каких юридических споров, скорее склонны рассматривать

¹ Генисаретский О. И. Методологическая организация системной деятельности. Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании (теория и методология). М., 1975 // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/> (дата обращения: 17.09.2022).

² Путеводитель по методологии Организации, Руководства и Управления: Хрестоматия по работам Г. П. Щедровицкого / сост. А. П. Зинченко. М.: Дело, 2003. С. 42, 52, 53, 55, 56.

³ Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 602.

⁴ Ивин А. А. Логика норм. М.: Изд-во Московского ун-та, 1973. С. 99.

⁵ Кислов А. Г. Динамический подход к деонтической логике: семантика нормативных операторов // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2013. Т. 13. Вып. 3. С. 28.

право как свод основных норм, чем как совокупность процедур для урегулирования конфликтов»¹.

Любой типичный административный регламент предоставления государственной услуги должен содержать состав, последовательность и сроки выполнения административных процедур². Далее в том же документе говорится о возможности установления порядка оставления запроса заявителя о предоставлении государственной или муниципальной услуги без рассмотрения; очевидно, что акцент смещен не на случаи (юридические факты), сопровождающие принятие такого решения, а исключительно на порядок действий должностных лиц, предшествующий отказу в рассмотрении заявления, т. е. заявитель выступает аутсайдером административной процедуры.

В постановлении также сказано, что в описание административной процедуры профилирования заявителя включаются способы и порядок определения и предъявления необходимого заявителю варианта предоставления государственной услуги. Участие заявителя вновь исключено, прослеживается автономия властной инстанции, впрочем, кто-либо иной при этом вовсе не нужен, так как совершаются сугубо организационно-технические действия внутриведомственного характера, никак не влияющие на юридическую судьбу заинтересованного лица или установление режима каких-либо объектов.

До появления административных регламентов понятие «административная процедура» отсутствовало как юридическая конструкция. Оказывало ли это влияние на эффективность административной деятельности? Сложно ответить на этот вопрос, так как подобного плана исследования не проводились. Иной вопрос: повлияло ли и каким образом появление административных процедур на эффективность деятельности публичной администрации? Последует категорический ответ: «Да, сказалось отрицательным образом», – административным властям пришлось прибегнуть к серьезной корректировке сложившегося положения дел. Это нашло отражение в распоряжении Правительства РФ от 20 августа 2015 г. № 1616-р «Об утверждении Концепции оптимизации механизмов проектирования и реализации межведомственного информационного взаимодействия, оптимизации порядка разработки и утверждения административных регламентов в целях создания системы управления изменениями», где было признано избыточным, а порой ошибочным и даже негативным фактором включение в тексты правовых актов (административных регламентов) административных процедур, таковым был придан второстепенный (сопутствующий) характер по отношению к внешневластной деятельности публичной администрации.

Ход и последовательность административных действий издавна фиксируются различными способами, чаще всего протоколируются. Детализация проведения контрольно-надзорных действий сопровождается установлением административных процедур, согласно которым фото-, аудио- и видеозапись осуществляется в следующем порядке: а) осуществляются ориентирующая, обзорная, узловая и детальная фотосъемка и видеозапись; б) фото-, аудио-, видеофиксация проводится посредством использования фотоаппаратов, диктофонов, видеокамер, мобильных устройств (телефоны, смартфоны, планшеты); в) оборудование должно иметь техническую возможность отображения на фотоснимках и видеозаписи текущей даты и времени, а также сохранения данных о месте съемки (координат); г) необходимо применять приемы фиксации, при которых исключается возможность искажения свойств объекта контроля (надзора); следует обеспечивать условия фиксации, при которых полученные фотоснимки, видеозапись максимально точно и полно отображают свойства объектов контроля (надзора)³.

¹ Давид Р. Различные концепции общественного порядка и права // Отечественные записки. 2003. № 2. С. 47.

² Подпункт «в» п. 9 постановления Правительства РФ от 20 июля 2021 г. № 1228 «Об утверждении Правил разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг, о внесении изменений в некоторые акты Правительства РФ и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений актов Правительства РФ».

³ Постановление Правительства РФ от 28 февраля 2022 г. № 272 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) за соблюдением законодательства РФ о применении контрольно-кассовой техники, в том числе за полнотой учета выручки в организациях и у индивидуальных предпринимателей» (п. 35 Положения).

Возникает вопрос: повлияет ли отсутствие уведомления участников мероприятий о применении специальных технических средств на выводы по итогам проверки? Каким образом изменит выводы должностных лиц отступление от данного порядка проведения съемок? Полагаем, что не повлияет, так как ход проведения мероприятия объективирован, может быть перепроверен, отражается в акте проверки. Одно дело – не использовать технический прием в ходе получения доказательств, другое дело – бездоказательные выводы в административном акте. Если найдется некто, кто докажет, что использование панорамной съемки вместо детальной повлияло на выводы акта проверки, то полагаем, его софизм будет оценен как незначимый. Вряд ли можно встретить аналогичные случаи, когда на основе справочника следователя оспаривались результативные акты в ходе уголовного судопроизводства; в системах СПС «КонсультантПлюс», Судакт, ГАС «Правосудие» такие уловки псевдоюридического мышления не обнаружены.

Согласно п. 4 ст. 5 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» при обращении к гражданину сотрудник полиции:

1) называет свои должность, звание, фамилию, предъявляет по требованию гражданина служебное удостоверение, после чего сообщает причину и цель обращения;

2) в случае применения к гражданину мер, ограничивающих его права и свободы, разъясняет ему причину и основания применения таких мер, а также возникающие в связи с этим права и обязанности гражданина.

Далее в п. 5 этой же статьи сказано, что сотрудник полиции в случае обращения к нему гражданина называет свои должность, звание, фамилию, внимательно его выслушивает, принимает соответствующие меры в пределах своих полномочий либо разъясняет, в чью компетенцию входит решение поставленного вопроса.

Федеральным законом от 21 декабря 2021 г. № 424-ФЗ признана неуместность этих процедур, так как в силу п. 5.1 той же статьи «при возникновении обстоятельств, угрожающих жизни и здоровью сотрудника полиции или иных граждан, и при необходимости незамедлительного пресечения преступления или административного правонарушения либо преследования совершивших их лиц предусмотренные частями 4 и 5 настоящей статьи положения реализуются сотрудником полиции сразу после прекращения указанных обстоятельств или действий». Если же это не будет сделано, то какие будут последствия: пресечение или преследование будет признано несостоявшимся, сведения о должностном лице аннулируют факт опасного инцидента или произойдет нечто иное, что нарушит требования правопорядка?

В худшем случае (причем в худшем для сотрудника) должностное лицо будет привлечено к дисциплинарной ответственности за организационные упущения, ведь от того, узнает гражданин о личности должностного лица или не узнает, станет осведомленным в специальных званиях сотрудников полиции либо этого не произойдет, его правовое положение не изменится, а неправомерное (опасное) поведение социально полезным (нейтральным) не станет. Даже если не назовут статьи, сопровождающие законное применение мер принуждения, у такого гражданина не появится право на сопротивление власти (попросту такого права нет ни у кого).

Можно привести иной случай регламентации административных правоотношений, направленных на организацию юридически значимого взаимодействия органов внутренних дел и граждан, который изложен в приказе МВД России от 30 апреля 2012 г. № 389 «Об утверждении Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан». Перечисленные в п. 5 Наставления решения вовсе не процедурно-ритуальные, а принимаются на пике принудительной реакции государства на правонарушение:

о помещении лица в специальное помещение дежурной части, предназначенное для содержания лиц, задержанных полицией по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 14 Федерального закона «О полиции» (5.1);

об освобождении лица при отсутствии оснований для его помещения в помещение для задержанных (5.2);

о направлении лица в медицинскую организацию государственной или муниципальной системы здравоохранения, если по заключению медицинского работника

выездной бригады скорой медицинской помощи оно нуждается в лечении в стационарных условиях (5.3);

о передаче несовершеннолетнего лица органу дознания или предварительного следствия, сотруднику подразделения по делам несовершеннолетних, родителям или иным законным представителям, должностным лицам образовательных или учебно-воспитательных учреждений, должностным лицам специализированных учреждений для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации, или учреждений органов здравоохранения (5.4);

о передаче лиц, указанных в ч. 1 ст. 2.5 КоАП, представителю воинской части или соответствующего органа (учреждения) (5.5);

об освобождении лица, обладающего в соответствии с законодательством РФ неприкосновенностью (5.6).

Оптимизировать нужно не административные процедуры, а действия и команды, исходящие от представителей административной власти по отношению к подвластным лицам, а равным образом наоборот, их юридически значимое взаимодействие, иное – это создание фантомного объекта для изучения, своего рода логическая диверсия, сопровождающаяся отвлечением внимания от действительно важных проблем на пустяковые формальности¹. Административная процедура лишь позволяет наладить функциональную бюрократию, обеспечить законное «топтанье на месте», формальное уклонение от принятия ответственного решения, в свою очередь акты командного типа позволяют давать предписания их адресату, квалифицировать действия как обязательные, разрешенные или запрещенные².

Взятые в отрыве от юридически значимых административных действий административные процедуры выступают юридически нейтральными наборами технических операций уполномоченных должностных лиц, возможно, оптимизирующими внутриорганизационную работу публичной администрации, не влияющими на реализацию обязательных требований, не связанными непосредственно с реализацией прав, свобод и законных интересов заинтересованных граждан и организаций, не подлежащими обжалованию (оспариванию) и не выступающими предметом административного иска, поддерживаемыми ходом сложившейся административной практики и средствами дисциплинарного воздействия (избирательно).

Из того, что тот или иной властный субъект отступает от установленных им самим для себя правил документооборота, вовсе не следует, что тем самым будут затронуты интересы третьих лиц, исследованием же операций занимается теория принятия решений, но не юридическая наука³. Гражданин, обращаясь в МФЦ, знаком только с входом-выходом, при вступлении в коммуникацию и получении результата рассмотрения обращения административные процедуры ему не известны (не интересны и не важны), условно говоря, для внешнего адресата внутриорганизационная работа в рамках административных процедур – «черный ящик», прохождение которого не влияет прямо на результат действий.

В актах, относящихся к сфере контрольно-надзорной деятельности, установлена возможность отбора проб и образцов подконтрольного товара⁴. Для совершения таких операций установлены нормативные и нормативно-технические правила совершения процедур⁵. Одно дело – гарантировать права при частичном изъятии имущества для текущего контроля качества и безопасности продукции, другое – техника и методика изъятия такого имущества, которые не влияют на правовое положение заинтересованных лиц и режим отбираемых объектов.

¹ «Эта уловка заключается в умышленном переводе разговора на другую тему, на ту, которая хорошо знакома спорящему» (Ивлев Ю. В. Логика для юристов. С. 189).

² Ивин А. А. Указ. соч. С. 21.

³ Акоф Р., Сасиени М. Основы исследования операций / пер. с англ. и предисл. В. Я. Алтаева; под ред. И. А. Ушакова. М.: Мир, 1971. 534 с.; Хемди А. Таха. Введение в исследование операций / пер. с англ. и ред. А. А. Минько М.: Вильямс, 2007. 912 с.

⁴ Постановления Правительства РФ от 30 июня 2021 г. № 1100 «О федеральном государственном санитарно-эпидемиологическом контроле (надзоре)», от 29 июня 2021 г. № 1053 «Об утверждении Положения о федеральном государственном метрологическом контроле (надзоре) и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства РФ».

⁵ Письмо Россельхознадзора от 20 июля 2020 г. № ФС-НВ-2/20359 «О порядке отбора проб (образцов) и проведении лабораторных испытаний по показателям безопасности».

Как же так получилось, что в течение трети века изучалось то, что вовсе не было значимо для юридической науки? Уже предвидятся возражения: как же не значимо?! Ведь административные процедуры позволяют эффективно наладить взаимодействие между заинтересованными лицами и представителями публичной администрации, обеспечить надлежащую и гарантированную реализацию прав, свобод и законных интересов граждан и организаций. Не исключено, но такая необходимая причинно-следственная связь отсутствует, ни одного бесспорного примера в подтверждение высказывания привести не удастся вследствие того, что таковыми выступают не процедуры, а надлежащим образом организованные взаимные обязательства субъектов административного правоотношения, в ином случае будут звучать ложные высказывания.

Может быть, правильным будет сохранить приверженность традиционной терминологии и не подменять объекты исследования, концентрируя внимание не на административных процедурах, а на административном процессе, который представляет собой «совокупность действий участников, которые нормативно определены, складываются в систему, имеют цель и направлены на разрешение конкретного дела. Суть процесса состоит в основанной на норме процессуального права последовательности действий»¹. При этом должно быть учтено четвертое правило построения определений: нельзя принимать номинальные определения за реальные². Нахождению лица в определенном месте соответствует объективная территориальность, продукции – ее качество и безопасность, профессионалу – его квалификация, принуждению – физическое или психическое воздействие на иное лицо и т. д., а схема организации той или иной деятельности, называемая «процесс», существует в воображении, на бумаге, в особом ходе мыслей, но в реальности есть сами действия, но не их организованность, ее нельзя воспринимать (увидеть, услышать, измерить и пр.).

Иной вариант определения – это действия уполномоченных исполнительных органов (должностных лиц), урегулированные административно-правовыми нормами по рассмотрению и разрешению административных дел, возникающих в сфере государственного управления при реализации задач и функций исполнительной власти, образующих общую систему процессуальных действий³. Отметим, что акцентуация на функциях является ложной: «Были попытки построить логику рассуждений, в которых встречаются нормы в посылках и заключениях. При этом отношения между деяниями (действиями и бездействиями) представлялись в качестве функций. Результат оказался отрицательным»⁴.

Наконец, определения совпали: это процедура трехстороннего разрешения споров, вытекающих из властных отношений (т. е. административных и дисциплинарных споров), в любом органе государства и при любом способе организации такого рассмотрения⁵. Более поздняя публикация называет урегулированную нормами административного законодательства деятельность органов исполнительной и судебной власти, включающую как управленческую, так и процессуальную деятельность по производству дел в сфере административного законодательства⁶.

Ю. П. Соловей, желая завершить дискуссию о понимании административного процесса, представил любопытное его структурирование и экстраполяцию его признаков на иные юридические практики. Он говорит об основаниях «для понимания российского административного процесса в качестве правового понятия, содержание которого состоит из трех частей: а) административного судопроизводства; б) производства по делам об административных правонарушениях; в) административного производства (административных процедур)». Другими наименованиями указанных

¹ Кобзарь-Фролова М. Н. Указ. соч. С. 252–260.

² Ивлев Ю. В. Логика для юристов. С. 147.

³ Ткачева Д. В. Сущность понятия «административный процесс» // Вестник Белорусского государственного экономического университета. 2021. № 6. С. 84–91.

⁴ Ивлев Ю. В. Деонтическая квазиматричная логика. Логика норм // Гуманитарный вестник. 2018. № 7. С. 1. DOI: 10.18698/2306-8477-2018-7-538.

⁵ Демин А. А. Понятие административного процесса и кодификация административно-процессуального законодательства РФ // Журнал административного судопроизводства. 2021. № 4. С. 43–50.

⁶ Панферов Р. Г., Легоцкий В. Н. Понятие и сущность административного процесса // Закон и право. 2022. № 7. С. 55–56. DOI: 10.24412/2073-3313-2022-7-55-56.

видов процессуальной деятельности, подходящими для использования в научных и учебных целях, могут служить, соответственно, «судебный административный процесс» («административная юстиция»), «негативный административный процесс» («административная юрисдикция») и «позитивный административный процесс» («административные процедуры»)¹.

Между административными процедурами и административным процессом существует объединяющий признак, в обоих случаях речь идет о порядке действий, реализуемых с участием представителей публичной администрации. Представляется, что определение понятия «процесс» происходит через другое понятие – «процедура». Между ними сложно найти отличие, процедуры сопутствуют как оперативно-исполнительной, так и юрисдикционной практике публичной администрации, вне процессуальной организации административной деятельности процедуры не возникают, эти два понятия являются соподчиненными и зависимыми друг от друга.

В одном случае мероприятия проводятся должностными лицами без взаимодействия, а в другом при наличии взаимодействия с заинтересованным (подвластным) лицом, что не меняет сути дела, в обоих случаях представлен набор практико-методических и (или) конструктивно-технических правил, организованных как алгоритм, сформированный искусственным образом.

Согласно постулатам Г. П. Щедровицкого² искусственное образование не может быть представлено как процесс, выступая в номинации формы административной деятельности³, «процесс», представленный как форма, – это некое пустое место, заполняемое некоторым содержанием, но диадическое рассмотрение себя не оправдывает, так как в отрыве от юридических средств и технологий само по себе конструирование пустых формуляров выхолащивает наличие объекта в юридических исследованиях (исследовать то, что сам создаешь, – значит изучать номенклатуру собственных терминов, вкладывая в них произвольное содержание, но не обращаться к объективным образом существующим объектам), такая практика становится принципиально ненаучной.

Подобного рода изучение деятельности является не процессуальным, а структурным, процедура строится на основе средств, средства выделяются из процедуры и т. п., «когда мы таким образом, в виде связей, изображаем некоторые процессы или деятельности, то при этом совершенно естественно происходит расщепление средств. ...процесс – планы, регулятивы, вообще орудия, средства в собственном смысле этого слова»⁴. Далее автор делает крайне важное заключение: «Ясно, что, в принципе, такому процессу членения и детализации нет ни конца, ни края. Благодаря этому все блок-схемные представления оказываются какими-то удивительно произвольными и необоснованными. Я пока не знаю, нужно ли по поводу этого радоваться или, наоборот, огорчаться»⁵.

Оптимальность хода операций определяется властной инстанцией самостоятельно, исходя из вариативных критериев (сокращения или увеличения количества действий (операций), изменения их последовательности, формализации и цифровизации, обеспечения открытости или сокращения процессуального участия в административных действиях третьих лиц и пр.). При этом сама по себе последовательность, стадийность, оперативность, ревизионный характер и другие признаки не имеют значения для принятия решения и отдачи команды, так как административная инстанция не ведет работу с фактами, а осуществляет анализ документов при регистрации, легализации, выдаче разрешений, применении обеспечительных мер или осу-

¹ Соловей Ю. П. К завершению дискуссии о понимании административного процесса // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18. № 3. С. 359–378. DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-3-359-378.

² Щедровицкий Г. П. Проблемы логики научного исследования и анализ структуры науки // Из архива Г. П. Щедровицкого. М.: Путь. 2004. Т. 7. С. 103, 282.

³ Спиридонов П. Е. Административно-процессуальная форма и стадии как элементы характеристики административного процесса // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18. № 3. С. 301–312. DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-3-301-312; Лещина Э. Л. Административно-процессуальная форма как категория административного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 5. С. 63–72. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.138.5.063-072; Мальченко К. Н. К вопросу об административной процессуальной форме // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1. С. 110–116.

⁴ Щедровицкий Г. П. Проблемы логики научного исследования и анализ структуры науки. С. 381.

⁵ Там же. С. 382.

ществлении оперативного реагирования (административной юрисдикции) в связи с несоблюдением обязательных требований. Работа проводится по принципиальным схемам организации административной деятельности, выстроенным как алгоритм, пригодность которого каждый раз проверяется на практике в конкретном деле.

Небольшое пояснение по алгоритмам правоохранительной работы административных органов. Ряд административных правонарушений с посткриминальным генезисом (мелкие хищения, хулиганство, повреждение имущества, побои, оскорбления и т. п.) изначально не имеют документальной основы, где могут быть отражены и зафиксированы факты и обстоятельства происшедшего противоправного действия (бездействия), такие документы еще предстоит сформировать в ходе производства по делу об административном правонарушении по аналогии с досудебными стадиями в уголовном процессе. В этом случае процессуальные действия носят конститутивный, а не декларативный характер, где требуется познание фактов, их интерпретация, соотнесение с толкуемыми правовыми нормами, под содержание которых они подводятся, только потом делаются выводы. Однако в рамках административной юрисдикции количество таких случаев крайне мало. При иных обстоятельствах сравнение наличия или отсутствия документов, имеющихся (не имеющихся) в распоряжении подвластного субъекта, а также их формы и содержания с обязательными требованиями сразу позволяет сделать вывод о соответствии или несоответствии деятельности установленным запретам, ограничениям, обязательствам и условиям ее ведения¹.

Объект изучения административно-процессуального права не дан изначально, он формируется в ходе административной практики, не имеет устоявшегося содержания и четких границ, в связи с этим реальный акцент исследования поставлен на его предмете – тех конструктивно-технических правилах, которые предлагаются в методических разработках и административно-правовой доктрине в целях оптимизации имеющихся работ.

Дискуссия об административном процессе не завершится никогда, так как нельзя завершить то, что не начиналось, ибо в разногласиях нет поиска истины, а речь идет лишь об изменениях ритуальных алгоритмов, которые истинными или ложными не являются², но могут быть пригодными или непригодными для решения некоторых задач, приемлемыми или неприемлемыми в определенных ситуациях³.

Теперь еще об одной, условно говоря, «части» административного процесса, постривизионной, – об административном судопроизводстве, в котором меняется субъект решения (суд выступает вместо административного органа в аналитической оценке документальной базы), а содержанием остается то же самое, что и делала административная инстанция, – проверка правильности выводов о соответствии или несоответствии деятельности обязательным требованиям.

Предметом ревизии выступает вывод, повлиявший на законность принятого решения, а также процедура его принятия. Согласно п. 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства РФ и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса РФ», когда законодательством регламентирован порядок принятия решения, совершения оспариваемого действия, суд проверяет соблюдение указанного порядка (подп. «б» п. 3 ч. 9 ст. 226 КАС РФ, ч. 4 ст. 200 АПК РФ).

Несоблюдение установленного порядка принятия решения, совершения оспариваемого действия может служить основанием для вывода об их незаконности, если допущенные нарушения существенны для административного истца (заявителя) и влияют на исход дела. Нарушения порядка, носящие формальный характер, по общему правилу, не могут служить основанием для признания оспоренных решений, действий незаконными. Иначе говоря, если правила принятия решения установле-

¹ Меры непосредственного принуждения (применение физической силы, специальных сил, оружия, боевой техники, средства разрушения преград и пр.) как процессуальные не рассматриваются, так как носят фактический характер, юридическая оценка их дается в рамках необходимой обороны, крайней необходимости, задержания (преследования) лиц, совершивших противоправные (опасные) действия (бездействие).

² Ивин А. А. Указ. соч. С. 22; Ивлев Ю. В. Логика для юристов. С. 173.

³ Ивлев Ю. В. Логика для юристов. С. 65.

ны административным органом, а суд устанавливает нарушение такого рода правил, то признает решение незаконным. Странная реализация принципа разделения властей.

Если изменить правила в ходе рассмотрения дела судом, тогда административная инстанция лишь перейдет из сферы правовой незапрещенности (усмотрение *ad hoc*) в зону разрешенного правоприменения (формализация усмотрения). Что же в таком случае будет незаконным? Такого рода ситуации называются правилами построения *последовательной конъюнкции*¹; это предмет изучения логики, но не юридических наук. Кстати, в рамках административных процедур последовательная конъюнкция может быть заменена одновременной, а равно сокращены составляющие ее элементы или изменена их последовательность без ущерба для выводов. В самом деле, наряду с общим порядком ведения производства по делу об административном правонарушении возможен упрощенный (ст. 28.6 КоАП РФ), а равно использование формы административного расследования, которое, впрочем, не всегда обязательно (ст. 28.7 КоАП РФ); возможно упрощение процедуры лицензирования², допустима оптимизация экспертных оценок³, учетно-регистрационных действий⁴, мероприятий по контролю⁵, административного правопредоставления⁶, информационного обмена и т. д.

В системе РИНЦ зарегистрировано более 5500 единиц научной информации по вопросам административного судопроизводства⁷. Отношение к административному судопроизводству выражается исключительно позитивное, зачастую приводятся доводы, свидетельствующие о его преимуществах по отношению к иным способам защиты прав, свобод и законных интересов граждан и организаций⁸.

Правда, доводы в обоснование высказанных суждений приводятся иногда странные. Допустим, преимуществом провозглашается переход к электронной форме судопроизводства (однако цифровизация внедрена повсеместно⁹), тогда как ее достоинства сами по себе требуют подтверждения и аргументации¹⁰. Или иное: заявляется, что судебная власть оказалась, пожалуй, единственной эффективной формой за-

¹ «Суждения, в которых утверждается последовательное возникновение или существование двух или более ситуаций» (Ивлев Ю. В. Логика для юристов. С. 43).

² Ростехнадзор информирует об упрощении процедуры получения лицензий на осуществление деятельности по проведению экспертизы промышленной безопасности // Федеральная служба по экологическому, техническому и атомному надзору: офиц. сайт. 2022. 8 сент. URL: <http://cntr.gosnadzor.ru/news/64/4610/> (дата обращения: 17.09.2022); постановление Правительства РФ от 30 июля 2021 г. № 1279 «О проведении на территории РФ эксперимента по оптимизации и автоматизации процессов разрешительной деятельности, в том числе лицензирования».

³ Распоряжение Правительства РФ от 27 сентября 2021 г. № 2692-р «Об утверждении плана мероприятий („дорожной карты“) реализации механизма управления системными изменениями нормативно-правового регулирования предпринимательской деятельности „Трансформация делового климата“ „Реинжиниринг правил промышленного строительства“».

⁴ Приказ Росреестра от 4 августа 2021 г. № П/0342 «Об утверждении Стратегии архивного хранения и перевода в электронную форму документов в сфере государственного кадастрового учета и государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним и признании утратившим силу приказа Росреестра от 5 сентября 2014 г. № П/426 „Об утверждении Стратегии архивного хранения и перевода в электронную форму дел правоустанавливающих документов и кадастровых дел“».

⁵ Письмо ФНС России от 9 марта 2021 г. № АБ-4-19/2990 «О направлении Временного порядка проведения совместной сверки расчетов».

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 19 января 2021 г. № 48-р «Об утверждении Плана мероприятий („дорожной карты“) реализации механизма управления системными изменениями нормативно-правового регулирования предпринимательской деятельности „Трансформация делового климата“ „Градостроительная деятельность“».

⁷ Научная электронная библиотека. URL: https://www.elibrary.ru/query_results.asp (дата обращения 01.09.2022).

⁸ Бандур К. А., Пониделко И. Н. Кодекс административного судопроизводства. Проблемы и преимущества // Академия педагогических идей Новация. Сер. Студенческий научный вестник. 2016. № 11. С. 552–559.

⁹ Царева А. А. Административно-правовые основы электронного документооборота // Инновационное развитие. 2017. № 5. С. 94–96.

¹⁰ Смольянинова Ю. К. Принцип письменности и устности в административном судопроизводстве // Юридические записки. 2014. № 4. С. 55–57; Решетняк В. И., Смагина Е. С. Применение информационных технологий в административном судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 4. С. 40–46.

щиты интересов граждан и предпринимателей в современных условиях¹, потому что стороны юридически равны, созданы условия для объективного разрешения дела, защищаются как частные, так и публичные интересы², значительно расширен предмет и пределы административного иска³.

Теперь следует проверить, является ли данное высказывание нормативно истинным или нормативно ложным. Можно ли доказать, что только судебные органы наиболее эффективно обеспечивают реализацию прав, свобод и законных интересов граждан и организаций во взаимоотношениях с публичной администрацией, или эти доводы существуют лишь на уровне убеждений заинтересованных исследователей?

Произведена подмена онтологической модальности (онтологически случайно) ее эпистемическим эквивалентом (полагание), что недопустимо⁴. Ни доказать, ни опровергнуть тезис об эффективности административного судопроизводства не представляется возможным, так как нет такого типа знаний, который мог бы с категоричностью утверждать, как будет реализован юридический проект (ведь в будущее никто не сможет заглянуть рациональным образом (иное – ненаучно), а свобода воли может перечеркнуть любые задумки). Но сопоставить факты реализации и трансляции процессуальных норм вполне под силу в рамках юридического познания. Предложенные высказывания об абсолютной эффективности и приоритете административного судопроизводства по отношению к иным формам разрешения юридических споров публично-правового характера выступают правильно построенными формальными импликациями, которые признаются осмысленными и истинными лишь в случае, если имеется в то же время осмысленная и истинная материальная импликация, но не наоборот⁵, однако последние не обнаружены.

Обратимся к статистическим данным⁶, которые опровергают логическое следование наличия административного судопроизводства как наиболее эффективного способа защиты прав и свобод граждан. Из этого утверждения должно следовать иное достоверное высказывание, что заинтересованные лица наиболее часто прибегают к использованию этой процессуальной формы, а судебные акты безупречным образом позволяют обеспечить законность административной деятельности. Суждения должны носить необходимый характер, но практика реализации норм об административном судопроизводстве показала обратное.

Административные дела о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан и организаций, возникающие из административных и иных публичных правоотношений, разрешенных в судах первой инстанции за 2021 г., составляют 380 816 единиц статистической информации (названы только спорные ситуации с участием административных органов; предварительное судебное санкционирование, а также дела о взыскании налогов, сборов, обязательных платежей и т. п. не приводятся).

Для примера: потенциально спорные ситуации в системе МВД России могли возникнуть лишь по одному направлению деятельности: направлено 176 333 представления о неразрешении иностранным гражданам и лицам без гражданства въезда

¹ Ноздрачев А. Ф., Сухарева Н. В., Мельникова В. И. Процессуальные правовые механизмы защиты граждан и их объединений во взаимоотношениях с публичной властью // Законодательство и экономика. 2005. № 5. С. 17–34.

² Ломанова Н. П. Судебная процессуальная форма как эффективный механизм защиты прав граждан (их объединений) в сфере исполнительной власти // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 2. С. 350–352.

³ Солоницын П. С. Судебная защита прав осужденных по нормам Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики: материалы Междунар. науч.-практ. межведомственной конф. (Самара, 16–17 июня 2016 года) / под общ. ред. А. А. Вотинова. Самара: Самарский юрид. ин-т Федеральной службы исполнения наказаний, 2016. С. 596.

⁴ Ивин А. А. Указ. соч. С. 29.

⁵ Тарский А. Введение в логику и методологию дедуктивных наук / пер. с англ. О. Н. Дынник; ред. и предисл. к рус. пер. С. А. Яновской. М.: Гос. изд-во иностранной лит., 1948. С. 57.

⁶ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2021 год // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=6120> (дата обращения: 01.09.2022).

в РФ¹, что составляет почти половину от общего числа случаев, связанных с судебным оспариванием. Для сравнения: в судебном порядке рассмотрено 550 обращений об оспаривании решений об аннулировании разрешения на временное проживание, вида на жительство (ст. 7 и 9 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ»). В свою очередь оспорено 10 601 решение, действие (бездействие) МВД России. При этом МВД России предоставлено более 96,2 млн государственных услуг, в том числе по линии обеспечения безопасности дорожного движения – более 21,3 млн, в сфере миграции – более 66,7 млн, по линии информационно-справочной работы – более 7,8 млн, по линии контроля за оборотом наркотиков – более 51,8 тыс., по проведению добровольной государственной дактилоскопической регистрации в РФ – более 303 тыс., экспертно-криминалистической деятельности – более 280. По данным ИАС МКГУ, показатель удовлетворенности граждан качеством предоставленных МВД России государственных услуг составил 98,1 % (от заявителей получено более 21 млн оценок), в том числе по линии обеспечения безопасности дорожного движения – 96,7 %, по линии информационно-справочной работы – 99,1 %, в сфере миграции – 98,4 %. На специализированном сайте «Ваш контроль» гражданами в прошедшем году оставлено 69 693 отзыва, из них 98 % положительных (68 278) и 2 % отрицательных (1415).

Данные приведены только по одному федеральному ведомству! Очевидно, что количество спорных ситуаций не только не возрастает, но просто «тонет» в общем потоке надлежащей административной практики, видимо, защищаться не от кого, исполнительная власть ни на кого не нападает, а, наоборот, обеспечивает, поддерживает и стимулирует гражданскую активность.

По данным официального правительственного портала правовой информации, за 2021 г. федеральными органами исполнительной власти и иными федеральными государственными органами (кроме высших инстанций общей компетенции) принято 4112 правовых актов, оспорено в судебном порядке – 100, иначе говоря, процент сомнений в их законности – 0,024 %. Что касается уровня субъектов РФ, то в 2021 г. ими было принято 144 168 правовых актов², оспорено – 3089, т. е. процент сомнений составил 0,021 %. В 2022 г. оспорено всего 68 актов федерального уровня, при этом в 63 случаях отказано в удовлетворении заявленного иска, а в 5 случаях производство по делу было прекращено.

По Федеральному закону от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ в 2021 г. было проведено 266 000 проверок, что составило 30 % проверок³. Показала свою эффективность система досудебного обжалования решений контрольных органов. Она позволила быстро и удобно получить решение по жалобе, используя Единый портал государственных услуг. Механизм обжалования постепенно становится все более востребованным за счет качества сервиса и большого числа положительных решений: с 1 июля 2021 г. до конца года поступило 1,4 тыс. жалоб, при этом каждая третья была удовлетворена.

В судебном порядке в связи с применением Федерального закона № 248-ФЗ Верховным Судом РФ рассмотрено 14 дел (в 10 случаях в удовлетворении требований заявителей отказано), арбитражными судами различных инстанций – 78 (в 36 случаях – отказано), судами общей юрисдикции – 55 (в 21 случае – отказано). Итого в соотношении с досудебным порядком обжалования – 0,1 %. Если соотнести количество удовлетворенных требований, связанных с признанием незаконными решений, действий (бездействия) органов контроля (надзора), с общим количеством проверок, то процент составляет 0,0004 %. Это сложно назвать погрешностью измерений, а не показателем эффективности!

¹ Сводка основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 года // Министерство внутренних дел Российской Федерации. 2022. 25 янв. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/28104434/> (дата обращения: 17.09.2022).

² Нормативные правовые акты в Российской Федерации // Министерство юстиции Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://pravo-search.minjust.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 17.09.2022).

³ Ранее в различных материалах исходя из данных Единого реестра проверок и Единого реестра контрольных мероприятий по состоянию на 10 января 2022 г. говорилось о 741 тыс. Изменение названного числа на дату подготовки настоящего доклада связано с завершением проверок органами контроля в более поздний период, а также специфики учета лицензионных проверок в переходный период (июль – декабрь 2021 г.).

Возможно, последуют возражения, что такая статистика не является показательной, так как можно привести сопоставительные данные о наличии споров, разрешаемых в порядке гражданского или арбитражного судопроизводства, в общем количестве сделок или иных юридически значимых обстоятельств, которые не оспаривались (кстати сказать, подсчет последних существенно затруднен, так как юрисдикционные ситуации фиксируются, пусть с ошибками, а правомерные действия цивилистического плана не фиксируются вовсе, ведь никто не подводит итоги тому, сколько было совершено договоров розничной купли-продажи или перевозок муниципальным транспортом). Но есть другой показатель: если суды осуществляли последующий контроль за качеством административной деятельности, то вышестоящие суды в свою очередь осуществляют контроль двойного типа за судебными актами, вынесенными в первой инстанции, и вновь за качеством административной практики.

Показатели следующие: примерно на 380 000 первичных административных исков приходится 121 000 апелляционных жалоб, т. е. участники судопроизводства выражают свое несогласие с вынесенным решением почти в 30 % случаев, в рамках первичного судебного контроля такой статистики по отношению к деятельности административных органов не прослеживалось. При этом на 100 административных исковых заявлений об оспаривании нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти пришлось 66 апелляционных жалоб (66 % – арифметика простая), на 3089 актов органов исполнительной власти субъектов РФ – 1743 жалобы (56 %), на 550 случаев оспаривания решений об аннулировании разрешения на временное проживание, вида на жительство пришлось 225 апелляционных жалоб (почти 50 %). Далее: 41 649 кассационных жалоб и представлений поступило по административным делам, из них удовлетворено 4568, т. е. 10 % судебного самоконтроля.

Вывод из приведенных данных следует категорический: публичная администрация обладает необходимым и достаточным арсеналом средств для реализации вверенных ей полномочий, в подавляющем большинстве случаев реализуемых правомерно и не нуждающихся в судебном санкционировании или последующем судебном контроле, так как количество оспариваемых решений, актов, действий (бездействия) представителей публичной администрации минимально (по данным СПС «КонсультантПлюс» на 77 073 дела, рассмотренных с применением норм КАС РФ с момента введения его в действие (с 2015 г., в среднем 11 000 в год), отказано в удовлетворении заявленных требований в 59 367 случаях по состоянию на 1 сентября 2022 г. – 77 %).

Теперь по существу административного судопроизводства. К какому типу процесса его следует отнести? Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2020 г. № 21 говорит о широте судебного нормоконтроля, распространяющегося в том числе на акты стратегического планирования (п. 4), допустимости анализа взаимоотноуязанной системы документооборота в органах публичной администрации (п. 6), возможности пересмотра фактической стороны дела (пп. 7, 18), наличии подходов к разрешению разногласий между различными органами публичной власти (п. 11), координационной роли прокуратуры в предъявлении административных исков в защиту публичных интересов неограниченного круга лиц, специально не поименованных (п. 13), оценке целесообразности принимаемых решений (п. 17), применении ведомственных норм административного права в ходе судебного рассмотрения дела (пп. 19, 20, 21), допустимости пересмотра не только обременяющих, но и позитивных актов (п. 22), а также даче поручений и разработке плана мероприятий по реализации принятых решений (п. 26). Иначе говоря, приведенные правовые положения позволяют отнести административное судопроизводство к управленческому циклу, но не к элементам правосудия или административного процесса.

В связи с этим как научный подход обсуждение вопроса об административном процессе, процедурах и судопроизводстве можно было бы завершить (из-за отсутствия объекта для дискуссии). Государственно-управленческая практика позволяет эффективно формировать и реализовывать схемы взаимодействия представителей публичной власти и заинтересованных лиц, в том числе в части выполнения административных команд, связанных с соблюдением обязательных требований.

Список литературы

Акоф Р., Сасиени М. Основы исследования операций / пер. с англ. и предисл. В. Я. Алтаева; под ред. И. А. Ушакова. М.: Мир, 1971. 534 с.

Бандур К. А., Пониделко И. Н. Кодекс административного судопроизводства. Проблемы и преимущества // Академия педагогических идей Новация. Сер. Студенческий научный вестник. 2016. № 11. С. 552–559.

Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. 804 с.

Генисаретский О. И. Методологическая организация системной деятельности. Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании (теория и методология). М., 1975 // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/> (дата обращения: 17.09.2022).

Давид Р. Различные концепции общественного порядка и права // Отечественные записки. 2003. № 2. С. 39–52.

Давыдов К. В. Административные процедуры: концепция правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2021. 655 с.

Демин А. А. Понятие административного процесса и кодификация административно-процессуального законодательства Российской Федерации // Журнал административного судопроизводства. 2021. № 4. С. 43–50.

Ивин А. А. Логика норм. М.: Изд-во Московского ун-та, 1973. 122 с.

Ивлев Ю. В. Деонтическая квазиматричная логика. Логика норм // Гуманитарный вестник. 2018. № 7. С. 1–12. DOI: 10.18698/2306-8477-2018-7-538.

Ивлев Ю. В. Логика для юристов: учеб. М.: Юрид. колледж МГУ, 1996. 304 с.

Кашу В. С., Назарян Л. Э., Мирошников Е. В. К вопросу о понятии и классификации административных процедур // Вопросы устойчивого развития общества. 2022. № 8. С. 428–434.

Кислов А. Г. Динамический подход к деонтической логике: семантика нормативных операторов // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2013. Т. 13. Вып. 3. С. 20–37.

Кобзарь-Фролова М. Н. Категории «процесс» и «процедуры» в трудах классиков российского административного права: понятие, актуальность и современность модели // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18. № 3. С. 252–260. DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-3-252-260.

Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 130 с.

Лещина Э. Л. Административно-процессуальная форма как категория административного процесса // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 5. С. 63–72. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.138.5.063-072.

Ломанова Н. П. Судебная процессуальная форма как эффективный механизм защиты прав граждан (их объединений) в сфере исполнительной власти // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 2. С. 350–352.

Мальченко К. Н. К вопросу об административной процессуальной форме // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1. С. 110–116.

Ноздрачев А. Ф., Сухарева Н. В., Мельникова В. И. Процессуальные правовые механизмы защиты граждан и их объединений во взаимоотношениях с публичной властью // Законодательство и экономика. 2005. № 5. С. 17–34.

Панферов Р. Г., Легоцкий В. Н. Понятие и сущность административного процесса // Закон и право. 2022. № 7. С. 55–56. DOI: 10.24412/2073-3313-2022-7-55-56.

Путеводитель по методологии Организации, Руководства и Управления: Хрестоматия по работам Г. П. Шедровицкого / сост. А. П. Зинченко. М.: Дело, 2003. 159 с.

Редкоус В. М. Общая характеристика закона Республики Беларусь «Об основах административных процедур» // Закон и право. 2022. № 2. С. 76–81. DOI: 10.24412/2073-3313-2022-2-76-81.

Резник В. М. Введение в социальную теорию. Социальная системология. М.: Наука, 2003. 528 с.

Решетняк В. И., Смагина Е. С. Применение информационных технологий в административном судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 4. С. 40–46.

Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1989. 620 с.

Смольянинова Ю. К. Принцип письменности и устности в административном судопроизводстве // Юридические записки. 2014. № 4. С. 55–57.

Соловей Ю. П. К завершению дискуссии о понимании административного процесса // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18. № 3. С. 359–378. DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-3-359-378.

Солоницын П. С. Судебная защита прав осужденных по нормам Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики: материалы Междунар. науч.-практ. межведомственной конф. (Самара, 16–17 июня 2016 года) / под общ. ред. А. А. Вотина. Самара: Самарский юрид. ин-т Федеральной службы исполнения наказаний, 2016. С. 596–599.

Спиридонов П. Е. Административно-процессуальная форма и стадии как элементы характеристики административного процесса // Сибирское юридическое обозрение. 2021. Т. 18. № 3. С. 301–312. DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-3-301-312.

Тарский А. Введение в логику и методологию дедуктивных наук / пер. с англ. О. Н. Дынник; ред. и предисл. к рус. пер. С. А. Яновской. М.: Гос. изд-во иностранной лит., 1948. 327 с.

Ткачева Д. В. Сущность понятия «административный процесс» // Вестник Белорусского государственного экономического университета. 2021. № 6. С. 84–91.

Хемди А. Таха. Введение в исследование операций / пер. с англ. и ред. А. А. Минько. М.: Вильямс, 2007. 912 с.

Царева А. А. Административно-правовые основы электронного документооборота // Инновационное развитие. 2017. № 5. С. 94–96.

Щедровицкий Г. П. Исходные представления и категориальные средства теории деятельности // Щедровицкий Г. П. Избранные труды / ред.-сост. А. А. Пископпель, Л. П. Щедровицкий. М.: Изд-во шк. культ. политики, 1995. 759 с.

Щедровицкий Г. П. Проблемы логики научного исследования и анализ структуры науки // Из архива Г. П. Щедровицкого. М.: Путь, 2004. Т. 7. 400 с.

References

Akof R., Sasieni M. (1971) *Osnovy issledovaniya operatsii* [Fundamentals of operations research], transl. from Eng. and preface by V. Ya. Altaev, ed. by I. A. Ushakov. Moscow, Mir, 534 p.

Bandur K. A., Ponidelko I. N. (2016) Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva. Problemy i premushchestva [The Code of Administrative Procedure. The problems and advantages]. In *Akademiyaya pedagogicheskikh idei Novatsiya. Ser. Studencheskii nauchnyi vestnik*, no. 11, pp. 552–559.

David R. (2003) Razlichnye kontseptsii obshchestvennogo poryadka i prava [Various concepts of public order and law]. In *Otechestvennyye zapiski*, no. 2, pp. 39–52.

Davydov K. V. (2021) *Administrativnye protsedury: kontseptsiya pravovogo regulirovaniya: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Administrative procedures: the concept of legal regulation: an abstract of a doctor of legal sciences thesis]. Nizhny Novgorod, 655 p.

Demin A. A. (2021) Ponyatie administrativnogo protsesssa i kodifikatsiya administrativno-protsessual'nogo zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii [Concept of administrative process and codification of administrative procedure legislation of the Russian Federation]. In *Zhurnal administrativnogo sudoproizvodstva*, no. 4, pp. 43–50.

Genisaretskii O. I. (1975) Metodologicheskaya organizatsiya sistemnoi deyatel'nosti. Razrabotka i vnedrenie avtomatizirovannykh sistem v proektirovanii (teoriya i metodologiya) [Methodological organization of systemic activity. Development and implementation of automated systems in design (theory and methodology)]. In *Gumanitarnyi portal*, available at: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/> (accessed: 17.09.2022).

Ivin A. A. (1973) *Logika norm* [Logic of norms]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 122 p.

Ivlev Yu. V. (1996) *Logika dlya yuristov* [Logic for lawyers]. Moscow, Yuridicheskii kolledzh MGU, 304 p.

Ivlev Yu. V. (2018) Deonticheskaya kvazimatrichnaya logika. Logika norm [Quasi-matrix deontic logic. The logic of norms]. In *Gumanitarnyi vestnik*, no. 7, pp. 1–12, DOI: 10.18698/2306-8477-2018-7-538.

Kashu V. S., Nazaryan L. E., Miroshnikov E. V. (2022) K voprosu o ponyatii i klassifikatsii administrativnykh protsedur [Revisiting the concept and classification of administrative procedures]. In *Voprosy ustoichivogo razvitiya obshchestva*, no. 8, pp. 428–434.

Khemdi A. Takha (2007) *Vvedenie v issledovanie operatsii* [Introduction to operations research], transl. from Eng. and ed. by A. A. Minko. Moscow, Vil'yams, 912 p.

Kislov A. G. (2013) Dinamicheskii podkhod k deonticheskoi logike: semantika normativnykh operatorov [Dynamic approach to deontic logic: semantics of normative operators]. In *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk*, vol. 13, is. 3, pp. 20–37.

Kobzar'-Frolova M. N. (2021) Kategorii «protsess» i «protsedury» v trudakh klassikov rossiiskogo administrativnogo prava: ponyatie, aktual'nost' i sovremennost' modeli [Categories «process» and «procedures» in the works of the classics of Russian administrative law: concept, relevance and modernity of the model]. In *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie*, vol. 18, is. 3, pp. 252–260, DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-3-252-260.

Leont'ev A. N. (1975) *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Conscience. Personality]. Moscow, Politizdat, 130 p.

Leshchina E. L. (2022) Administrativno-protsessual'naya forma kak kategoriya administrativnogo protsesssa [An administrative and procedural form as a category of administrative procedure]. In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, vol. 17, no. 5, pp. 63–72, DOI: 10.17803/1994-1471.2022.138.5.063-072.

Lomanova N. P. (2010) Sudebnaya protsessual'naya forma kak effektivnyi mekhanizm zashchity prav grazhdan (ikh ob"edinenii) v sfere ispolnitel'noi vlasti [Judicial procedural form as an effective mechanism for protecting the rights of citizens (their associations) in the sphere of executive power]. In *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve*, no. 2, pp. 350–352.

Mal'chenko K. N. (2018) K voprosu ob administrativnoi protsessual'noi forme [The question of the administrative procedural form]. In *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii*, no. 1, pp. 110–116.

Nozdrachev A. F., Sukhareva N. V., Mel'nikova V. I. (2005) Protsessual'nye pravovye mekhanizmy zashchity grazhdan i ikh ob"edinenii vo vzaimootnosheniyakh s publichnoi vlast'yu [Procedural legal mechanisms of protection of citizens and their associations in relations with public authorities]. In *Zakonodatel'stvo i ekonomika*, no. 5, pp. 17–34.

Panferov R. G., Legotskii V. N. (2022) Ponyatie i sushchnost' administrativnogo protsessa [The concept and essence of the administrative process]. In *Zakon i pravo*, no. 7, pp. 55–56, DOI: 10.24412/2073-3313-2022-7-55-56.

Redkous V. M. (2022) Obshchaya kharakteristika zakona Respubliki Belarus' «Ob osnovakh administrativnykh protsedur» [General characteristics of the law of the Republic of Belarus «On the basics of administrative procedures»]. In *Zakon i pravo*, no. 2, pp. 76–81, DOI: 10.24412/2073-3313-2022-2-76-81.

Reshetnyak V. I., Smagina E. S. (2016) Primenenie informatsionnykh tekhnologii v administrativnom sudoproizvodstve [Application of information technologies in the administrative judicial procedure]. In *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess*, no. 4, pp. 40–46.

Reznik V. M. (2003) Vvedenie v sotsial'nuyu teoriyu. Sotsial'naya sistemologiya [Introduction to social theory. Social Systemology]. Moscow, Nauka, 528 p.

Shchedrovitskii G. P. (1995) Iskhodnye predstavleniya i kategorial'nye sredstva teorii deyatel'nosti [Initial representations and categorical means of the theory of activity]. In Shchedrovitskii G. P. *Izbrannye trudy*, ed. by A. A. Piskoppel', L. P. Shchedrovitskii. Moscow, Izdatel'stvo «Shkola Kul'turnoi Politiki», 759 p.

Shchedrovitskii G. P. (2004) Problemy logiki nauchnogo issledovaniya i analiz struktury nauki [Problems of logic of scientific research and analysis of the structure of science]. In *From the archive of G. P. Shchedrovitsky*. Moscow, Put', vol. 7, 400 p.

Slovar' inostrannykh slov. Moscow, Russkii yazyk, 1989. 620 p.

Smol'yaninova Yu. K. (2014) Printsip pis'mennosti i ustnosti v administrativnom sudoproizvodstve [Principles of oral and written administrative proceedings]. In *Yuridicheskie zapiski*, no. 4, pp. 55–57.

Solonitsyn P. S. (2016) Sudebnaya zashchita prav osuzhdennykh po normam Kodeksa administrativnogo sudoproizvodstva Rossiiskoi Federatsii [Judicial protection of the rights of convicts according to the norms of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation]. In Votinov A. A. (Ed.) *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema na sovremennom etape: vzaimodeistvie nauki i praktiki: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi mezhdedomstvennoi konferentsii (Samara, 16–17 iyunya 2016 goda)*, Samara, Samarskii yuridicheskii institut Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii, pp. 596–599.

Solovei Yu. P. (2021) K zaversheniyu diskussii o ponimanii administrativnogo protsessa [Ending the discussion on the understanding of the administrative process]. In *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie*, vol. 18, no. 3, pp. 359–378, DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-3-359-378.

Spiridonov P. E. (2021) Administrativno-protsessual'naya forma i stadii kak elementy kharakteristiki administrativnogo protsessa [Administrative-procedural form and stages as elements of the characteristics of the administrative process]. In *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie*, vol. 18, no. 3, pp. 301–312, DOI: 10.19073/2658-7602-2021-18-3-301-312.

Tarskii A. (1948) Vvedenie v logiku i metodologiyu deduktivnykh nauk [Introduction to the logic and methodology of deductive sciences], transl. from Eng. by O. N. Dynnik, ed. by S. A. Yanovskaya. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannoi literatury, 327 p.

Tkacheva D. V. (2021) Sushchnost' ponyatiya «administrativnyi protsess» [The substance of the notion of administrative process]. In *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, no. 6, pp. 84–91.

Tsareva A. A. (2017) Administrativno-pravovye osnovy elektronnoho dokumentooborota [Administrative and legal bases of electronic document management]. In *Innovatsionnoe razvitie*, no. 5, pp. 94–96.

Veber M. (1990) Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya [Basic sociological concepts]. In Veber M. *Izbrannye proizvedeniya*, trans. from German, ed. by Yu. N. Davydova. Moscow, Progress, 804 p.

Zinchenko A. P. (Ed.) (2003) *Putevoditel' po metodologii Organizatsii, Rukovodstva i Upravleniya: Khrestomatiya po rabotam G. P. Shchedrovitskogo* [Guide to the methodology of Organization, Management and Management: A textbook on the works of G. P. Shchedrovitsky]. Moscow, Delo, 159 p.

СООТНОШЕНИЕ ПРАВОВОЙ ПОЗИЦИИ СУДА С ПРАВОПОЛОЖЕНИЕМ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ

Коваль Владимир Петрович

Руководитель сектора общеправовой и судебной работы юридического отдела
Регионального фонда содействия капитальному ремонту общего имущества
в многоквартирных домах Свердловской области, ассистент кафедры трудового права
Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург),
ORCID: 0000-0002-7087-581X, e-mail: ya.vova-danil@yandex.ru.

Юридическая наука богата смежными правовыми явлениями. Одними из них являются правовая позиция суда и правовоположение. Несмотря на их общеупотребимость в теории и на практике, какие-либо исследования сравнительно-правового характера в отношении данных категорий в теории права и в отраслевых науках отсутствуют. Неправильное употребление этих понятий (отождествление, противопоставление, подмена иными понятиями) сказывается как на научных трудах, так и на практике (правоприменении, интерпретации, правотворчестве). Основная цель исследования – соотнести указанные категории через раскрытие общих признаков и отличий. Системный анализ родо-видовых признаков каждого из понятий, а также соотношение с иными элементами механизма правового регулирования (нормы закона, нормативные правовые акты, правоотношения, интерпретационные акты, правоприменительные акты, правосознание и др.) демонстрируют основные логические, лингвистические, методологические и специально-юридические ошибки исследователей данных понятий. С помощью выделенных признаков синтезировано авторское определение понятия «правоположение». Через сравнение, структурно-функциональный анализ, а также с привлечением диалектического метода раскрыты общие и отличительные признаки правовой позиции суда и правовоположения. В качестве подтверждения найденным отличиям приводится правоприменительная практика судов разных инстанций по трудовым спорам. Соотношение правовой позиции суда с правовоположением – важная понятийная и методологическая база для дальнейшего изучения обоих понятий: механизма их формирования, структуры, видов, функционального назначения. С точки зрения практики проведенное соотношение демонстрирует потенциал правовой позиции суда в вопросах влияния на трудовое законодательство и обеспечения единства правоприменительной практики по трудовым спорам.

Ключевые слова: правовая позиция суда, правовоположение, правоприменение, интерпретация, конкретизация в праве, трудовая спор

Для цитирования: Коваль В. П. Соотношение правовой позиции суда с правовоположением в трудовом праве // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 2. С. 72–84. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_2_72.

CORRELATION OF THE COURT'S LEGAL POSITION WITH A LEGAL PROVISION IN LABOUR LAW

Koval' Vladimir

Head, the General Legal and Judicial Sector of the Legal Department of the Regional Fund for assisting the capital repair of common assets in multifamily houses in the Sverdlovsk region, assistant, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg),
ORCID: 0000-0002-7087-581X, e-mail: ya.vova-danil@yandex.ru.

Legal science is full of related legal phenomena. One of them is the legal position of the court and the legal provision. Despite their common use in theory and prac-

tice, there are no studies of a comparative legal nature in relation to these categories in the theory of law or in the branches of law. The incorrect use of these concepts (identification, opposition, substitution by other concepts) affects both scientific works and practice (law enforcement, interpretation, law-making). The main purpose of the study is to correlate these categories by revealing common features and differences. System analysis of generic features of each of the concepts, as well as the correlation with other elements of the mechanism of legal regulation (norms of law, normative legal acts, legal relations, interpretative acts, law enforcement acts, legal consciousness, etc.) demonstrates the main logical, linguistic, methodological and special-legal mistakes of researchers of these concepts. With the help of the highlighted attributes the author's definition of the concept of «legal provision» is synthesized. Through a comparison, structural and functional analysis, as well as using the dialectical method revealed five common and ten distinctive features of the legal position of the court and the legal provision. The law enforcement practice of the courts of different instances in labour disputes is presented as a confirmation of the found distinctions. The correlation of the court's legal position with the legal provision is an important conceptual and methodological basis for the further study of both concepts: their formation mechanism, structure, types and functional purpose. In terms of practice, the correlation demonstrates the potential of the legal position of the court in influencing labour legislation and ensuring the unity of law enforcement practice in labour disputes.

Key words: legal position of the court, legal provision, law enforcement, interpretation, specification in law, labour-law dispute

*For citation: Koval' V. (2023) Correlation of the court's legal position with a legal provision in labour law. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 2, pp. 72–84, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_2_72.*

Вопрос разграничения правовой позиции суда и правовоположения является важным для всей юридической науки, в том числе для трудового права. Ни в общей теории права, ни в отраслевых науках учеными до настоящего времени не проводился комплексный сравнительный анализ этих правовых явлений. При этом большинство авторов используют указанные понятия в качестве синонимов (Б. Я. Бляхман¹, А. М. Лушников², Л. А. Луць³) либо противопоставляют, не объясняя отличий (С. Н. Еремина⁴, М. А. Жильцов⁵, С. Б. Поляков⁶). Попытка сравнения обозначенных категорий принята в работах И. В. Шульги⁷ и Е. Е. Зотовой⁸. Несмотря на значимость принятого сравнения, думается, что оно нуждается в дополнении и пояснении применительно к трудовому праву, где сравнение указанных категорий на отраслевом уровне не осуществлялось вовсе.

Оба понятия в отдельности являются достаточно проработанными в теории права, и они действительно обладают рядом общих признаков: результат познания и оценки права, выраженность в системе логических суждений на правовом языке, формирование в результате правовой деятельности.

Понятию судебной правовой позиции посвящен не один десяток исследований, в которых даются развернутые определения с подробным раскрытием всех признаков

¹ Бляхман Б. Я. Формирование правовых позиций в процессе судебного правоприменения // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2009. № 4. С. 79.

² Лушников А. М., Лушникова М. В. Курс трудового права: учеб.: в 2 т. Т. 1: Сущность трудового права и история его развития. Трудовые права в системе прав человека. Общая часть. М.: Статут, 2009. С. 628–629.

³ Луць Л. А. Аргументация и судебные правовые позиции // Юридическая техника. 2013. № 7. Ч. 1. С. 19–20.

⁴ Еремина С. Н. Роль Трудового кодекса РФ и постановлений Верховного Суда: проблемы, взаимодействие и перспективы совершенствования // Трудовое право. 2011. № 6. С. 64.

⁵ Жильцов М. А. Дефекты трудового права. Екатеринбург: Изд-во УГТУ – УПИ, 2010. С. 267–269.

⁶ Поляков С. Б. Судебный прецедент в России: форма права или произвола? // Lex Russica. 2015. № 3. С. 32–33.

⁷ Шульга И. В. Понятие и виды правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации (вопросы теории): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 207 с.

⁸ Зотова Е. Е. Теория и практика реализации судебных правовых позиций в цивилистическом процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 55–57.

(Н. А. Власенко¹, А. В. Гринева², В. Г. Степанков³ и др.). Наиболее устоявшимися признаками правовой позиции суда являются: результат познания и оценки права; наличие общей идеи; выраженность в системе логических суждений; письменная форма; правовой язык; часть правосознания; практическая направленность; правовая деятельность. Представляется, что понятие «правовая позиция суда» имеет более развернутую теоретическую основу, в связи с чем нет причин отдельно останавливаться для рассмотрения конкретных признаков, которые и так будут исследованы в процессе сравнения с правоположением.

Если брать временной критерий, то раньше в науке стали выделять понятие «правоположение». При этом предметом абсолютного большинства исследований являются правоположения как результат правоприменительной деятельности исключительно судов. Поэтому и в настоящем исследовании под «правоположениями» будут подразумеваться именно «правоположения судов», хотя вопрос о видах правоположений также будет затронут.

Неоднозначность правовой природы правоположений следует в том числе из разноплановой терминологии, используемой авторами в отношении данного явления: «квазинорма»⁴, «нормативное положение»⁵, «результат развертывания абстрактной нормы»⁶ и др.

В. В. Лазарев в одном из первых исследований о правоположениях предлагает дефиницию: «Правоположение – поднормативное средство юридического воздействия на общественные отношения»⁷. При этом «поднормативность» объясняется через взаимосвязь с нормами, зависимое положение от норм, отсутствие ряда свойств нормы права.

Следующий важный признак правоположения – относительная самостоятельность: «...Правоположения не сливаются с действующими нормами, а представляют собой относительно самостоятельные правовые явления, специфическую разновидность правовой реальности»⁸.

В отличие от «абсолютно самостоятельной» нормы «относительно самостоятельное» правоположение оказывает свое юридическое воздействие только в рамках конкретного дела, по поводу которого оно сформулировано; и только в отношении конкретного лица (круга лиц).

Отсюда следует признак индивидуализации права, без которого формирование правоположения исключено, так как только привязка к фактическим обстоятельствам позволяет снять «абстрактность» нормы и применить уточненное правило поведения из статьи к конкретному лицу.

С. Н. Братусь, А. Б. Венгерова в качестве обязательных признаков называют «вынесение правоположения судом, его восприятие судебной практикой, конкретизацию нормы права и подчиненное ей положение, а также обобщение судебных решений в виде указания на должное понимание смысла правовых норм»⁹.

Искусственным выглядит сужение авторами такого признака, как субъект формулирования правоположения. Представляется, что их могут формулировать не только суды, а любой субъект права, обладающий разумом и волей.

¹ Власенко Н. А. Правовые позиции: понятие и виды // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 77–86.

² Гринева А. В. Судебные правовые позиции: вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 25 с.

³ Степанков В. Г. Правовая позиция: общетеоретические и прикладные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003. С. 41.

⁴ Войтович Е. П. Судебная практика в механизме гражданско-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2006. С. 109; Обьеденнов А. Н. Правоположения судебной практики // Журнал российского права. 2002. № 1. С. 117.

⁵ Лебедев В. М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. СПб.: Лань, 2001. С. 189.

⁶ Лившиц Р. З. Судебная практика как источник права // Журнал российского права. 1997. № 6. С. 37.

⁷ Лазарев В. В. Правоположения: понятие, происхождение и роль в механизме юридического воздействия // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1976. № 6. С. 7.

⁸ Алексеев С. С. Проблемы теории права: в 2 т. Свердловск: Изд-во Свердловского юрид. ин-та, 1973. Т. 2. С. 94.

⁹ Братусь С. Н., Венгерова А. Б. Понятие, содержание и формы судебной практики // Судебная практика в советской правовой системе / под ред. С. Н. Братуся. М.: Юрид. лит., 1975. С. 65.

Еще большее сужение дефиниции допускает В. Н. Карташов. Автор дифференцирует понятия «судебная практика», «прецедент толкования» и «правовое положение» («правоположение»). В качестве обязательного признака последнего автор называет наличие «правила, которое вносит новизну в процесс правового регулирования общественных отношений»¹.

Указанный признак, безусловно, является важным, но его нельзя рассматривать как обязательный для генерального определения правоположения, так как вне дефиниции остаются правоположения по рядовым делам (без новизны), рассматриваемым органами государственной власти (не только судами). Думается, что признак новизны допустимо рассматривать как обязательный для определенных видов правоположений, например правоположений Верховного Суда Российской Федерации, в которых пересматриваются выводы нижестоящих судов.

Не вдаваясь в дискуссии о субъектах формирования правоположений, нужно указать на важный признак, отмеченный всеми перечисленными авторами: правоположения формулируются исключительно в процессе правоприменительной деятельности. И поскольку имеется несколько сфер правоприменения и крайне много субъектов правоприменения, то есть все основания выделять правоположения суда в качестве вида правоположений, однако этот вопрос может быть раскрыт только через дополнительное исследование.

Наука трудового права не оставалась в стороне на начальном этапе исследований о правоположениях. Так, О. С. Курылева² в качестве родового признака определяет «правило применения нормы». Использование данного понятия в качестве определяющего представляется неуместным по ряду причин. Оно является абстрактным, в юридической науке нет консенсуса по вопросу о том, каково его содержание. Одни под «правилами» подразумевают «методы правоприменения»³, другие – «принципы»⁴, третьи – буквально «правила»⁵. В данном случае затруднительно определить, какое из понятий наиболее релевантно. Тем не менее их все объединяет одно: прикладная направленность (совокупность средств, способов, методов и др.). При этом нельзя сказать, что главный признак правоположения – это прикладная направленность. Правоположение – это уже результат мыслительной деятельности, вывод на основе нормы. Более того, автор искусственно «привязывает» правоположение к деятельности только судов. Между тем большинство ученых сошлись во мнении, что «правоположением может называться абсолютно любое положение права и положение о праве»⁶ (Б. К. Бегичев, Ю. К. Осипов, А. Ф. Черданцев).

А. К. Безина подробно анализирует признаки правоположений, которые выделяют разные авторы (В. П. Реутов, В. Н. Кудрявцев, В. М. Горшенев и др.) и предлагает собственное определение: «Правоположение – это правило применения нормы права судами, вносящее элемент новизны в правовое регулирование общественных отношений»⁷. Следует отметить, что автором дается определение скорее не «правоположения», а более узкого понятия – «правоположения суда».

Аналогично правоположение в своем трудовом исследовании определяет М. Г. Смирнова⁸.

Суммируя рассмотренные признаки правоположения, в целях дальнейшего сравнения с правовой позицией суда необходимо дать авторское определение рассмат-

¹ *Карташов В. Н.* Институт аналогии в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1976. С. 8.

² *Курылева О. С.* Судебная практика и совершенствование трудового законодательства. Минск: Наука и техника, 1989. С. 34–35.

³ *Гаджиев Г. А.* Золотые правила применения норм гражданского права (правила о правилах) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 12. С. 45.

⁴ *Михеева И. Е.* Судебное усмотрение при применении судами принципа добросовестности // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. № 11. С. 158–159.

⁵ *Микрюков В. А.* Свобода договора и аналогия закона // Юридическая наука. 2022. № 6. С. 64–66.

⁶ *Бегичев Б. К., Осипов Ю. К., Черданцев А. Ф.* Судебная практика в советской правовой системе // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1977. № 5. С. 137.

⁷ *Безина А. К.* Судебная практика в механизме правового регулирования трудовых отношений рабочих и служащих на этапе развитого социализма: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 1980. С. 38.

⁸ *Смирнова М. Г.* Правоположения судебной практики как нетипичный источник права // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 1. С. 56.

риваемому явлению: правоположение – это поднормативный результат толкования нормы в процессе правоприменения, влияющий на общественные отношения по поводу определенного фактического состава, конкретизирующий и детализирующий права и обязанности участников правоотношений.

Сравним правоположение с правовой позицией суда по нескольким основаниям.

1. Правовая основа. Правоположение основывается исключительно на норме позитивного права (Конституция РФ, ратифицированные международные договоры, федеральные конституционные законы, федеральные законы, подзаконные акты, нормативные правовые акты субъектов РФ). Основой же судебной правовой позиции являются не только нормы федерального законодательства, но и обычаи, обыкновения, общие начала и принципы законодательства, доктрина, иные правовые позиции судов.

В качестве примера можно рассмотреть п. 4 постановления Пленума ВС РФ от 16 ноября 2006 г. № 52, в котором определяются обстоятельства, имеющие существенное значение для правильного разрешения дела о возмещении ущерба работником, обязанность доказать которые возлагается на работодателя. Очевидно, что положение из данного пункта основано отнюдь не на толковании нормы позитивного права, а на доктрине, которая выработала и обосновала условия наступления ответственности. Соответственно, это не правоположение, а правовая позиция, основанная в том числе на правовой доктрине.

Другим примером является использование в правовой позиции суда обычая. В частности, в Определении Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 9 декабря 2021 г. по делу № 88-22943/2021 суд при решении вопроса о наличии в действиях работника состава дисциплинарного проступка указал следующее: «Согласно нормам трудовой функции, обычаям работы кладовщика, условиям трудового договора и положениям о складском учете за правильность учета отвечают не 4 кладовщика на складе... [это] является ответственной функцией другой должностной единицы...» То есть судом применены не только нормы позитивного права, но и «обычай работы кладовщика», который сложился у данного работодателя. В связи с этим приведенное положение нельзя назвать правоположением: это правовая позиция по конкретному делу, где есть все необходимые структурные элементы. Кроме того, в приведенном примере судом также использован нетипичный источник трудового права – трудовой договор, ссылка на который в правоположении исключена.

2. Правовая деятельность. Правовые позиции суда в отличие от правоположений формируются не только в процессе правоприменительной деятельности, но и в процессе интерпретационной (основная деятельность Конституционного Суда Российской Федерации). Такое понимание сущности правоположения сложилось в том числе благодаря тому, что в период формирования научных взглядов о правоположениях (последняя треть XX в.) в СССР не существовало такого органа конституционного контроля, как КС РФ, с соответствующими широкими полномочиями в сфере конкретно интерпретационной деятельности. Даже Комитет конституционного надзора СССР, действовавший с 1989 по 1991 г., не обладал такими широкими полномочиями.

Из недавних актов КС РФ, содержащих результаты именно интерпретационной деятельности, нужно привести, например, постановления КС РФ от 3 июня 2021 г. № 26-П (об основаниях увольнения руководителя выборного коллегиального органа первичной профсоюзной организации, не освобожденного от основной работы), от 15 июля 2022 г. № 32-П (об ограничениях при заключении срочного трудового договора с педагогическим работником, относящимся к профессорско-преподавательскому составу).

Здесь дополнительно нужно указать, что правовые позиции в целом (не только судебные) формируются также при осуществлении правотворческой, а также управленческой деятельности, а правоположения – нет. Во многих случаях инициатором правотворческой деятельности выступает КС РФ, в постановлениях которого указывается на необходимость устранения дефекта в законе. В некоторых актах КС РФ лишь рекомендует изменить законодательство: «При этом не исключается правомочие федерального законодателя... внести изменения в действующее законодательство» (постановление КС РФ от 6 декабря 2012 г. № 31-П).

В других актах КС РФ дает законодателю прямые предписания: «Федеральному законодателю надлежит – исходя из требований Конституции РФ и с учетом правовых позиций, выраженных КС РФ... внести в действующее правовое регулирование изменения, направленные...» (постановление КС РФ от 14 июля 2020 г. № 35-П). Подобные формулировки характерны для недавних актов КС РФ (после 2017 г.).

Еще одна группа актов КС РФ – постановления, которыми отдельные нормы закона признаются не соответствующими Конституции РФ и подлежащими отмене. В таких случаях КС РФ прямо законодателю не предписывает внести изменения в законодательство, однако это следует из контекста резолютивной части, в которой, как правило, содержится формулировка: «Признать часть 1 статьи 46 Федерального закона „Об образовании в Российской Федерации“ не соответствующей Конституции РФ...» (постановление КС РФ от 14 ноября 2018 г. № 41-П).

3. Системность. Правовая позиция суда имеет свойство системности: она состоит из взаимосвязанных и взаимодействующих элементов. Правоположение не обладает какой-либо структурой и, как следствие, свойством системности. Если правовая позиция – это целостная модель решения определенного правового вопроса, включающая в себя результат толкования нескольких норм, то правоположение – это отдельный аргумент с привязкой к фактическим обстоятельствам и одной норме закона.

В этом смысле нельзя согласиться с Е. Е. Зотовой, которая приходит к выводу о том, что «понятие „правоположение“ является более широким по значению, так как охватывает правовые позиции большего круга субъектов, нежели понятие „судебная правовая позиция“... судебные правовые позиции представляют собой лишь одну из разновидностей правоположений»¹. При этом аргументация автора строится на работе Л. А. Луць² и сводится к тому, что «со временем термин „правоположение“ был фактически заменен понятием „правовая позиция“»³.

Представляется, что подобный вывод означает, как минимум, равнозначность исследуемых понятий, а не узость содержания судебной правовой позиции в сравнении с правоположением. Самостоятельность категорий «правовая позиция» и «правоположение» с более узким содержанием последнего по сравнению с первым отстаивается в работах разных авторов (Е. В. Карнишина⁴, И. В. Шульга⁵).

Наиболее очевидны различия между правовой позицией и правоположением в мотивировочной части актов высших федеральных судов. Так, в упомянутом постановлении КС РФ от 7 декабря 2017 г. № 38-П суд производит системное толкование норм ч. 1 ст. 46 и ч. 2 ст. 48 Трудового кодекса Российской Федерации в контексте имеющегося фактического состава, в результате чего образуется правоположение о том, что «минимальная заработная плата в субъекте РФ представляет собой установленную в системе социального партнерства дополнительную гарантию, которая не заменяет гарантии, предусмотренные федеральным законом, в том числе повышенную оплату труда в связи с работой в местностях с особыми климатическими условиями». В совокупности с другими элементами указанное правоположение образует правовую позицию о распространении правила начисления компенсационных выплат на МРОТ и на региональную минимальную заработную плату не только в северных регионах, но и в остальных местностях с особыми климатическими условиями.

4. Универсальность. Правовая позиция универсальна. Как модель разрешения спорной правовой ситуации правовая позиция по одному делу применима к другим делам с тем же предметом и схожими основаниями (фактическим составом). Правоположение же индивидуализировано.

Так, В. В. Лазарев справедливо указывает: «Правоположения более тесно, чем правовые нормы, связаны с фактическими обстоятельствами. Они вырабатываются первоначально в связи с наступлением конкретных жизненных фактов...»⁶ Правоположения есть в описательной или мотивировочной части практически любого судебного акта – в привязке к фактическим обстоятельствам.

¹ Зотова Е. Е. Указ. соч. С. 57.

² Луць Л. А. Указ. соч. С. 19.

³ Зотова Е. Е. Указ. соч. С. 56–57.

⁴ Карнишина Е. В. Правовые позиции и решения Конституционного Суда РФ как доктринальные источники и основы конституционно-правового регулирования // Современное право. 2015. № 7. С. 75.

⁵ Шульга И. В. Указ. соч. С. 64–65.

⁶ Лазарев В. В. Указ. соч. С. 10.

Например, в описательной части определения Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 25 апреля 2022 г. № 56-КГ22-12-К9 суд, осуществляя телеологическое толкование нормы ч. 1 ст. 349 ТК РФ, пришел к выводу о том, что нижестоящие суды безосновательно не применили указанную норму к спорным правоотношениям. Так как в деле был специфический субъектный состав, приведенный вывод суда проблематично использовать по другим делам с аналогичным предметом и похожими обстоятельствами.

Иначе обстоят дела с универсальной конструкцией правовой позиции. Например, судебная правовая позиция о том, что суды вправе признать наличие трудовых отношений между сторонами, формально связанными гражданско-правовым договором, если в ходе судебного разбирательства будет установлено, что этим договором фактически регулируются трудовые отношения, находит свое отражение в мотивировочной части интерпретационных актов КС РФ (абз. 4 п. 2.2 определения КС РФ от 19 мая 2009 г. № 597-О-О), ВС РФ (абз. 1 п. 24 постановления Пленума ВС РФ от 29 мая 2018 г. № 15), а также правоприменительных актов ВС РФ (определения Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 8 ноября 2021 г. № 18-КГ21-100-К4, от 12 июля 2021 г. № 19-КГПР21-9-К5).

5. Структурное расположение в тексте судебного акта. С одной стороны, близость правоположения к фактическим обстоятельствам дела обуславливает возможность его расположения в описательной части правоприменительного акта. С другой стороны, правоприменительная деятельность, в результате которой формируются правоположения, неразрывно связана с толкованием нормы права, результаты которого отражаются в мотивировочной части правоприменительного акта. В итоге структурное расположение правоположения можно описать следующим образом:

содержится только в правоприменительном (не в интерпретационном или право-творческом) акте;

может находиться как в описательной, так и в мотивировочной части акта;

формулируется, как правило, в виде одного абзаца.

Важное отличие правовой позиции суда от правоположения: структурное расположение правовой позиции зависит от того, кем вынесен акт (ВС РФ или КС РФ). Для правоположения субъект вынесения не имеет значения в силу отсутствия сложной структуры. Если правовая позиция сформулирована ВС РФ, то:

она может содержаться как в правоприменительном, так и в интерпретационном акте;

располагается только в мотивировочной части правоприменительного акта (либо в виде перечня позиций в интерпретационном акте);

формулируется чаще всего в виде нескольких абзацев.

Для правовых позиций КС РФ характерна более сложная структура, зависящая от вида акта (постановление или определение), которые внутри также делятся на подвиды с собственной структурой. Правовая позиция КС РФ имеет следующие характеристики структурного расположения в тексте судебного акта:

1) содержится только в интерпретационном акте;

2) располагается в мотивировочной и резолютивной частях (в постановлениях) либо в мотивировочной части (в определениях);

3) формулируется в виде нескольких абзацев.

6. Самостоятельность. Ссылка практически в каждом правоприменительном или интерпретационном акте КС РФ на собственные правовые позиции, выработанные ранее, подтверждает их самостоятельность. Большинство определений КС РФ, в которых отражаются результаты интерпретационной деятельности, содержат в себе выдержки-позиции, дословно переходящие из одного акта в другой. Например, в мотивировочной части Определения КС РФ от 28 июня 2022 г. № 1456-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы по вопросу индексации страховой пенсии у работающих пенсионеров полностью воспроизведена мотивировочная часть определения КС РФ от 24 июня 2021 г. № 1139-О по тому же вопросу.

В научно-практических целях исследователями проводится унификация судебных правовых позиций в виде отдельных сборников¹. Структура таких компиляций вы-

¹ См., например: Турбина О. А. Трудовые отношения в решениях судов и разъяснениях официальных органов // Экономико-правовой бюллетень. 2019. № 11; Правовые позиции Судебной коллегии по эконо-

строена исходя из иерархии правовых позиций (в зависимости от положения конкретного суда в судебной системе). Составить подобные унификации, а также иерархию в отношении правоположений затруднительно: правоположения не иерархичны.

Ряд ученых заявляет о правовых позициях как о самостоятельных источниках права (А. С. Пиголкин¹, М. В. Кучин², С. П. Маврин³). Не вдаваясь в дискуссию о верности такого подхода, нужно отметить, что это безусловный аргумент в пользу самостоятельности судебных правовых позиций по сравнению с правоположениями.

7. Субъективность. В отличие от индивидуализированных правоположений, основанных на объективных фактических обстоятельствах, судебные правовые позиции содержат субъективные элементы оценки правовых явлений составителями правовых позиций.

Во-первых, правовая позиция является частью правосознания (а в случае с судебной правовой позицией – частью профессионального правосознания) постольку, поскольку она содержит субъективную оценку правовой действительности на основе личных настроений, чувств, представлений, желаний. Правоположение же не является частью правосознания: оценочный компонент в правоположении минимален.

Во-вторых, при формулировании правовых позиций используется гораздо более обширный юридический инструментарий. Если при выработке правоположения происходит индивидуализация права (т. е. «наложение» фактических обстоятельств на норму закона) или квалификация деяния (в случае, например, дисциплинарного проступка), то при формулировании правовой позиции используется куда более сложная методология: различные способы толкования (логический, системный, грамматический, телеологический, специально-юридический, исторический и др.), виды толкования по объему (чаще, чем при формулировании правоположения, используется расширительное и ограничительное толкование), метод моделирования, статистический метод, аналогия закона, аналогия права, основные начала и принципы законодательства.

Например, в постановлении КС РФ от 6 октября 2021 г. № 43-П позиция о неконституционности ч. 5 ст. 157 ТК РФ основана в том числе на телеологическом (цель – создать гарантию по оплате труда) и специально-юридическом (анализ юридической техники) толковании спорной нормы, на аналогии права (аналогия с конструкцией оплаты простоя по вине работодателя), на общих принципах справедливости, запрещения дискриминации, соразмерности ограничений прав и свобод, равенства прав и возможностей работников и др.

8. Практическая направленность. Такая направленность судебной правовой позиции обуславливает ее «выход» за рамки нормативных предписаний. Правоположение же ограничено нормативным предписанием, к тому же с привязкой к фактическим обстоятельствам. В правовой позиции решается не только вопрос интерпретации нормы, но и вопрос ее практического воплощения в сфере социальной действительности. Именно поэтому КС РФ при формулировании правовой позиции так часто использует историческое (политическое) толкование, объясняя свой вывод в том числе социально-экономическими, культурными, политическими процессами в государстве.

Например, в результате принятия постановления КС РФ от 15 декабря 2011 г. № 28-П изменили ч. 4 ст. 261 ТК РФ: был введен запрет увольнять по инициативе работодателя в том числе родителя (иного законного представителя), который является единственным кормильцем ребенка-инвалида либо ребенка до трех лет в семье с тремя и более малолетними детьми, если другой родитель (законный представитель) не состоит в трудовых отношениях. Толкуя норму ч. 4 ст. 261 ТК РФ, КС РФ применил

мическим спорам Верховного Суда Российской Федерации по вопросам частного права / сост. С. В. Гвоздева, А. Г. Карапетов, Ю. В. Сбитнев, Е. М. Фетисова. М.: М-Логос, 2021. Вып. 5.

¹ Глобализация и развитие законодательства: очерки / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, А. С. Пиголкин. М.: Городец, 2004. С. 56–57.

² Кучин М. В. Судебное толкование или судебное нормотворчество? // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 3. С. 32.

³ Маврин С. П. Некоторые соображения о понятии правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Актуальные вопросы конституционного правосудия (по материалам «Журнала конституционного правосудия»). М.: Волтерс Клувер, 2011. С. 131–139.

телеологический способ толкования и определил целевую направленность данного законоположения: создание экономических и социальных гарантий для семьи, которая является уязвимой в период воспитания малолетних. Кроме того, в постановлении сказано о роли государства в воспитании всесторонне развитого будущего поколения, что возможно только при создании таких гарантий.

9. Логические операции конкретизации и интерпретации. Конкретизацию и интерпретацию в праве рассматривают как «свойства правовой материи»¹, «виды деятельности по переводу содержания норм от абстрактного к конкретному»², «свойства правового регулирования»³. Поскольку большинство авторов сходится во мнении о том, что методологическую основу конкретизации и интерпретации составляет операция перехода от абстрактного к конкретному, представляется верным рассматривать их как логические операции.

Н. А. Гредескул указывает, что интерпретация – это толкование, процесс познания нормы права. При этом толкование имеет место в случае познания «темного, неясного закона». Конкретизация же – «интеллектуальный, распознавательный процесс, который связан с любой нормой права»⁴. Например, в диссертации М. В. Залоило⁵ выражена та же идея и показана диаграмма движения от неопределенности к определенности в праве с помощью конкретизации.

Схожим образом определяет конкретизацию А. Ф. Черданцев: «Конкретизация в правоприменении состоит в индивидуализации – переводе общего и абстрактного веления нормы права в веление индивидуального характера, относящегося к индивидуальным (единичным), персонально-определенным субъектам как участникам конкретного отношения, действующим в конкретной ситуации»⁶.

Указание на индивидуализацию, на фактические обстоятельства, на персонально-определенных субъектов, на конкретные отношения свидетельствует о том, что результаты конкретизации оформляются в виде именно правоположений, а не правовых позиций.

С. С. Алексеев определяет интерпретацию как «деятельность по установлению содержания нормативных правовых предписаний путем их уяснения и разъяснения в целях их практической реализации»⁷.

Из определений видно, что интерпретация в сравнении с конкретизацией – более сложная деятельность. Соответственно, и результаты ее оформления сложнее (в виде структурированной и многоэлементной правовой позиции). При этом результаты интерпретации присутствуют и в правоприменительных, и в интерпретационных актах, как это видно из примеров.

10. Устойчивость. Правовая позиция чаще, чем правоположение, остается неизменной. Особенно явно это прослеживается на примере правовых позиций КС РФ и ВС РФ, многие из которых остаются неизменными на протяжении всего времени существования. Однако ни правовая позиция, ни правоположение не являются устойчивыми в абсолютном смысле этого слова. В противном случае имел бы место признак общеобязательности, который характерен только для нормы закона.

В то же время правоположение отнюдь не устойчиво. Так, по делам с одним и тем же предметом и аналогичными фактическими обстоятельствами суды разной инстанции, толкуя одну и ту же норму, приходят к противоположным результатам. Например, в судебной практике по применению п. 1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ (расторжение трудового договора по инициативе работодателя в связи с ликвидацией организации либо

¹ Власенко Н. А. Конкретизация в праве: методологические основы исследования // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 75.

² Шмелева Г. Г. Конкретизация юридических норм в правовом регулировании. Львов: Вища школа, 1988. С. 23.

³ Самигуллин В. К. Конкретизация права и локальное нормативное регулирование // Применение норм советского права. 1974. Вып. 30. С. 119.

⁴ Цит. по: Залоило М. В. Развитие отечественной юридической мысли о конкретизации в праве // Журнал российского права. 2011. № 6. С. 41.

⁵ Залоило М. В. Понятие и формы конкретизации юридических норм: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 153.

⁶ Черданцев А. Ф. Правовое регулирование и конкретизация права // Применение советского права. 1974. Вып. 30. С. 35.

⁷ Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. [+ Справоч. том]. М.: Статут, 2010. Т. 3. С. 546.

прекращением деятельности индивидуальным предпринимателем) можно найти акты, где формулируются два противоположных с противоположным смыслом.

В качестве примера следует рассмотреть дело, где противоположение менялось от инстанции к инстанции. Первое противоположение основано на том, что указанное основание увольнения распространяется на случаи, когда конкурсное производство еще не завершено, и, соответственно, увольнение правомерно (решение Базинского районного суда Удмуртской Республики от 1 октября 2021 г. по делу № 2-604/2021). Второе противоположение исходит из того, что это основание для увольнения не распространяется на случаи, когда конкурсное производство еще не завершено, что влечет неправомерность увольнения (апелляционное определение Верховного суда Удмуртской Республики от 17 января 2022 г. по делу № 33-178/2022). В итоге первый вариант противоположения возобладал над вторым – в суде кассационной инстанции (определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 14 апреля 2022 г. по делу № 88-6565/2022).

Из примера следует, что в апелляционной инстанции также имелась правовая позиция, которая оказалась неустойчивой. Однако в итоге в кассационной инстанции была сформирована устойчивая правовая позиция, которая вступила в законную силу. И эта выработанная правовая позиция (не прецедент!) в неизменном виде воспроизводится в делах с тем же предметом и схожими основаниями. Аналогичную правовую позицию можно найти в большинстве дел по указанному виду спора (определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 14 октября 2021 г. по делу № 88-6125/2021; определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 15 апреля 2021 г. по делу № 88-7626/2021).

При этом правовые позиции судов разных инстанций – это разные виды правовых позиций, где основанием классификации выступает в том числе устойчивость. Такую классификацию нельзя провести в отношении противоположений, поскольку сама по себе категория не является устойчивой, так как она основана на одной норме, а не нескольких; связана с фактическими обстоятельствами; не имеет структуры; не самостоятельна; не универсальна; не иерархична.

Найденные отличия являются важной методологической основой для дальнейшего изучения обоих понятий: механизма их формирования, структуры, видов, функционального назначения.

Список литературы

Алексеев С. С. Проблемы теории права: в 2 т. Свердловск: Изд-во Свердловского юрид. ин-та, 1973. Т. 2. 396 с.

Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. [+ Справоч. том]. М.: Статут, 2010. Т. 3. 781 с.

Бегичев Б. К., Осипов Ю. К., Черданцев А. Ф. Судебная практика в советской правовой системе // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1977. № 5. С. 137.

Безина А. К. Судебная практика в механизме правового регулирования трудовых отношений рабочих и служащих на этапе развитого социализма: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 1980. 416 с.

Бляхман Б. Я. Формирование правовых позиций в процессе судебного правоприменения // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2009. № 4. С. 74–81.

Братусь С. Н., Венгеров А. Б. Понятие, содержание и формы судебной практики // Судебная практика в советской правовой системе / под ред. С. Н. Братуся. М.: Юрид. лит., 1975. С. 8–74.

Власенко Н. А. Конкретизация в праве: методологические основы исследования // Журнал российского права. 2014. № 7. С. 60–75.

Власенко Н. А. Правовые позиции: понятие и виды // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 77–86.

Войтович Е. П. Судебная практика в механизме гражданско-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2006. 167 с.

Гаджиев Г. А. Золотые правила применения норм гражданского права (правила о правилах) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 12. С. 44–75.

Глобализация и развитие законодательства: очерки / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, А. С. Пиголкин. М.: Городец, 2004. 464 с.

Гринева А. В. Судебные правовые позиции: вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 25 с.

Еремина С. Н. Роль Трудового кодекса РФ и постановлений Верховного Суда: проблемы, взаимодействие и перспективы совершенствования // Трудовое право. 2011. № 6. С. 57–75.

- Жильцов М. А. Дефекты трудового права. Екатеринбург: Изд-во УГТУ-УПИ, 2010. 312 с.
- Залоило М. В. Понятие и формы конкретизации юридических норм: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 196 с.
- Залоило М. В. Развитие отечественной юридической мысли о конкретизации в праве // Журнал российского права. 2011. № 6. С. 41–49.
- Зотова Е. Е. Теория и практика реализации судебных правовых позиций в цивилистическом процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 193 с.
- Карнишина Е. В. Правовые позиции и решения Конституционного суда РФ как доктринальные источники и основы конституционно-правового регулирования // Современное право. 2015. № 7. С. 75–79.
- Карташов В. Н. Институт аналогии в советском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1976. 24 с.
- Курылева О. С. Судебная практика и совершенствование трудового законодательства. Минск: Наука и техника, 1989. 118 с.
- Кучин М. В. Судебное толкование или судебное нормотворчество? // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 3. С. 20–35.
- Лазарев В. В. Правоположения: понятие, происхождение и роль в механизме юридического воздействия // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1976. № 6. С. 7–15.
- Лебедев В. М. Судебная власть в современной России: проблемы становления и развития. СПб.: Лань, 2001. 384 с.
- Лившиц Р. З. Судебная практика как источник права // Журнал российского права. 1997. № 6. С. 34–41.
- Луць Л. А. Аргументация и судебные правовые позиции // Юридическая техника. 2013. № 7. Ч. 1. С. 19–22.
- Лушников А. М., Лушникова М. В. Курс трудового права: учеб.: в 2 т. Т. 1: Сущность трудового права и история его развития. Трудовые права в системе прав человека. Общая часть. М.: Статут, 2009. 879 с.
- Маврин С. П. Некоторые соображения о понятии правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации // Актуальные вопросы конституционного правосудия (по материалам «Журнала конституционного правосудия»). М.: Волтерс Клувер, 2011. С. 131–139.
- Микрюков В. А. Свобода договора и аналогия закона // Юридическая наука. 2022. № 6. С. 64–66.
- Михеева И. Е. Судебное усмотрение при применении судами принципа добросовестности // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. № 11. С. 158–165. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.75.11.158-165.
- Обыденнов А. Н. Правоположения судебной практики // Журнал российского права. 2002. № 1. С. 115–117.
- Поляков С. Б. Судебный прецедент в России: форма права или произвола? // Lex Russica. 2015. № 3. С. 28–42.
- Правовые позиции Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации по вопросам частного права / сост. С. В. Гвоздева, А. Г. Карапетов, Ю. В. Сбитнев, Е. М. Фетисова М.: М-Логос, 2021. Вып. 5. 105 с.
- Самигуллин В. К. Конкретизация права и локальное нормативное регулирование // Применение норм советского права. 1974. Вып. 30. С. 119–121.
- Смирнова М. Г. Правоположения судебной практики как нетипичный источник права // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 1. С. 54–70.
- Степанков В. Г. Правовая позиция: общетеоретические и прикладные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003. 186 с.
- Турбина О. А. Трудовые отношения в решениях судов и разъяснениях официальных органов // Экономика-правовой бюллетень. 2019. № 11. 160 с.
- Черданцев А. Ф. Правовое регулирование и конкретизация права // Применение советского права. 1974. Вып. 30. С. 13–35.
- Шмелева Г. Г. Конкретизация юридических норм в правовом регулировании. Львов: Вища школа, 1988. 106 с.
- Шульга И. В. Понятие и виды правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации (вопросы теории): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 207 с.

References

- Alekseev S. S. (1973). *Problemy teorii prava* [Legal theory issues]: in 2 vols. Sverdlovsk, Izdatel'stvo Sverdlovskogo yuridicheskogo instituta, vol. 2, 396 p.
- Alekseev S. S. (2010). *Sobranie sochinenii* [Collected Works]: in 10 vols. [+ Reference volume]. Moscow, Statut, vol. 3, 781 p.
- Begichev V. K., Osipov Yu. K., Cherdantsev A. F. (1977). *Sudebnaya praktika v sovetskoj pravovoi sisteme* [Judicial practice in the Soviet legal system]. In *Izvestia of higher educational institutions. Jurisprudence*, no. 5, p. 137.

Bezina A. K. (1980) *Sudebnaya praktika v mekhanizme pravovogo regulirovaniya trudovykh otnoshenii rabochikh i sluzhashchikh na etape razvitogo sotsializma: dis. ... d-ra jurid. nauk* [Judicial practice in the mechanism of legal regulation of workers' and employees' labor relations during the stage of developed socialism: a doctor of legal sciences thesis]. Kazan', 416 p.

Blyakhman B. Ya. (2009) Formirovanie pravovykh pozitsii v protsesse sudebnogo pravoprimeniya [Formation of legal positions in the judicial enforcement process]. In *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Pravo*, no. 4, pp. 74–81.

Bratus' S. N., Vengerov A. B. (1975) Ponyatie, sodержanie i formy sudebnoi praktiki [The concept, content and forms of judicial practice]. In Bratus' S. N. (Ed.) *Sudebnaya praktika v sovetskoj pravovoi sisteme*, Moscow, Yuridicheskaya literatura, pp. 8–74.

Cherdantsev A. F. (1974) Pravovoe regulirovanie i konkretizatsiya prava [Legal regulation and specification of the law]. In *Primenenie sovetskogo prava*, is. 30, pp. 13–35.

Eremina S. N. (2011) Rol' Trudovogo kodeksa RF i postanovlenii Verkhovnogo Suda: problemy, vzaimodeistvie i perspektivy sovershenstvovaniya [The role of the Russian Labour Code and Supreme Court rulings: problems, interaction and prospects for improvement]. In *Trudovoe pravo*, no. 6, pp. 57–75.

Gadzhiev G. A. (2020) Zolotye pravila primeneniya norm grazhdanskogo prava (pravila o pravilakh) [Golden rules for the application of civil law (rules on rules)]. In *Vestnik ehkonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*, no. 12, pp. 44–75.

Grineva A. V. (2008) *Sudebnye pravovye pozitsii: voprosy teorii: avtoref. dis. ... cand. jurid. nauk* [Judicial legal positions: theoretical issues: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 25 p.

Gvozdeva S. V., Karapetov A. G., Sbitnev Yu. V., Fetisova E. M. (Eds.) (2021) *Pravovye pozitsii Sudebnoi kollegii po ehkonomicheskim sporam Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii po voprosam chastnogo prava* [Legal positions of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation on private law issues]. Moscow, M-Logos, vol. 5, 105 p.

Karnishina E. V. (2015) Pravovye pozitsii i resheniya Konstitutsionnogo suda RF kak doktrinal'nye istochniki i osnovy konstitutsionno-pravovogo regulirovaniya [Legal positions and decisions of constitutional court of the Russian Federation as doctrinal sources and fundamentals of constitutional regulation]. In *Sovremennoe pravo*, no. 7, pp. 75–79.

Kartashov V. N. (1976) *Institut analogii v sovetskom prave: avtoref. dis. ... cand. jurid. nauk* [The institution of analogy in Soviet law: an abstract of a candidate of legal sciences thesis]. Saratov, 24 p.

Kuchin M. V. (2017) Sudebnoe tolkovanie ili sudebnoe normotvorchestvo? [Judicial interpretation or judicial rule-making?]. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 3, pp. 20–35.

Kuryleva O. S. (1989) *Sudebnaya praktika i sovershenstvovanie trudovogo zakonodatel'stva* [Judicial practice and improvement of labor legislation]. Minsk, Nauka i tekhnika, 118 p.

Lazarev V. V. (1976) Pravopolozheniya: ponyatie, proiskhozhdenie i rol' v mekhanizme yuridicheskogo vozdeistviya [Legal provisions: concept, origin and role in the mechanism of legal action]. In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*, no. 6, pp. 7–15.

Lebedev V. M. (2001) *Sudebnaya vlast' v sovremennoi Rossii: problemy stanovleniya i razvitiya* [The judiciary in modern Russia: problems of establishment and development]. Saint-Petersburg, Lan', 384 p.

Livshits R. Z. (1997) Sudebnaya praktika kak istochnik prava [Judicial practice as a source of law]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 6, pp. 34–41.

Lushnikov A. M., Lushnikova M. V. (2009) *Kurs trudovogo prava: in 2 vols. T. 1: Sushchnost' trudovogo prava i istoriya ego razvitiya. Trudovye prava v sisteme prav cheloveka. Obshchaya chast'* [Course on Labour Law: in 2 vols. Vol. 1: Essence of labour law and history of its development. Labour rights in human rights system. General part]. Moscow, Statut, 879 p.

Luts' L. A. (2013) Argumentatsiya i sudebnye pravovye pozitsii [Argumentation and judicial legal positions]. In *Yuridicheskaya tekhnika*, no. 7, part 1, pp. 19–22.

Mavrin S. P. (2011) Nekotorye soobrazheniya o ponyatii pravovykh pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii [Some reflections on the concept of legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. In *Aktual'nye voprosy konstitutsionnogo pravosudiya (po materialam «Zhurnala konstitutsionnogo pravosudiya»)*, Moscow, Volters Kluver, pp. 131–139.

Mikheeva I. E. (2020) Sudebnoe usmotrenie pri primenenii sudami printsipa dobrosovestnosti [Judicial discretion in the application of the principle of good faith by courts]. In *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina*, no. 11, pp. 158–165, DOI: 10.17803/2311-5998.2020.75.11.158-165.

Mikryukov V. A. (2022) Svoboda dogovora i analogiya zakona [Freedom of contract and analogy of law]. In *Yuridicheskaya nauka*, no. 6, pp. 64–66.

Obydenov A. N. (2002) Pravopolozheniya sudebnoi praktiki [Jurisprudential provisions]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 1, pp. 115–117.

Pigolkin A. S., Tikhomirov Yu. A. (Eds.) (2004) *Globalizatsiya i razvitie zakonodatel'stva: ocherki* [Globalisation and legislative development: essays]. Moscow, Gorodets, 464 p.

Polyakov S. B. (2015) Sudebnyi pretsedent v Rossii: forma prava ili proizvola? [Judicial precedent in Russia: a form of law or arbitrariness?]. In *Lex Russica*, no. 3, pp. 28–42.

Samigullin V. K. (1974) Konkretizatsiya prava i lokal'noe normativnoe regulirovanie [Specifying the law and local regulation]. In *Primenenie norm sovetskogo prava*, vol. 30, pp. 119–121.

Shmeleva G. G. (1988) Konkretizatsiya yuridicheskikh norm v pravovom regulirovanii [Specifying of legal rules in legal regulation]. L'vov, Vishcha shkola, 106 p.

Shul'ga I. V. (2016) *Ponyatie i vidy pravovykh pozitsii Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii (voprosy teorii): dis. ... kand. yurid. nauk* [The concept and types of legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation (theoretical issues): a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 207 p.

Smirnova M. G. (2006) Pravopolozheniya sudebnoi praktiki kak netipichnyi istochnik prava [Judicial provisions as an atypical source of law]. In *Leningradskii yuridicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 54–70.

Stepankov V. G. (2003) *Pravovaya pozitsiya: obshcheteoreticheskie i prikladnye aspekty: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal position: general theoretical and applied aspects: a candidate of legal sciences thesis]. Nizhnii Novgorod, 186 p.

Turbina O. A. (2019) Trudovye otnosheniya v resheniyakh sudov i raz'yasneniyakh ofitsial'nykh organov [Labour relations in court decisions and official explanations]. In *Ekonomiko-pravovoi byulleten'*, no. 11, 160 p.

Vlasenko N. A. (2008) Pravovye pozitsii: ponyatie i vidy [Legal positions: concept and types]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 12, pp. 77–86.

Vlasenko N. A. (2014) Konkretizatsiya v prave: metodologicheskie osnovy issledovaniya [Specifying the law: the methodological foundations of research]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 7, pp. 60–75.

Voitovich E. P. (2006) *Sudebnaya praktika v mekhanizme grazhdansko-pravovogo regulirovaniya: dis. ... kand. yurid. nauk* [Judicial practice in the mechanism of civil law regulation: a candidate of legal sciences thesis]. Novosibirsk, 167 p.

Zaloilo M. V. (2011) *Ponyatie i formy konkretizatsii yuridicheskikh norm: dis. ... kand. yurid. nauk* [The concept and forms of specification of legal rules: a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 196 p.

Zaloilo M. V. (2011) Razvitie otechestvennoi yuridicheskoi mysli o konkretizatsii v prave [The development of domestic legal thought on specification in the law]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 6, pp. 41–49.

Zhil'tsov M. A. (2010) *Defekty trudovogo prava* [Defects in labour law]. Yekaterinburg, Izdatel'stvo UGTU – UPI, 312 p.

Zotova E. E. (2021) *Teoriya i praktika realizatsii sudebnykh pravovykh pozitsii v tsivilisticheskom protsesse: dis. ... kand. yurid. nauk* [Theory and practice of implementing judicial legal positions in civil proceedings: a candidate of legal sciences thesis]. Moscow, 193 p.

КНИГИ ИЗ БИБЛИОТЕКИ ВЛАДИМИРА ДМИТРИЕВИЧА НАБОКОВА В СОБРАНИИ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЮРИДИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ В. Ф. ЯКОВЛЕВА

Овчинникова Ольга Анатольевна

Директор Научной библиотеки Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), кандидат философских наук, ORCID: 0000-0002-1229-5649, e-mail: olga-2011_11@mail.ru.

Морева Ольга Викторовна

Старший научный сотрудник Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск), кандидат исторических наук, ORCID: 0000-0002-7395-0977, e-mail: moreva.o.v@yandex.ru.

В юбилейный для Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева год впервые вводятся в научный оборот сведения о 14 экземплярах из библиотеки В. Д. Набокова (1870–1922), являющихся «жемчужинами» книжного собрания Научной библиотеки вуза. Книги, изданные в конце XVIII – начале XX в., имеют экслибрис «Из книг Владимира Дмитриевича Набокова». Книговедческий анализ книжных раритетов (годы издания, переплеты и их особенности), а также тематический обзор дополняют и уточняют знание о выдающемся ученом-правоведе, политическом и общественном деятеле (одном из лидеров Конституционно-демократической партии Российской империи), публицисте и издателе. На книгах сохранились марки книгопродавцев, а также записи на полях и в тексте не только В. Д. Набокова, но и его отца, министра юстиции Российской империи Д. Н. Набокова (1827–1904). Книжные артефакты являются ценными историческими источниками по истории УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева. Одно издание из 14 вошло в фонд библиотеки в первые годы существования юридического факультета Иркутского государственного университета, остальные 13 были получены, когда вуз находился в Свердловске. Статья будет интересна историкам права, набоковедам, а также представителям гуманитарного знания, изучающим книжную культуру.

Ключевые слова: В. Д. Набоков, Д. Н. Набоков, В. В. Набоков, история книжной культуры, личная библиотека В. Д. Набокова, история УрГЮУ им. В. Ф. Яковлева

Для цитирования: Овчинникова О. А., Морева О. В. Книги из библиотеки Владимира Дмитриевича Набокова в собрании Научной библиотеки Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 2. С. 85–98. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_2_85.

BOOKS FROM THE LIBRARY OF VLADIMIR DMITRIEVICH NABOKOV IN THE COLLECTION OF THE SCIENTIFIC LIBRARY OF THE URAL STATE LAW UNIVERSITY NAMED AFTER V. F. YAKOVLEV

Ovchinnikova Ol'ga

Director of the Scientific library, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), candidate of philosophical sciences, ORCID: 0000-0002-1229-5649, e-mail: olga-2011_11@mail.ru.

Moreva Ol'ga

Senior Researcher, State Public Scientific Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk), candidate of historical sciences, ORCID: 0000-0002-7395-0977, e-mail: moreva.o.v@yandex.ru.

In the jubilee year for the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev information about 14 copies from the library of V. D. Nabokov (1870–1922) is introduced

into scientific circulation for the first time. Books are the «pearls» of the book collection of the University's Scientific library. They were printed in the late XVIII – early XX century, have an ex-libris «From the books of Vladimir Dmitrievich Nabokov». Book research analysis of book rarities (years of publication, bindings and their features), as well as a thematic review complement and clarify the knowledge about the outstanding figure and scientist. The books have preserved the stamps of booksellers, as well as entries in the margins and in the text not only by V. D. Nabokov, but also by his father, the Minister of Justice of the Russian Empire D. N. Nabokov (1827–1904). Book artifacts are valuable historical sources on the history of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. Of 14 copies, one edition was included in the library's collection in the early years of Faculty of Law of the Irkutsk State University, the remaining 13 were received when the University was in Sverdlovsk. The article will be of interesting to legal historians, nabokovists and anyone who studies book culture.

Key words: V. D. Nabokov, D. N. Nabokov, V. V. Nabokov, history of book culture, V. D. Nabokov's personal library, history of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

*For citation: Ovchinnikova O., Moreva O. (2023) Books from the library of Vladimir Dmitrievich Nabokov in the collection of the Scientific library of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 2, pp. 85–98, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_2_85.*

В 2023 г. Уральскому государственному юридическому университету им. В. Ф. Яковлева исполняется 105 лет, как и его Научной библиотеке (НБ УрГЮУ), история которой связана с распределением изданий из библиотек Иркутска, Екатеринбурга и Государственного книжного фонда. В юбилейный год для нас важно открыть новые источники по истории вузовской библиотеки, ввести в научный оборот сведения о 14 книжных артефактах – экземплярах из библиотеки В. Д. Набокова, которые хранятся в собрании НБ УрГЮУ (см. Таблицу) и являются жемчужинами нашей коллекции. Представим историю бытования книг, их внешний вид и особенности, а также проанализируем их состав (авторы, годы издания, темы).

Публикации, посвященные Владимиру Дмитриевичу Набокову (1870–1922), присутствуют в научном поле с 1990-х гг. За этот период о нем успели написать журналисты¹, историки², был подготовлен биобиблиографический сборник³ и появилась первая полная биография, содержащая уникальные документы⁴. Кроме того, нужно упомянуть и об автобиографической книге его сына, писателя В. В. Набокова (1899–1977), «Другие берега» (1954), в которой много глав посвящено счастливому детству, «слепому обожанию» родителей и разнообразным оттенкам отношений к отцу: от «безоговорочной, как бы беспредметной, гордости, и нежной снисходительности, и тонкого учета мельчайших личных его особенностей» до «обтекающего душу чувства, что... мы с ним всегда в заговоре»⁵. В 2015 г. была проведена Международная конференция «Владимир Дмитриевич Набоков: свобода слова по-русски»⁶ и издан сборник статей⁷. Избранные произведения В. Д. Набокова вышли в серии «Юристы, изменившие право, государство и общество» с обстоятельным вступительным словом П. В. Крашенинникова⁸. Но при всем многообразии публикаций личность и творчество Владимира Дмитриевича Набокова не слишком знакомы научной общественности, изучение его

¹ Жилкина Т. Из небытия: о В. Д. Набокове // Грани. 1993. № 170. С. 299–311.

² Петрусенко Н. В. Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922) // Новый исторический вестник. 2002. № 1. С. 113–117.

³ Владимир Дмитриевич Набоков: жизнь и творчество: материалы к биобиблиографии / сост. О. В. Велюковская и др. СПб.: Северная звезда, 2014. 174 с.

⁴ Аросев Г. Владимир Набоков, отец Владимира Набокова. М.: Альпина нон-фикшн (АНФ), 2021. 366 с.

⁵ Набоков В. В. Другие берега / предисл. В. Ерофеева; коммент. подгот. О. Дарк. М.: Книжная палата, 1989. С. 91, 101.

⁶ Черняев В. Ю. Владимир Дмитриевич Набоков: свобода слова по-русски // Петербургский исторический журнал. 2015. № 1. С. 244–253.

⁷ Владимир Дмитриевич Набоков: свобода слова по-русски: сб. материалов конф. / Информ.-культурный центр «Русская эмиграция». СПб.: Северная звезда, 2015. 271 с.

⁸ Набоков В. Д. Избранное / сост. П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2015. 316 с.

трудов не стало темой для работ историков-правоведов, нет полномасштабных исследований, посвященных его библиотеке, лишь отдельные статьи, большая часть которых – об отдельных экземплярах в разных хранилищах, не только отечественных¹, но и зарубежных². Судьбу библиотеки после эмиграции семьи подробно изложила в своей статье О. Н. Ильина. Она приводит сведения из «анонимного отчета одного из эмиссаров Центрального комитета государственных библиотек» о расхищении «ценнейшей юридической библиотеки Набокова» и о предложении «срочно перевезти в Книжный фонд то, что удалось спасти от разорения»³.

82 Unbound Vol. 1
Surely this wasn't the bookplate of the Vladimir Nabokov. I thought. And, in fact, it wasn't. I looked up the authority record for the Nabokov and found that the *folio* author was Vladimir Vladimirovich, not Vladimir Dmitrievich. Oh well.

But wait! I have forgotten a lot from my Russian language classes, but I do remember how Russian names work: the "middle name" is a patronymic formed from the father's first name. So if Nabokov was Vladimir Vladimirovich, then his father must have also been named Vladimir. A little additional searching showed that Nabokov's father was named Vladimir Dmitrievich, and that he was prominent in law and politics and wrote about criminal law. It seems likely that the book actually belonged to him and not some other Vladimir Dmitrievich Nabokov.

I got a great thrill out of cataloging a book that Nabokov may have seen in his father's office—or even touched! Okay, I need to get out more. I added the following note to the holdings record: "Provenance: Bookplate of Vladimir Dmitrievich Nabokov"—and I represented the urge to end the note with an exclamation point.

While I consider the book owned by Nabokov's father a highlight of the collection, some of the other volumes I discovered are arguably of greater general interest. For example, a few of the books I haphazardly chose to catalog had beautiful, elaborate bindings with the user's coat of arms on the front.

UNBOUND

An Annual Review of Legal History and Rare Books

Journal of the Legal History and Rare Books
Special Interest Section of the
American Association of Law Libraries

Volume 1
2008

Рис. 1. Страница из журнала «Unbound» с изображением экслибриса В. Д. Набокова на книге из Юридической библиотеки Миннесотского университета

О судьбе спасенных книг рассказывает каталогизатор юридической библиотеки Миннесотского университета в журнале «Unbound». Это периодическое издание, посвященное «ежегодному обзору редких книг и книг по истории права секции особых интересов – книг по юридической истории и редких книг Американской ассоциации юридических библиотек». Символом этой секции с 2007 г. является американский бизон, который выгравирован Давидом Хампфрайзом⁴. Статья посвящена одному изданию из книжного собрания В. Д. Набокова (*Богдановский А. М. Молодые преступники: вопрос уголовного права и уголовной политики. СПб., 1871*⁵), его экслибрису и истории русских книг в библиотеке университета. По сведениям Сары Йейтс, русские книги по праву были «частью лота из 405 томов, которые мы приобрели в 1944 г. по средней цене около 3,09 доллара за том»⁶. Большинство книг на момент написания статьи еще не были каталогизированы, автор высказывает предположение, что «большинство из них не принадлежали отцу известного писателя», тем не менее она

¹ В библиографическом указателе учтено 14 публикаций о библиотеке (Статьи о библиотеке В. Д. Набокова // Владимир Дмитриевич Набоков: жизнь и творчество. С. 149–150), среди них: *Кошелев В. А.* Об одной книге из библиотеки Набоковых [о книге Веселовский А. Этюды и характеристики (Москва, 1894)] // Набоковский вестник. СПб.: Дорн, 2000. Вып. 5. С. 139–142; *Верижникова Т. Ф.* «Храм Шекспира» в библиотеке Набоковых // Библиофилы России: альманах. М.: Любимая Россия, 2005. Т. 2. С. 112–122.

² Yates S. Bookplate of Vladimir Dmitrievich Nabokov!! // UNBOUND: An Annual Review of Legal History and Rare Books. 2008. V. 1. P. 51–54.

³ Ильина О. Н. О личной библиотеке В. Д. Набокова и некоторых экземплярах из нее, обнаруженных в фондах Российской национальной библиотеки // Владимир Дмитриевич Набоков: свобода слова порусски: сб. материалов конф. С. 45.

⁴ Благодарим за помощь в переводе подзаголовочных сведений в названии журнала Светлану Владимировну Слоневскую, учителя английского языка (Государственное бюджетное образовательное учреждение «Школа имени Маршала В. И. Чуйкова», Силаэдр).

⁵ Систематический каталог библиотеки Владимира Дмитриевича Набокова. СПб.: Т-во худож. печати, 1904. С. 65.

⁶ Yates S. Op. cit. P. 54.

отмечает: «Я с нетерпением жду новых открытий об этой коллекции»¹. Таким образом, это третье свидетельство того, что судьба книг из библиотеки Набоковых связана не только с Россией (кроме известного упоминания в «Других берегах» о каталоге 1904 г., обнаруженном Владимиром Владимировичем Набоковым «в Нью-Йоркской публичной библиотеке», и «найденыша... на уличном лотке в Берлине» – «Война миров» Г. Уэльса²).

**Книги из библиотеки В. Д. Набокова в собрании Научной библиотеки
Уральского юридического университета им. В. Ф. Яковлева**

№ п/п	Библиографическое описание	Владельческие признаки
1	<i>Баршев С. И.</i> О мере наказаний / [соч.] императорского Московского университета ординарного профессора Сергия Баршева. Москва: Университетская типография 1840. [4], 279 с. X628.1/Б268 Инв. номер 039825	Экслибрис-наклейка: «Из книг Владимира Дмитриевича Набокова. Шкаф № 2088» (красные чернила – форзац). Многочисленные пометы и записи по тексту
2	<i>Беседкин П. Ф.</i> Исторический очерк преступления поджога по римскому, германскому и русскому праву / соч. Павла Беседкина. Ярославль: Типография Г. Фальк, 1885. [4], 114 с. X628.1/Б53 Инв. номер 020719	Суперэкселибрис: «В. Н.» (золотое тиснение – корешок). Экслибрис-наклейка: «Из книг Владимира Дмитриевича Набокова. Шкаф № 2091» (красные чернила – с. [2])
3	<i>Блакстон У.</i> Истолкования аглинских законов г. Блакстона / Переведенные по всевысочайшему повелению великой законодательницы всероссийской. С подлинника аглинскаго [Перевел С. Е. Десницкий при участии А. М. Брянцева]. [М.]: Печатаны в Университетской типографии, у Н. Новикова, 1780–1782. Кн. 1. 1780. 374, [14] с., 1 л. Экземпляр неполный: отсутствуют с. [1–12]. X2(4)/Б68 Инв. номер 016724	Экслибрис-наклейка: «Из книг Владимира Дмитриевича Набокова. Шкаф № 2195» (красные чернила – форзац)
4	<i>Владимиров Л. Е.</i> Уголовный законодатель, как воспитатель народа / Л. Е. Владимиров. Москва: Товарищество «Скоропечатня А. А. Левенсона», 1903. XII, 244 с. X628.1/В 573 Инв. номер 087382	Экслибрис-наклейка: «Из книг Владимира Дмитриевича Набокова. Шкаф № 2076» (красные чернила – форзац). Марка книгопродавца (штамп): «Юридический книжный склад „Право“. СПб. Загородный пр., 2» (тит. л.). Многочисленные пометы по тексту
5	<i>Есипов В. В.</i> О преподавании права / В. В. Есипов. Варшава: Типография Варшавского учебного округа, 1901. [2], 34 с. Оттиск из «Варшавских университетских известий», 1901. № 9. X/E833 Инв. номер 09505	Экслибрис-наклейка: «Из книг Владимира Дмитриевича Набокова. Шкаф № 2092» (красные чернила – форзац)
6	Законодательный бюллетень... / издаваемый под редакцией А. Ф. Волкова и Ю. Д. Филиппова. Санкт-Петербург: Товарищество «Общественная польза», 1899–1900. 2 ч. сплетены вместе. X2(2)/З-194 Инв. номер 039168	Экслибрис-наклейка: «Из книг Владимира Дмитриевича Набокова. Шкаф № 2080» (красные чернила – форзац)

¹ Yates S. Op. cit. P. 54.

² Набоков В. В. Указ. соч. С. 99.

Продолжение Таблицы

6а	за 1898 год. Первое полугодие. 1899. [4], 376 стб.	
6б	за 1898 год. Второе полугодие. 1900. [2], 506 стб.	Марка книгопродавца (штамп): «Книжный магазин Д. В. Чичинадзе. С. Петербург Невский д. № 59» (тит. л.)
7	<i>Михайловский И. В.</i> К вопросу об уголовном суде: по поводу предстоящей судебной реформы / [соч.] И. В. Михайловского. Нежин: Типолитография М. В. Глезера, 1899. 92 с. Вместо рукописи. Х629.3/М 691 Инв. номер 083261	Экслибрис-наклейка: «Из книг Владимира Дмитриевича Набокова. Шкаф № 2148» (черные чернила – форзац). Многочисленные пометы по тексту
8	Очерк внутренней жизни представительных учреждений Западной Европы: краткий свод данных о порядке прохождения законодательных дел в представительных учреждениях Германии, Пруссии, Франции, Англии и Австрии и о внутреннем устройстве этих учреждений. Санкт-Петербург: [Государственная типография], 1906. 121, [3] с. Х2(4)/О-952 Инв. номер 043178	Суперэксlibрис: «В. Н.» (слепое тиснение – корешок). Экслибрис-наклейка: «Из книг Владимира Дмитриевича Набокова. Шкаф XXII № 4689» (черные чернила – форзац). Пометы
9	<i>Фойницкий И. Я.</i> Курс уголовного права. Часть особенная: посягательства на личность и имущество / [соч.] И. Я. Фойницкого, ординарного профессора С[анкт]-Петербургского университета. 2-е изд., пересмотренное. С[анкт]-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1893. VIII, 440 с. Х628.1/Ф752 Инв. номер 088441	Суперэксlibрис «В. Н.» (золотое тиснение – корешок). Экслибрис-наклейка: «Из книг Владимира Дмитриевича Набокова. Шкаф № 2122» (красные чернила – форзац). Запись: «Влад Набоков» (чернила – форзац, нахзац). Многочисленные пометы и записи по тексту
10	<i>Фойницкий И. Я.</i> Ссылка на Западе в ее историческом развитии и современном состоянии: [дис. на степ. д-ра уголов. права] / [соч.] И. Я. Фойницкого. Санкт-Петербург: Типография М. Стасюлевича, 1881. VIII, 338, IV, [2] с. Х628.1/Ф752 Инв. номер 050881	Суперэксlibрис: «Д. Н.» ¹ (золотое тиснение – корешок). Экслибрис-наклейка: «Из книг Владимира Дмитриевича Набокова. Шкаф № 2149» (красные чернила – форзац). Пометы
11	<i>Фойницкий И. Я.</i> Учение о наказании в связи с тюремноведением / [соч.] И. Я. Фойницкого, ординарного профессора С[анкт]-Петербургского университета. С[анкт]-Петербург: Типография Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1889. [2], VIII, 504 с., 1889. Х628.1/Ф752 Инв. номер 04862	Суперэксlibрис «В. Н.» (золотое тиснение – корешок). Экслибрис-наклейка: «Из книг Владимира Дмитриевича Набокова. Шкаф № 2114» (красные чернила – форзац). Запись: «ВНабоков» (карандаш – тит. л.). Многочисленные пометы и записи по тексту
12	<i>Щегловитов С. Г.</i> Устав уголовного судопроизводства (неофициальное издание) / сост. ред. Деп. м-ва юст. С. Г. Щегловитов. 5-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1892. [4], 1145 с. Х629.3/Щ336 Инв. номер 049832	Экслибрис-наклейка: «Из книг Владимира Дмитриевича Набокова. Шкаф № 2064» (красные чернила – форзац, с. [2])

¹ Дмитрий Николаевич Набоков (1827–1904).

Окончание Таблицы

13	Bericht über den VII: Internationalen Kongress für Kriminalanthropologie, Köln a. Rhein, 9–13. Oktober 1911 / Hrsg. G. Aschaffenburg. Heidelberg: Carl Winter, 1912. VI, 517 s. Инв. номер 1123	Суперэкслибрис: «W. N.» (корешок – золотое тиснение). Экслибрис-наклейка: «Из книг Владимира Дмитриевича Набокова. Шкаф XXIII № 5394» (черные чернила – обложка, форзац)
14	Joly H. Problèmes de science criminelle / Henri Joly. Paris: Hachette, 1910. Vol. 1. [6], 291, [2] p. И(ФР)/Ж-79 Инв. номер 049832	Суперэкслибрис: «W. N.» (корешок – золотое тиснение). Экслибрис-наклейка: «Из книг Владимира Дмитриевича Набокова. Шкаф XXIII № 4856» (красные чернила – обложка, с. 2 обл.)

Обратимся к истории бытования книг, которые хранятся в нашем книжном собрании. На вопрос о том, как приобретал книги В. Д. Набоков, могут ответить марки книгопродавцев. На двух из 14 экземпляров есть штампы на титульных листах: «Юридический книжный склад „Право“. СПб. Загородный пр., 2» (№ 4, Таблица) и «Книжный магазин Д. В. Чичинадзе. С. Петербург Невский д. № 59» (№ 6б, Таблица). Из истории книжной торговли известно, что юридическую литературу можно было приобрести в специализированных магазинах И. П. Анисимова, Н. К. Мартынова, А. И. Большакова и Г. П. Митякова¹. Владимир Дмитриевич наверняка посещал эти магазины или пользовался их каталогами, так как имел в своей библиотеке большой раздел «Правоведение, социология, политические и экономические науки»². Хотя, вероятно, книжный склад при редакции газеты «Право», с которой В. Д. Набоков сотрудничал в 1898–1917 гг.³, был для него предпочтительным местом покупки книг.

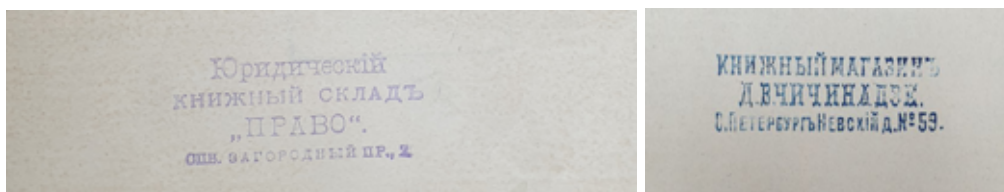

Рис. 2. Фото марки книгопродавцев

О приобретении книг на иностранных языках можно судить по «следам» на них. Так, на обложке немецкого издания о VII Международном конгрессе криминальной антропологии сохранилась карандашная запись «Nab A» (№ 13, Таблица). Предполагаем, что этот экземпляр Владимир Дмитриевич получил как участник конгресса или как активный член Союза криминалистов⁴. Согласно воспоминаниям В. В. Набокова, многие предметы быта и продукты семья покупала в «Английском магазине на Невском»⁵, поэтому мы допускаем, что и книги приобретались или заказывались по каталогам там же. Французские издания можно было купить как в Санкт-Петербурге⁶, так и в поездках по Франции. В 1916 г. Владимир Дмитриевич писал, что впервые побывал в Париже в 1895 г. и за «21 год был в нем не менее 15 раз»⁷.

После 1917 г. о судьбе книг свидетельствуют многочисленные библиотечные штампы и штемпели. Все книги, кроме одной (№ 2, Таблица) поступили в фонд вузовской библиотеки в конце 1940-х гг. после расформирования крупнейшего книжного со-

¹ Гринченко Н. А. Книжная торговля в столицах // Книга в России, 1895–1917. СПб.: Российская национальная библиотека, 2008. С. 348.

² О распространенности печатных каталогов в книготорговом деле в конце XIX – начале XX в. см.: Гринченко Н. А. Указ. соч.

³ Аросев Г. Указ. соч. С. 40.

⁴ Там же. С. 145.

⁵ Набоков В. В. Указ. соч. С. 49.

⁶ В Каталогах книжного магазина Товарищества М. О. Вольф «публиковались указатели книг и периодики на иностранных языках, всегда входившие в ее книготорговый ассортимент». Каталоги выходили ежегодно с 1898 по 1917 г. (Гринченко Н. А. Указ. соч. С. 352, 372).

⁷ Набоков В. Д. Из воюющей Англии: путевые очерки. Пг.: Унион, 1916. С. 78.

брания Свердловска¹, о чем свидетельствуют экслибрисы-штампы – «Уральский индустриальный институт им. С. М. Кирова. Фундаментальная библиотека» и «Уральская областная фундаментальная библиотека». Исключение – издание, привезенное из Иркутска, так как на титульном листе и форзаце есть книжные знаки Иркутского государственного университета и Сибирского института советского права². В Сибирь и на Урал книги были распределены из Государственного книжного фонда, вобравшего в себя ликвидированные после 1917 г. библиотеки и собрания, оставленные владельцами, покинувшими страну³. «Великое книжное перераспределение» оставило глубокий след в истории отечественной книжной культуры. В Екатеринбурге кроме НБ УрГЮУ книги из библиотеки В. Д. Набокова хранятся в отделах редких книг Свердловской областной универсальной научной библиотеки им. В. Г. Белинского (три издания)⁴ и Зональной научной библиотеки Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина (одно издание)⁵, нельзя исключать и то, что они могут быть и в других вузовских библиотеках города.

«В петербургском доме была у отца большая библиотека... в ноябре этого пулеметного года... отцовская библиотека распалась, кое-что ушло на папиросную завертку, а некоторые довольно странные остаточки и бездомные тени появлялись – как на спиритическом сеансе – за границей. Так, в двадцатых годах найденыш с нашим экслибрисом подвернулся мне на уличном лотке в Берлине, причем довольно кстати это оказалось „Войной миров“ Уэльса», – вспоминал В. В. Набоков⁶. По оценкам современных исследователей, объем библиотеки составлял около 10 тысяч экземпляров⁷. В 1904 г. в Санкт-Петербургском издательстве «Товарищество художественной печати» был издан каталог, в 1911 г. – дополнение к нему⁸. Исходя из этих изданий книговеды и говорят о количественной характеристике книжного собрания. Но, судя по свидетельствам из «Других берегов», в каталоги не вошли периодические издания прошлых лет (в частности, популярный в 1830–1840-х гг. журнал «Живописное обозрение») и западноевропейские увражи XVIII в.⁹, принадлежавшие, видимо, старшему поколению Набоковых-Рукавишниковых. Значит, из всего книжного богатства, полученного в наследство и находящегося в семейных усадьбах, а также в разных частях дома (библиотека, кабинет, «стены внутренней галереи... уставленные полками с книгами», «добавочные залежи в одном из чуланов верхнего палубообразного этажа»¹⁰), в каталоги вошла только та часть, которой пользовался Владимир Дмитриевич. Видимо, после смерти отца, Дмитрия Николаевича Набокова (1827–1904), для того, чтобы выделить свои книги из всего обширного семейного книжного собрания, Владимир Дмитриевич задумал издание каталога, разработал экслибрис, произвел систематизацию и осуществил «крепостную» расстановку¹¹. Многие книги в этот период получили свои изящные переплеты, все издания были отмечены экслибрисом-наклейкой, в том числе некоторые книги отца (№ 10, Таблица).

¹ Кудряшова Г. Ю. Библиотека УГТУ – УПИ в историческом контексте развития университета // Университетская библиотека на рубеже тысячелетий: выбор пути: материалы Третьей Всерос. науч.-практ. конф. (5–7 декабря 2000 г.). Екатеринбург, 2001. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/814/1/2000_10.html (дата обращения: 03.02.2019).

² «Сибирское наследие» в собрании Научной библиотеки Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева: каталог выставки / отв. ред. О. А. Овчинникова; сост. и автор вступ. ст. О. В. Морева. Екатеринбург: Уральский гос. юрид. ун-т им. В. Ф. Яковлева, 2022. С. 62–63.

³ Подробнее о Государственном книжном фонде см.: Голлербах Е. А. Книги революции: Государственный книжный фонд как инструмент советской культурной политики между двумя мировыми войнами. Saarbrücken: Lap Lambert AP, 2011. 525 с.

⁴ В электронном каталоге отражено два издания на немецком языке, одно – на английском.

⁵ Благодарим за предоставленные сведения О. С. Кравченко, заведующую отделом редких книг Зональной научной библиотеки УрФУ.

⁶ Набоков В. В. Указ. соч. С. 71.

⁷ Ильина О. Н. Указ. соч. С. 46.

⁸ Систематический каталог библиотеки Владимира Дмитриевича Набокова. Первое продолжение. СПб.: Т-во худож. печати, 1911. 79 с.

⁹ Набоков В. В. Указ. соч. С. 71.

¹⁰ Там же. С. 71.

¹¹ «Крепостная» расстановка книг была предложена В. И. Соболевским в 1830-х гг. для Императорской публичной библиотеки (Щербак Н. Л. В. И. Соболевский – библиотековед и архитектор Императорской Публичной Библиотеки // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 1. С. 185).

Рис. 3. Фото переплетов книг из библиотеки В. Д. Набокова

«Крепостная» расстановка могла быть известна В. Д. Набокову по «Юридическому кабинету Императорского Санкт-Петербургского университета»¹. Во время учебы он, несомненно, обращался к фонду вузовской библиотеки и мог принцип расстановки, принятый в ней, применить для личного книжного собрания. При таком порядке учитывался формат издания, затем каждому экземпляру определялось место в шкафу и на полке, присваивался порядковый номер. Шкаф и номер книги у В. Д. Набокова были указаны на экслибрисе, а в каталоге – еще и месторасположение (кабинет или библиотека). В кабинете хранилось всего шесть изданий: 25-томное собрание сочинений У. Шекспира на английском языке²; французская шеститомная «Теория уголовного кодекса» (Paris, 1887); 22 номера немецкого «Журнала общей науки об уголовном праве»; справочник на французском «Памятка о некоторых заведениях Москвы, рекомендованная вниманию членов Международной Лиги криминалистов» (Moscou, 1902); 43 тома «Энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, а также годовые комплекты газеты «Право» за 1899–1903 и 1904 гг.³ Каталог библиотеки, строгий порядок, который поддерживала библиотекарь⁴, безусловно помогли Елене Ивановне Набоковой выполнять поручения мужа, доставляя в тюремную камеру нужные ему книги. «Надеюсь, ты не очень измучилась, разыскивая уголовные книги!» – писал В. Д. Набоков жене 4 июня 1908 г.⁵

Рис. 4. Фото экслибриса В. Д. Набокова

Обратимся к внешнему виду сохранившихся изданий. Все книги на форзаце или одной из первых страниц имеют экслибрис-наклейку, выполненный в технике цинкографии. На нем изображен античный портик с надписью по архитраву «Изъ книгъ Владимира Дмитриевича Набокова», а между колоннами – «Шкафъ... | №...»⁶. Между колоннами от руки вписывались номер шкафа и порядковый номер экземпляра. Внешний вид книг свидетельствовал о вкусе владельца. Книги переплетены в одном стиле: составные переплеты, коленкоровые корешки и очень эффектная глянцевая

¹ Петербургские традиции преподавания римского права: виртуальная выставка // Библиотечно-информационный отдел по направлению юриспруденция: сайт. URL: <https://lib.law.spbu.ru/ExhibitionLibTema/PiterRomanLaw.aspx> (дата обращения: 20.02.2023).

² Вот почему Т. Ф. Верижникова, искусствовед, кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории зарубежного искусства Института им. И. Е. Репина Российской Академии художеств (Санкт-Петербург), называет библиотеку Набоковых «храмом Шекспира» (Верижникова Т. Ф. Указ. соч.).

³ Систематический каталог библиотеки Владимира Дмитриевича Набокова. С. 26, 76, 86–87, 100, 112.

⁴ Людмила Абрамовна Гринберг (Набоков В. В. Указ. соч. С. 102).

⁵ Набоков В. Д. Письма из «Крестов» // О тюрьме, Англии, большевистском перевороте: воспоминания. М.: Юрайт, 2023. С. 49.

⁶ Богомолов С. И. Российский книжный знак, 1700–1918. 2-е изд., испр. и доп. М.: Минувшее, 2010. С. 538.

мраморная бумага ручного производства на верхних крышках, кроме того, во многих изданиях есть ляссе (шелковый шнурок или лента)¹. На корешках – кожаные наклейки с указанием автора и названия издания золотым тиснением, на отдельных экземплярах – суперэкслибрис (на русских книгах – «В. Н.», иностранных – «W. N.»). Яркий внешний вид переплетов уравнивается простыми форзацами и нахзацами, отсутствием украшения обреза. Отличие имеют книги, принадлежавшие отцу и переплетенные в другое время и другими материалами. У них цельнокожаные переплеты со слепым тиснением орнаментальных рамок на верхних крышках и золотым – на корешке (№ 10, Таблица) или составные, с кожаными корешками и более скромной мраморной бумагой на крышках (№ 1, 9, 11, Таблица).

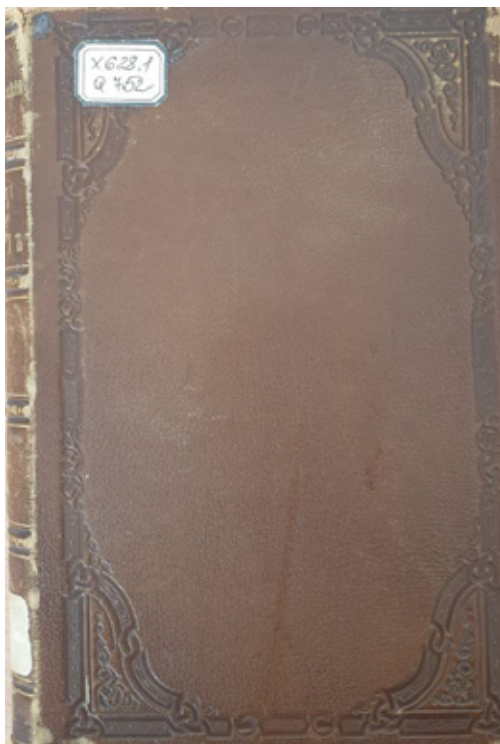

Рис. 5. Фото книги Д. Н. Набокова

Качественный переплет сохранил для нас эти книжные артефакты. Отметим, что на некоторых изданиях есть следы прочтения первого владельца Д. Н. Набокова, читавшего книгу без переплета. Об этом говорят карандашные записи, которые при выравнивании книжного блока переплетчик вынужденно обрезал, при этом записи «потеряли» начала или окончания слов. На этих же страницах записи рукой Владимира Дмитриевича, у которого, по свидетельству его сына-писателя, «был изящный, плавный почерк»² (№ 9, 11, Таблица).

О. Н. Ильина, проанализировав каталоги библиотеки В. Д. Набокова, пришла к обоснованному выводу, что «это была целенаправленно и систематично, тщательно комплектуемая специальная юридическая библиотека, в определенном смысле модельная библиотека юриста и общественного деятеля, которая заслуживает самого пристального изучения специалистов»³. Изучение сохранившихся 14 экземпляров подтверждает этот вывод и дополняет его. У О. Н. Ильиной, не знакомой с книгами, не было уверенности, что отдельные экземпляры принадлежали отцу юриста, мы же с уверенностью говорим, что это так. Об этом свидетельствуют не только годы издания книг – 1840-е, 1880–1890-е гг. (№ 1, 9–11, Таблица), но и характер помет. Отец, читавший первым, исправлял ошибки, опечатки и неточности, а сын, видимо, используя эти книги в годы обучения, уже отмечал для себя важные места и даже переписывался (?) на полях с однокурсниками. Сплетенные вместе две части «Законодатель-

¹ Выражаем благодарность за консультацию А. И. Марковой, историку книги, заведующей сектором каталогизации Научной библиотеки Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

² Набоков В. В. Указ. соч. С. 33.

³ Ильина О. Н. Указ. соч. С. 48.

ного бюллетеня», издававшегося под редакцией А. Ф. Волкова и Ю. Д. Филиппова в 1899–1900 гг. (№ 6а и 6б, Таблица), указывают на осознанное комплектование своей рабочей библиотеки, необходимой для научных занятий и для преподавательской деятельности. Конечно, было удобнее иметь обе части в одном переплете для практической работы, чем две книги. Поэтому купленные в разные годы части были отданы в переплет только после выхода второй. Приобретение книжного раритета 1780 г. (№ 3, Таблица) и изготовление для него переплета «современного», т. е. начала XX в., подчеркивает не библиофильский характер библиотеки В. Д. Набокова. Возможно, после прочтения этого фундаментального труда У. Блэкстона с подробными комментариями правовых норм и прецедентов Англии, переведенного на русский язык по «всевысочайшему повелению великой законодательницы всероссийской» Екатерины II, у Владимира Дмитриевича родилась идея для своего книжного знака. Дело в том, что в книге в качестве заставок и концовок разделов использовались полнотиражи с ангелами, руинами и прочими символами, отсылающими к «классицизму». На третьей странице среди различных предметов на переднем плане изображен фасад здания, напоминающего арку, что присутствует в экслибрисе В. Д. Набокова.

Рис. 6. Фото заставки из книги У. Блэкстона

Примечательна история книги, отправленной В. Д. Набокову для отзыва (№ 7, Таблица), на обложке сохранилась карандашная запись. На страницах издания – пометы, сделанные не рукой владельца. Судя по их характеру, это исправления автора, т. е. автор перед тем, как отправить свой труд на рецензию, исправил замеченные опечатки. Так, исправлен год в примечаниях на с. 4, поверх напечатанного «судоустройство» исправлено «производство», т. е. получилось «судопроизводство» (с. 6) и т. п. Автор многократно ссылается на учителей В. Д. Набокова – Н. С. Таганцева, И. Я. Фойницкого, возможно, поэтому он был выбран в качестве рецензента, как их ученик и как специалист по уголовному праву.

Из 14 книг, хранящихся в НБ УрГЮУ, десять тематически объединены и связаны той областью права, которую В. Д. Набоков выбрал для себя предметом изучения. Эти книги можно назвать «ядром» или «отражением» всего раздела «Правоведение, социология, политические и экономические науки», хотя они и составляют незначительную часть (всего в разделе, по подсчетам О. Н. Ильиной, было 1338 изданий¹). Такие выводы нам позволяет сделать тот факт, что среди них – книги, с которыми работал Д. Н. Набоков, в 1878 г. назначенный министром юстиции, «одной из заслуг которого считается закон 12 июня 1884 г., на время прекративший натиск на суд присяжных со стороны реакционеров»². Также это книги современников В. Д. Набокова, которые он цитирует в своих работах³. Так, в «Сборнике статей по уголовному праву» (Санкт-Петербург, 1904), в котором опубликованы статьи, посвященные методологии

¹ Ильина О. Н. Указ. соч. С. 47.

² Набоков В. В. Указ. соч. С. 39.

³ Набоков В. Д. Сборник статей по уголовному праву. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная Польза», 1904. С. 107, 118, 126–127.

уголовного права, видам преступлений, уголовной ответственности и пр., он цитирует труд Л. Е. Владимирова «Уголовный законодатель, как воспитатель народа», изданный в 1903 г. (№ 4, Таблица)¹. Еще один пример – это труды учителя, И. Я. Фойницкого, к которым он обращался в годы обучения и использовал для аргументации в своих работах².

В заключение отметим, что если история бытования книг, их внешний вид и их особенности аттестуют владельца библиотеки как человека организованного, с развитым вкусом³, знакомого с библиотечным делом, то анализ имеющихся книг (авторы, годы издания, темы) характеризуют его как профессионала (преподавателя, ученого-правоведа, публициста и общественного деятеля) и внимательного читателя, следящего за книжными новинками, ценящего книгу прошлых времен не как библиофил, а как практик, понимающий значение классических трудов. Наличие организованного библиотечного собрания – это свидетельство высокой книжной культуры владельца, понимания им ценности библиотеки и необходимости ее для умственного труда, эстетического, художественного и интеллектуального удовольствия. Четырнадцать экземпляров из личной библиотеки В. Д. Набокова заслуживают пристального внимания со стороны историков права, книговедов, библиотековедов, культурологов, социологов. Осколки некогда богатого книжного собрания, рассеянного по разным хранилищам, свидетельствуют о социокультурном феномене личной библиотеки, дополняют наши знания о книжной культуре в позднеимперский период, открывают новые факты о повседневной жизни профессионалов – юристов, преподавателей, политических и общественных деятелей. Кроме того, используя «формулу» книговеда О. Н. Ильиной, обращенную ко всей библиотеке, укажем, основываясь на изучении 14 экземпляров из собрания НБ УрГЮУ, что если бы с книгами познакомился человек, «ничего не знающий о Владимире Дмитриевиче, то портрет их владельца, созданный на основе анализа, был бы не так уж и далек от реального, а в чем-то мог бы и дополнить его»⁴.

О читательских практиках В. Д. Набокова мы расскажем в своей следующей публикации. Подробно опишем, как он работал с книгой, какими приемами пользовался, чтобы использовать прочитанное в своей преподавательской и научной деятельности, каков был его круг чтения и т. п. Источниками для нас будут многочисленные записи и пометы на полях, а также документы (воспоминания, переписка) и труды В. Д. Набокова.

Список литературы

Аросев Г. Владимир Набоков, отец Владимира Набокова. М.: Альпина нон-фикшн (АНФ), 2021. 366 с.

Богомолов С. И. Российский книжный знак, 1700–1918. 2-е изд., испр. и доп. М.: Минувшее, 2010. 959 с.

Верижникова Т. Ф. «Храм Шекспира» в библиотеке Набоковых // Библиофилы России: альманах. М.: Любимая Россия, 2005. Т. 2. С. 112–122.

Владимир Дмитриевич Набоков: жизнь и творчество: материалы к биобиблиографии / сост. О. В. Великодворская и др. СПб.: Северная звезда, 2014. 174 с.

Владимир Дмитриевич Набоков: свобода слова по-русски: сб. материалов конф. / Информ.-культурный центр «Русская эмиграция». СПб.: Северная звезда, 2015. 271 с.

Голлербах Е. А. Книги революции: Государственный книжный фонд как инструмент советской культурной политики между двумя мировыми войнами. Saarbrücken: Lap Lambert AP, 2011. 525 с.

Гринченко Н. А. Книжная торговля в столицах // Книга в России, 1895–1917. СПб.: Российская национальная библиотека, 2008. С. 332–376.

Жилкина Т. Из небытия: о В. Д. Набокове // Грани. 1993. № 170. С. 299–311.

Ильина О. Н. О личной библиотеке В. Д. Набокова и некоторых экземплярах из нее, обнаруженных в фондах Российской национальной библиотеки // Владимир Дмитриевич Набоков: свобода слова по-русски: сб. материалов конф. Санкт-Петербург: Северная звезда, 2015. С. 43–56.

¹ Набоков В. Д. Сборник статей по уголовному праву. С. 107, 118, 126–127.

² Там же. С. 59, 105.

³ О вкусе и стиле В. Д. Набокова писали многие его современники (Аросев Г. Указ. соч. С. 188–189, 279). Это же было предметом сатиры и карикатур политических противников (Набоков В. В. Указ. соч. С. 103).

⁴ Ильина О. Н. Указ. соч. С. 49.

Кошелев В. А. Об одной книге из библиотеки Набоковых [о книге Веселовский А. Этюды и характеристики (Москва, 1894)] // Набоковский вестник. СПб.: Дорн, 2000. Вып. 5. С. 139–142.

Кудряшова Г. Ю. Библиотека УГТУ – УПИ в историческом контексте развития университета // Университетская библиотека на рубеже тысячелетий: выбор пути: материалы Третьей Всерос. науч.-практ. конф. (5–7 декабря 2000 г.). Екатеринбург, 2001. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/814/1/2000_10.html (дата обращения: 03.02.2019).

Набоков В. В. Другие берега / предисл. В. Ерофеева; коммент. подгот. О. Дарк. М.: Книжная палата, 1989. 288 с.

Набоков В. Д. Из воюющей Англии: путевые очерки. Пг.: Унион, 1916. 129 с.

Набоков В. Д. Избранное / сост. П. В. Крашенинников. М.: Статут, 2015. 316 с.

Набоков В. Д. Письма из «Крестов» // О тюрьме, Англии, большевистском перевороте: воспоминания. М.: Юрайт, 2023. С. 46–53.

Набоков В. Д. Сборник статей по уголовному праву. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная Польза», 1904. 316 с.

Петрусенко Н. В. Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922) // Новый исторический вестник. 2002. № 1. С. 113–117.

«Сибирское наследие» в собрании Научной библиотеки Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева: каталог выставки / отв. ред. О. А. Овчинникова; сост. и автор вступ. ст. О. В. Морева. Екатеринбург: Уральский гос. юрид. ун-т им. В. Ф. Яковлева, 2022. 75 с.

Систематический каталог библиотеки Владимира Дмитриевича Набокова. СПб.: Т-во худож. печати, 1904. 117 с.

Систематический каталог библиотеки Владимира Дмитриевича Набокова. Первое продолжение. СПб.: Т-во худож. печати, 1911. 79 с.

Черняев В. Ю. Владимир Дмитриевич Набоков: свобода слова по-русски // Петербургский исторический журнал. 2015. № 1. С. 244–253.

Щербак Н. Л. В. И. Соболевский – библиотеквед и архитектор Императорской Публичной Библиотеки // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2019. № 1. С. 180–185. DOI: 10.30725/2619-0303-2019-1-180-185.

Yates S. Bookplate of Vladimir Dmitrievich Nabokov!! // UNBOUND: An Annual Review of Legal History and Rare Books. 2008. V. 1. P. 51–54.

References

Arosev G. (2021) *Vladimir Nabokov, otets Vladimira Nabokova* [Vladimir Nabokov, father of Vladimir Nabokov]. Moscow, Al'pina non-fikshn (ANF), 366 p.

Bogomolov S. I. (2010) *Rossiiskii knizhnyi znak, 1700–1918* [Russian Book Sign, 1700–1918]. 2nd ed., Moscow, Minushee, 959 p.

Chernyaev V. Yu. (2015) Vladimir Dmitrievich Nabokov: svoboda slova po-russki [Vladimir Dmitrievich Nabokov: freedom of speech in Russian]. In *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, no. 1, pp. 244–253.

Gollerbakh E. A. (2011) *Knigi revolyutsii: Gosudarstvennyi knizhnyi fond kak instrument sovetskoi kul'turnoi politiki mezhdv dvumya mirovymi voinami* [Books of the Revolution: The State Book Fund as an Instrument of Soviet Cultural Policy between the Two World Wars]. Saarbrücken, Lap Lambert AP, 525 p.

Grinchenko N. A. (2008) Knizhnaya trgovlya v stolitsakh [Book trade in capitals]. In *Kniga v Rossii, 1895–1917*. Saint-Petersburg, Rossiiskaya natsional'naya biblioteka, pp. 332–376.

Il'ina O. N. (2015) О личной библиотеке В. Д. Набокова и некоторых экземплярах из нее, обнаруженных в фондах Россииской национальной библиотеки [About V. D. Nabokov's personal library and some copies from it found in the collections of the Russian National Library]. In *Vladimir Dmitrievich Nabokov: svoboda slova po-russki: sbornik materialov konferentsii*, Saint-Petersburg, Severnaya zvezda, pp. 43–56.

Information and cultural center «Russian emigration» (2015) *Vladimir Dmitrievich Nabokov: svoboda slova po-russki: sbornik materialov konferentsii* [Vladimir Dmitrievich Nabokov: freedom of speech in Russian: collection of conference materials]. Saint-Petersburg, Severnaya zvezda, 271 p.

Koshelev V. A. (2000) Ob odnoi knige iz biblioteki Nabokovykh [About a book from the Nabokov library]. In *Nabokovskii vestnik*, Saint-Petersburg, Dorn, is. 5, pp. 139–142.

Kudryashova G. Yu. (2001) Biblioteka UGTU – UPI v istoricheskom kontekste razvitiya universiteta [Library in the historical context of University development]. In *Universitetskaya biblioteka na rubezhe tysyacheletii: vybor puti: materialy Tret'ei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (5–7 December 2000)*, available at: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/814/1/2000_10.html (accessed: 03.02.2019).

Nabokov V. D. (1904) *Sbornik statei po ugovnomu pravu* [Collection of articles on criminal law]. Saint-Petersburg, Tipografiya Tovarishchestva «Obshchestvennaya Pol'za», 316 p.

Nabokov V. D. (1916) *Iz voyuyushchei Anglii: putevye ocherki* [From Warring England: Travel Essays]. Petrograd, Union, 129 p.

Nabokov V. D. (2015) *Izbrannoe* [Favourites], ed. by P. V. Krasheninnikov. Moscow, Statut, 316 p.

Nabokov V. D. (2023) Pis'ma iz «Krestov» [Letters from the «Crosses»]. In *O tyur'me, Anglii, bol'shevistskom perevorote: vospominaniya*. Moscow, Yurait, 2023, pp. 46–53.

Nabokov V. V. (1989) *Drugie berega* [Other shores]. Moscow, Knizhnaya palata, 288 p.

Ovchinnikova O. A. (Ed.) (2022) «Sibirskoe nasledie» v sobranii Nauchnoi biblioteki Ural'skogo gosudarstvennogo yuridicheskogo universiteta imeni V. F. Yakovleva: katalog vystavki [«Siberian Heritage» in the collection of the Scientific Library of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev: exhibition catalog]. Yekaterinburg, Ural'skii gosudarstvennyi yuridicheskii universitet imeni V. F. Yakovleva, 75 p.

Petrusenko N. V. (2002) Nabokov Vladimir Dmitrievich (1869–1922) [Vladimir Dmitrievich Nabokov (1869–1922)]. In *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 1, pp. 113–117.

Shcherbak N. L. (2019) V. I. Sobol'shchikov – bibliotekoved i arkhitektor Imperatorskoi Publichnoi Biblioteki [V. I. Sobol'schikov – library scientist and architect of Imperial Public Library]. In *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, no. 1, pp. 180–185, DOI: 10.30725/2619-0303-2019-1-180-185.

Sistematicheskii katalog biblioteki Vladimira Dmitrievicha Nabokova [Systematic Catalog of the Library of Vladimir Dmitrievich Nabokov] (1904). Saint-Petersburg, Tovarishchestvo khudozhestvennoi pechati, 117 p.

Sistematicheskii katalog biblioteki Vladimira Dmitrievicha Nabokova. Pervoe prodolzhenie [Systematic Catalog of the Library of Vladimir Dmitrievich Nabokov: the first continuation] (1911). Saint-Petersburg, Tovarishchestvo khudozhestvennoi pechati, 79 p.

Velikodvorskaya O. V. et al. (Eds.) (2014) *Vladimir Dmitrievich Nabokov: zhizn' i tvorchestvo: materialy k biobibliografii* [Vladimir Dmitrievich Nabokov: life and work: materials for biobibliography]. Saint-Petersburg, Severnaya zvezda, 174 p.

Verizhnikova T. F. (2005) «Khram Shekspira» v biblioteke Nabokovykh [«Shakespeare's Temple» in the Nabokov Library]. In *Bibliofily Rossii: al'manakh*. Moscow, Lyubimaya Rossiya, vol. 2, pp. 112–122.

Yates S. (2008) Bookplate of Vladimir Dmitrievich Nabokov!! In *UNBOUND: An Annual Review of Legal History and Rare Books*, no. 1, pp. 51–54.

Zhilkina T. (1993) Iz nebytiya: o V. D. Nabokove [Out of nothingness: about V. D. Nabokov]. In *Grani*, no. 170, pp. 299–311.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ КООПЕРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА): РЕТРОСПЕКТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Чичулин Александр Владимирович

Доцент кафедры философии, истории, экономической теории и права
Омского государственного аграрного университета им. П. А. Столыпина (Омск),
кандидат исторических наук, доцент, ORCID: 0000-0001-6656-8641, e-mail: a.chichulin@mail.ru.

В статье раскрываются проблемы, связанные со становлением российского кооперативного законодательства, выявляются основные этапы его развития, обуславливающие специфику функционирования кооперативной системы. Определяются характер и степень административного воздействия различных органов государственной власти на формирование кооперативного движения в России. Ретроспективный анализ позволяет установить тенденции развития кооперативного движения, демонстрирует противоречивость и неоднозначность в реализации государственной политики на ранних этапах его формирования, обусловленные стремлением органов власти обеспечить контрольно-надзорное администрирование в данной сфере, чтобы предотвратить ее оппозиционную демократическую политизацию. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что с момента своего возникновения взаимоотношения кооперации с государственной властью были пронизаны борьбой за свое существование, при этом развитие кооперативного движения проходило в условиях противоборства административно-консервативного и либерально-демократического направлений. Первое основывалось на установлении почти тотального контроля и централизации системы государственного управления кооперацией. Второе отстаивало демократические тенденции развития кооперации, включающие в себя принципы добровольности, равноправия, самоуправления, самофинансирования, явочного порядка образования и др. Автор полагает, что результаты проведенного исследования имеют практико-ориентированное, методологическое значение для органов государственной власти и их должностных лиц, обеспечивают недопущение ошибок прошлого в современный механизм нормативно-правового регулирования сферы кооперации.

Ключевые слова: государство, власть, кооперация, кооперативное законодательство, кооперативные организации, правовое регулирование

Для цитирования: Чичулин А. В. Актуальные вопросы становления кооперативного законодательства России (вторая половина XIX – начало XX века): ретроспективное исследование // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 2. С. 99–109. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_2_99.

CURRENT ISSUES IN THE FORMATION OF COOPERATIVE LEGISLATION IN RUSSIA (SECOND HALF OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY): A RETROSPECTIVE STUDY

Chichulin Aleksandr

Associate professor, Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin (Omsk),
candidate of historical sciences, ORCID: 0000-0001-6656-8641, e-mail: a.chichulin@mail.ru.

The article reveals the problems associated with the formation of Russian cooperative legislation, identifies the main stages in its development, determining the specific

functioning of the cooperative system. The nature and degree of administrative impact of various public authorities on the formation of the cooperative movement in Russia are determined. The retrospective analysis reveals trends in the development of cooperative movement, demonstrates the inconsistency and ambiguity in the implementation of state policy in the early stages of its formation, due to the desire of authorities to ensure control and supervision administration in this area, thereby preventing its opposition-democratic politicization. As a result of the study the author concludes that from the beginning the relationship of cooperation with the state power was permeated by the struggle for its existence, and the development of the cooperative movement took place in the context of the opposition of administrative-conservative and liberal-democratic vectors. The first was based on the establishment of almost total control and centralization of the state management system of cooperation. The second advocated democratic trends in the development of cooperation, including the principles of voluntariness, equality, self-government, self-financing, quota order of education, etc. The author believes that the results of the study are of practical, methodological importance for public authorities and their officials, ensure the avoidance of errors of the past in the modern mechanism of normative-legal regulation of the cooperative sphere.

Key words: state, power, cooperation, cooperative legislation, cooperative organizations, legal regulation

*For citation: Chichulin A. (2023) Current issues in the formation of cooperative legislation in Russia (second half of the XIX – beginning of the XX century): a retrospective study. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 2, pp. 99–109, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_2_99.*

После отмены крепостного права в России начинают постепенно появляться первые кооперативные организации, что вызывает необходимость их правовой регламентации. Длительный и противоречивый процесс законодательной регламентации кооперативного движения представляет собой предмет настоящего исследования и позволяет автору раскрыть актуальные вопросы формирования взаимоотношений российского общества и государства в сфере кооперации во второй половине XIX – начале XX в.

Во второй половине XIX в. государство инициирует разработку кооперативного законодательства. Создание отечественной правовой базы было обусловлено необходимостью законодательного оформления зарождающейся и развивающейся профессиональной деятельности кооперативных объединений, тем не менее государственные органы и должностные лица разного уровня оказывали противодействие свободному и самостоятельному развитию в стране кооперативных организаций. Поэтому изначально в сфере законодательства кооперации отводилась практически бесправная роль, государство стремилось установить всеобъемлющий контроль за этой, по своей сути демократической, формой организации экономических отношений.

С 1865 г. правительство (Комитет министров) монополизировало право выдачи разрешений на открытие кооперативных организаций. В последующем это полномочие было делегировано различным органам власти и должностным лицам. Так, с 1885 г. правительство наделило Министерство финансов правом выдавать разрешения на открытие кооперативов за подписью главы этого ведомства. Иногда на открытие кооперативов требовались одновременно разрешения нескольких министров, что указывает на настороженное отношение власти к рассматриваемым общественным организациям и ее желание установить полный административный контроль за их деятельностью. Уже с 1889 г. для открытия кредитных и ссудо-сберегательных товариществ требовались разрешения министров финансов и внутренних дел, кооперативные союзы должны были утверждаться Государственным советом¹. Очевидно, что указанные административные процедуры представляли собой препятствия в развитии кооперативного движения.

¹ ГАНУ. Ф. 32. Оп. 1. Ед. хр. 1028. Л. 9об.

С 90-х гг. XIX в. товарно-денежные отношения широко проникают в деревню, наблюдается подъем сельского хозяйства, выражающийся в активизации предпринимательской деятельности крестьян. Рыночные условия заставляли середнячко-зажиточные массы объединяться в кооперативы для развития своего хозяйства. Массовое увеличение числа заявок на организацию кооперативов вынудило правительство принять 13 мая 1897 г. Нормальный устав потребительных обществ¹, в рамках которого право на открытие кооперативных организаций было передано губернаторам. 30 июня 1897 г. вышел типовой Устав сельскохозяйственных товариществ². Согласно этому правовому акту членами кооперативных объединений могли быть признаны только лица, внесшие вступительный пай. Такое правило ограничивало многочисленных крестьян, не имевших средств для внесения достаточно значительных, по меркам своего времени, вступительных взносов. При этом основной целью создания любого кооперативного товарищества выступало содействие своим членам в приобретении сельхозинвентаря, сбыте сельскохозяйственных продуктов, их переработке, выдаче ссуд и т. д. Для получения статуса коммерческого юридического лица требовалось: проведение общеучредительного собрания с обязательным присутствием всех членов будущего кооператива, утверждение устава этой организации и последующая подача в канцелярию губернатора письменного прошения на открытие кооператива³. Губернаторы с большим подозрением относились к подобного рода общественным объединениям, поэтому разрешали открытие кооперативных организаций после долгой и всесторонней проверки их на верноподданнические настроения.

Губернаторы обладали правом не только разрешать, но и запрещать различные кооперативные объединения, если их функционирование создавало угрозу для сложившихся устоев общества и нарушало требования российского законодательства (включая уставные положения самой кооперативной организации). Например, в середине 90-х гг. XIX в. в России из полутора тысяч разрешенных низовых кооперативных организаций функционировала только половина. Остальные были ликвидированы или их деятельность была приостановлена⁴. Полномочие на запрет часто трактовалось администрацией достаточно широко и не ограждало кооперацию от произвола со стороны власти. Особенно наглядно это проявлялось в отношении к союзным кооперативным объединениям. Так, если решения о создании отдельных кооперативных товариществ принимались губернаторами, то образование того или иного союза кооперативных товариществ утверждалось лично царем через совет министров. Видный сторонник кооперативного движения А. В. Меркулов писал, что утверждение союзных кооперативных уставов происходило крайне редко и практически в единичных случаях⁵. В среднем срок утверждения уставов союзных кооперативных организаций составлял от трех до пяти лет. Были случаи, когда уставы рассматривались в течение более продолжительного срока. Причины были всякие, но основная состояла в недоверии государственных органов разного уровня к рассматриваемым общественным объединениям. Власть опасалась политического брожения в умах наиболее экономически активной части крестьян⁶.

Дополнительные ограничения в развитие кооперации вносились и местными властями. В условиях сложившегося правового положения ими практиковались меры, нередко выходящие за рамки действовавшего законодательства, например отстранение отдельных членов правлений, запрещение общих собраний, организация тех или иных учреждений при кооперативах и т. д. Вопрос правовой легализации кооперативных объединений фактически зависел не только от губернатора либо другого органа или должностного лица высшей власти, но и от личного усмотрения «какого-либо местного урядника», так как именно на его сведения опирался губернатор при

¹ Нормальный устав потребительных обществ: утвержден 13 мая 1897 г. // Кооперация: страницы истории / под ред. Н. К. Фигуровской: в 3 т. М.: Наука, 1998. Т. 1. Кн. 2. С. 78–90.

² Устав сельскохозяйственных товариществ 30 июня 1897 // Свод законов Российской империи. Т. XII. Ч. 2: Устав сельского хозяйства. СПб., 1903. Ст. 45–46.

³ ГАНУ. ФД. 51. Оп. 1. Ед. хр. 312. Л. 8.

⁴ Там же. Ед. хр. 314. Л. 17.

⁵ Меркулов А. В. Исторический очерк потребительской кооперации в России. М.: Типо-литография Русского Товарищества, 1917. С. 85.

⁶ Поволоцкий Н. Русское кооперативное законодательство. Пг.: Кооперация, 1923. С. 7.

решении вопроса, нужно или не нужно в таком-то месте потребительское общество, «благонадежны» или «неблагонадежны» учредители общества, не нарушит ли открытие кооператива общественное спокойствие и т. п.¹

Центральная государственная власть стремилась не допустить принятия единого закона о кооперации, ограничивалась отдельными нормативными правовыми актами по каждому ее виду. Такая дифференциация позволяла разделить кооперативное движение в стране, что упрощало контрольно-надзорную деятельность государственных органов и обеспечивало более четкую нормативно-правовую регламентацию. В то же самое время большинство иностранных государств в осуществлении своей кооперативной политики шли по пути интеграции кооперативного законодательства.

Уставы стали первыми нормативными документами, закреплявшими правила создания кооперативов и их юридический статус. Первым в России учредительным юридическим документом, обусловившим легализацию российской кредитной кооперации, стал устав «Рождественского ссудного товарищества», который был утвержден властью 22 октября 1865 г.² В 1871 г. правительством был разработан обязательный для всех кооперативных объединений Образцовый устав ссудо-сберегательного товарищества, в рамках которого Министерству внутренних дел было поручено утверждать устав каждого подобного коммерческого объединения³.

25 января 1883 г. был обнародован Указ об учреждении сельских банков и ссудо-сберегательных касс. Согласно этому документу, Министерство финансов и Министерство внутренних дел должны были разработать новые правила организации и функционирования кооперативов. В 1885 г. сельские банки получили в качестве своей правовой базы отдельный Нормальный устав сельских банков, на основе которого они обязаны были выстраивать свою деятельность⁴.

Дифференциация кооперативного законодательства привела к постепенному созданию целой системы надзорных органов. Так, в 1889 г. был образован институт земских начальников, которые контролировали кооперативные товарищества. Однако надзорные функции государства не преследовали цели экономического удушения кооперации. Главным образом они носили политический характер. Власть не допускала конкуренции в этой сфере. В то же время она вносила элементы демократии в уставы: любой желающий мог вступить в действующий кооператив вне зависимости от волеизъявления государственных инстанций или каких-либо чиновников⁵.

Развитие экономики страны и кооперативного движения в условиях рынка требовало от правительства перехода от утверждения отдельных кооперативных уставов к созданию общего кооперативного законодательства. Над этим вопросом интенсивно работало Министерство финансов во главе с С. Ю. Витте. Результатом такой работы стало утверждение правительством в июне 1895 г. законодательного акта «Положение об учреждениях мелкого кредита»⁶. Этим правовым актом были определены следующие формы организации кредитных товариществ: ссудо-сберегательные товарищества, простые кредитные товарищества без паевых взносов и сельские, волостные, станичные банки (кассы).

Данное Положение устанавливало не только некоторые формы деятельности кооперативных организаций, но и систему контроля над ними. По замыслу власти кооперативные организации обязаны были помогать беднейшим крестьянам в развитии своего хозяйства. Например, предоставлять на льготных условиях ссуды для закупки необходимых сельскохозяйственных орудий труда, семян, рабочего скота, а также выплачивать проценты по вкладам.

В 1896 г. были приняты Образцовый устав кредитного товарищества и Устав ссудо-сберегательного товарищества⁷. В этих законодательных актах закреплялась возмож-

¹ ГАНО. ФД. 51. Оп. 1. Ед. хр. 315. Л. 2.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XL. 1865. СПб., 1867. 1198 с.

³ Образцовый устав ссудо-сберегательного товарищества, составленный комиссией, состоящей при Императорском Московском Обществе сельского хозяйства, одобренный Министром Финансов. СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1871. 25 с.

⁴ Нормальный устав сельских банков. Киев: Тип. М. Д. Ивановой, 1894. 14 с.

⁵ Центр хранения архивных фондов Алтайского края. ФД. 82. Оп. 1. Ед. хр. 159. Л. 34–35об.

⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XV. СПб., 1899. № 11756.

⁷ ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1910. Ед. хр. 376. Л. 13.

ность руководства товариществом посредством коллективного управления равноправных членов кооперативов. Все важные вопросы должны были решаться на общем кооперативном собрании, в присутствии всех членов кооператива и на основе принципа самоуправления.

На собрании избирались члены правления. Утверждались принципы и алгоритм работы кооператива, механизм проведения кредитных, торговых и иных операций. На общем собрании зачитывались, обсуждались и утверждались отчеты о работе членов кооперативного правления.

К середине 90-х гг. XIX в. в России функционировало более 30 различных видов уставов, которые в дальнейшем способствовали быстрому росту кооперативных организаций и их союзных объединений¹.

Во второй половине 90-х гг. XIX в. быстрое развитие получила законодательная база потребительской кооперации. В 1896 г. в Москве был организован Союз потребительских обществ. В следующем году Министерство внутренних дел утвердило обязательный для исполнения всеми кооперативными объединениями Нормальный устав потребительных обществ. Губернаторам предоставлялось право разрешать деятельность потребительских объединений, уведомляя об этом Министерство внутренних дел. Нарушение пунктов устава не допускалось под угрозой ликвидации товарищества. Это вело к ужесточению административного контроля и ограничению самостоятельности кооперации.

В качестве основного позитивного момента следует отметить то, что согласно положениям устава потребительские общества должны были способствовать своим членам в приобретении товаров по доступным ценам.

Министерство земледелия и государственных имуществ в феврале 1898 г. утвердило Нормальный устав для местных сельскохозяйственных обществ², определивший порядок их учреждения и функционирования. Разрешение на открытие сельскохозяйственных обществ, не выходящих за границы губернии, по-прежнему принадлежало губернатору. Устав 1898 г. лишь отчасти способствовал росту численности сельскохозяйственных кооперативов, которые так и не смогли выйти за рамки культурно-просветительской деятельности, рассчитанной, главным образом, на зажиточные слои населения.

Анализ кооперативного законодательства показывает, что разные виды кооперации находились в ведении различных министерств, регламентировавших типовыми уставами порядок возникновения и характер деятельности кооперативов. Например, Министерство внутренних дел ведало потребительской кооперацией, Министерство финансов – кредитной, Министерство торговли и промышленности – молочными артелями, Министерство земледелия и государственных имуществ – сельскохозяйственными товариществами.

К началу XX в. процесс создания и правового регулирования союзов различных форм и видов кооперации шел медленно. В 1898 г. с большим трудом был оформлен Московский союз потребительских обществ, который впоследствии был переименован в Центросоюз. Только в 1911 г. был принят Устав кредитных союзов, а в 1912 г. был утвержден Типовой устав потребительских обществ. Иные виды кооперации так и не получили, вплоть до 1917 г., права создавать собственные союзные объединения.

В 1899 г. правительство опубликовало переработанное на основе западного права Гражданское уложение, которое должно было способствовать снятию административных ограничений при организации кооперативов и их объединениях. Однако на практике административные ограничения сохранялись.

В первое десятилетие XX в. наблюдался массовый подъем кооперативного движения. Кооперация все больше стремилась к автономности, самостоятельности, независимости и самодостаточности. Этот подъем кооперации тормозился административным произволом. Указанное обстоятельство закономерно вызывало протест кооператоров, которые все настойчивее добивались принятия общекооперативного законодательства, явочного порядка учреждения кооперативов, свободы в организации кооперативных союзов и проведения своих съездов.

¹ ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1910. Ед. хр. 384. Л. 22.

² Нормальный устав для местных сельскохозяйственных обществ: утвержден 28 февраля 1898 года. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1910. 20 с.

В этих условиях наметился переход к новому этапу в развитии российского кооперативного законодательства. Правительство разрабатывает и принимает в июне 1904 г. Положение об организации мелкого кредита. Создается общегосударственный административный орган – Управление по делам мелкого кредита. Министерству финансов и Государственному банку поручено способствовать работе кредитных учреждений в России и контролировать их деятельность.

Образование, контроль и ревизия годовых отчетов ссудо-сберегательных и кредитных товариществ на основании образцовых уставов предоставлялись земским управам¹. Министерского разрешения больше не требовалось, что значительно сокращало сроки организации кооперативов. Вклады не могли отчуждаться и передавались по наследству с процентами по ним.

Период с 1865 по 1905 г. был начальным этапом развития кооперативного движения. В этот период шло его организационно-правовое оформление, появлялись первые законодательные акты и первые различного вида кооперативные организации. С увеличением численности кооперативных товариществ формируются условия к их объединению. Очевидно, что кооперации суждено было развиваться в рамках формирующегося, противоречивого, еще не устойчивого правового пространства. Утвержденные властью для каждого вида кооперации юридические нормы определяли цели и характер кооперативной деятельности, порядок контроля и регулирования ее со стороны государственных органов.

В ходе первой буржуазно-демократической революции и начавшихся аграрных преобразований власть вынуждена была пойти на смягчение своей политики в области кооперации. Столыпинское правительство, разрушая общину, бывшую основой социально-экономической организации крестьянства в предшествующий период, одновременно сделало первый шаг по пути формирования общекрестьянского законодательства, провозгласив определенную свободу в создании кооперативных общественных объединений, воспринимавшихся многими как учреждения, альтернативные общине.

4 марта 1906 г. правительством приняты Временные правила об обществах и союзах, содержащие в себе лишь ограниченный набор подлинно демократических принципов (явочный порядок открытия обществ и возможность закрытия только по решению суда отсутствовали)². Они допускали свободную договорную форму организации кооперативов с последующим обязательным их оформлением в качестве юридического лица. В противном случае было невозможно совершать торговые и иные операции. Право на открытие кооперативов по-прежнему оставалось за губернатором, который скрупулезно изучал устав и список учредителей на предмет их неблагонадежности. В свою очередь Министерство внутренних дел могло по своему усмотрению закрыть уже существующие товарищество или союз в случае совмещения их членами экономической и политической деятельности. Правительственным правовым актом вводились определенные меры предосторожности при организации кооперативных общественных собраний. В обязательном порядке на этих мероприятиях должен был присутствовать кто-то из полицейских чинов, контролировавший ход собрания, состав его делегатов (запрещалось присутствие представителей политических партий и иных общественных организаций) и обсуждаемые вопросы (допускались исключительно кооперативные темы). Обсуждение политических событий сразу же пресекалось вплоть до закрытия собрания, а в случае неповиновения и самого кооператива³.

С этого времени кооперативное движение начинает носить массовый характер, что выражается в быстром росте количества кооперативов и небывалой активности населения в их создании. Многочисленные кооперативные организации выступают с инициативой формирования крупных союзных объединений. В различных российских регионах проходят кооперативные съезды, на которых кооператоры выступают с предложениями о создании не только краевых, но и всероссийских союзных организаций. Звучат предложения о совершенствовании кооперативного законодательства

¹ ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1910. Ед. хр. 376. Л. 14об.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XXVI. Отд. 1. СПб., 1909. № 27479.

³ ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1916. Ед. хр. 16. Л. 71.

по пути демократизации, выработке единых принципов и правовых норм деятельности кооперативов.

В период первой буржуазно-демократической революции и в первые годы после нее под давлением общества власть активизирует работу по завершению кодификации кооперативного законодательства. Последующие правовые акты определили основные структурные элементы кооперативной системы, формы и виды кооперативных объединений, пути развития. Однако наследие предыдущего этапа в развитии кооперативного законодательства сохранялось. Не могло быть и речи о полной самостоятельности и автономности кооперации. В последней власть видела угрозу своему политическому существованию. Подтверждением этому были революционные события, происходящие в стране, при которых далеко не все кооперативные объединения заявляли о своей политической нейтральности.

Власть стремилась не допустить кооператоров к политическому управлению страной, при этом старалась предоставить им некоторую экономическую свободу. Указанные факторы способствовало развитию кооперативного движения, в которое все активнее вовлекались беднейшие слои населения, что обеспечивало их выживаемость в условиях рынка.

Развитие российской кооперации было ограничено рамками существующего законодательства с его административными барьерами, ограничивающими свободу кооперативного движения. Делегаты на всероссийских и региональных съездах, постоянно требовали от правительства разработки и принятия единого кооперативного закона, а также совершенствования действующих нормативных правовых актов.

Только в 1911 г. был принят Закон о союзах кредитных кооперативов, который содержал единые принципы и нормы, расширявшие сферу деятельности и предоставлявшие кооперативам права самостоятельных юридических лиц. Контроль над кредитными кооперативными учреждениями по-прежнему оставался в ведении Комитета министров.

Всероссийские кооперативные съезды с 1908 г. начали проходить на регулярной основе (апрель 1908 г., март 1912 г., август 1913 г.). В их работе принимали участие сотни представителей кооперации из разных уголков нашей страны. Бурно обсуждались вопросы, связанные с выработкой более эффективных путей, принципов развития кооперации, единства правового пространства.

На первом Всероссийском съезде, прошедшем в Москве, единогласно было решено разработать новый общий для всех видов кооперативных объединений закон, который требовалось незамедлительно представить правительству для ознакомления и доработки с последующим его принятием. Проект закона должен был предусматривать по отношению к кооперации самостоятельность и автономность в решении основных кооперативных вопросов, замену разрешительного порядка открытия на заявительный (явочный), а также обеспечить дополнительную свободу в организации союзных объединений.

Значительная активизация кооперативного движения (после первого кооперативного съезда), ставшего ареной борьбы представителей различных политических сил Российского государства, обеспокоила соответствующее министерство. Так, в циркулярных письмах, рассылаемых местным административным органам департаментом полиции (за 1909 г.), настойчиво указывалось на «...нежелательно широкое развитие кооперативного движения, выражающееся в образовании на легальных основаниях добровольных самоуправляющихся и построенных на демократическом и трудовом начале союзов»¹. Во исполнение этих рекомендаций, например, губернатор Тобольска поставил в известность уездных исправников о том, что «...революционеры стремятся использовать кооперативное движение в целях создания будущих боевых кадров на случай вооруженного восстания, имея в виду, что кооперативные предприятия, обладающие миллионными капиталами, представляют громадный источник денежных средств». Однако остановить набравшее силу кооперативное движение было уже невозможно, о чем свидетельствуют последующие всероссийские и региональные съезды.

¹ ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. 1910. Ед. хр. 121. Л. 262.

В марте 1912 г. в Петербурге состоялся второй Всероссийский кооперативный съезд, на котором обсудили разработанный проект закона, единый для всех видов кооперации. В нем закреплялась свобода в организации кооперативных союзов и заявительный порядок открытия низовых кооперативных организаций. С 1912 г. наблюдается рост кооперативных организаций и увеличение в них численности населения. В Томске по соглашению с губернатором и с разрешения Министерства финансов 22–24 июня 1912 г. прошел съезд представителей учреждений и инспекторов мелкого кредита Западной Сибири. В повестке заседания съезда стояли организационные и финансовые вопросы. Особое внимание было уделено поиску наиболее эффективных форм союзных организаций (губернских, уездных или других), выявлению степени влияния учреждений мелкого кредита на крестьянское хозяйство и его наилучшей защите от ростовщического капитала, а также развитию системы кредитования¹.

На третьем Всероссийском кооперативном съезде, состоявшемся в августе 1913 г. в Киеве, разработанный законопроект еще раз подвергся обсуждению. Кооператоры требовали явочного порядка учреждения кооперативов, предоставления кооперативам права свободного объединения в союзы, признания за кооперативами права заниматься не только экономической деятельностью, но и культурно-просветительской. Для доработки законопроекта была избрана специальная комиссия, которая в 1915 г. завершила свою деятельность. Результатом стала подготовка для внесения в Государственную думу Положения о кооперативных товариществах и их союзах. Положение вобрало в себя все позитивное, что было накоплено в отечественной и мировой практике кооперативного движения.

Несмотря на то, что законопроект удалось провести через Государственную думу в марте 1916 г. «в порядке спешности», он так и не был одобрен Государственным советом. Правительство всячески противилось его принятию, так как исполнительную власть не устраивал явочный характер образования кооперативов и особенно их союзов. Проявившиеся разногласия между органами законодательной и исполнительной власти свидетельствовали о полном отсутствии единой и целенаправленной кооперативной политики государства, о полярности кооперативных представлений сторонников и противников кооперации по поводу определения места и роли этого движения.

В свою очередь Департамент полиции, напуганный все возрастающей политизацией кооперативного движения, ростом его союзного строительства, категорически был против принятия этого законопроекта. В своих многочисленных циркулярных письмах он настоятельно рекомендовал государственным органам не утверждать этот закон как представляющий угрозу существующему строю. В Департамент полиции был вызван председатель комитета В. П. Зельгейм, которому было сообщено о закрытии правительством Центрального кооперативного комитета «как учреждения незаконного» с привлечением к уголовной ответственности всех его учредителей².

Вопрос о политической лояльности кооперации был одним из принципиальных. В годы Первой мировой войны соотношение сил и идеологические представления в кооперации качественно меняются. От политической нейтральности кооперация постепенно переходит к открытой политической оппозиции в отношениях с государственной властью. В секретном циркулярном письме Департамента полиции губернаторам и градоначальникам от 3 ноября 1915 г. говорилось, что «...по полученным сведениям, Московский центральный кооперативный комитет рассылает во все кооперативные учреждения империи воззвание, заключающее в себе, наряду с резкой критикой деятельности правительства, идею о необходимости, для успеха работы общественных организаций, проведения в жизнь политических свобод, народного представительства, избранного на основе всеобщего и равного для всех избирательного права и ответственного перед народом правительства. Воззвание заканчивается призывом к объединению кооперативных учреждений в одну могучую организацию, с пояснением, что кооперативы только в таком случае могут представлять собой в мирное время действительную силу, а в годину великих испытаний явиться спасением Родины. Сообщая об изложенном, имею честь просить Ваше Превосходительство

¹ ГАРФ. Ф. 149. Оп. 1. Ед. хр. 382. Л. 4–5.

² Там же. Ф. 102. ДПОО. Оп. 246. Ед. хр. 310. Л. 117.

не отказать в принятии, по соглашению с жандармским надзором, мер к изъятию из обращения данного воззвания»¹.

В «Записке о кооперативном движении» от 1916 г. Департаментом полиции обращалось внимание на то, что «...среди возникающих повсеместно кооперативных учреждений сгруппировались представители революционных и левых партий, которые всемерно отвлекают кооперативы на путь политической борьбы»². Департамент напрямую связывал размах демократии кооперативного движения с революционными настроениями, охватывающими массы. Поэтому кооперация была поставлена под всеобъемлющий контроль власти и полиции.

Только после свержения самодержавного правительства в феврале 1917 г. кооперация освобождается от чрезмерной опеки государства. Временное правительство России издает 20 марта 1917 г. единый общекооперативный закон «Положение о кооперативных товариществах и их союзах», предоставляющий кооператорам права на самостоятельность, автономию и регистрацию кооперативных организаций явочным порядком. Упраздняется разрешительная административная система, регистрация кооперативов поручается судебной системе: в течение месяца суд должен был принять решение о регистрации кооператива или об отказе с мотивированным заключением³. Практически все другие нормативные акты в отношении кооперации упразднились. Разрешалось в упрощенном явочном порядке создавать также кооперативные союзы.

В развитие положений указанного закона было издано постановление «О регистрации товариществ, обществ и союзов» (от 21 июня 1917 г.), согласно которому при окружных судах формировались регистрационные отделы для ведения особых реестров кооперативных товариществ и их союзов. В месячный срок со дня поступления заявления о регистрации организации в этих отделах принималось решение (путем вынесения соответствующего постановления) о внесении кооператива в реестр или об отказе в регистрации. Отказ мог последовать лишь в случае несоответствия устава регистрируемой организации действующим законам и мог быть обжалован в вышестоящую судебную инстанцию. В этом случае каждой инстанции предоставлялось не больше месяца для рассмотрения поступившей жалобы. В противном случае кооперативное объединение автоматически заносилось в реестр. О состоявшейся регистрации, а также о ликвидации кооперативных организаций делались публикации в официальных изданиях. В интересах третьих лиц, вступающих в сделки с кооперативными товариществами или союзами, все делопроизводство по регистрации объявлялось открытым для обозрения всех желающих⁴.

Следующим важным законодательным актом Временного правительства, относящимся к кооперации, стало постановление от 1 августа 1917 г. «О съездах представителей кооперативных учреждений». Необходимость организации таких съездов как представительного органа русской кооперации, действующего на постоянной основе, была обозначена еще третьим Всероссийским кооперативным съездом. Съезды представителей кооперативных учреждений и их советы имели своей целью защиту и представительство интересов кооперативной системы, осуществление идейно-организационного руководства ею в идеологической, пропагандистской, исследовательской и культурно-просветительской областях. При этом хозяйственная деятельность из ведения съездов исключалась. В условиях революций и разгоревшейся Гражданской войны эти учреждения, особенно в Западной Сибири, сделались центрами политической организации кооперативных сил, выступающих против советской власти⁵. Поэтому все эти кооперативные законодательные акты применялись в течение короткого периода времени и не могли создать условий для налаживания механизма развития кооперативного движения.

¹ ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. Оп. 246. Ед. хр. 164. Л. 88.

² Там же. 1916. Ед. хр. 16. Л. 48.

³ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1917. № 72. Ст. 414.

⁴ ГАНО. Ф. 32. Оп. 1. Ед. хр. 1028. Л. 16.

⁵ Сборник постановлений Временного правительства по кооперации: 1, 2, 3. О кооперативных товариществах и их союзах от 20 марта 1917 г. О регистрации товариществ, обществ и союзов от 21 июня 1917 г. О съездах представителей кооперативных учреждений от 1 авг. 1917 г. (С введ., сост. Юрид. отд. Сов. всерос. кооп. съездов). М.: Сов. всерос. кооп. съездов, 1917. XIV. С. 16.

Обобщая результаты проведенного исследования, автор вынужден констатировать, что с момента возникновения кооперации ее взаимоотношения с государственной властью были пронизаны борьбой за существование посредством непрекращающихся требований к высшим органам власти (ходатайства о проведении в жизнь единого кооперативного закона, снижении контрольно-надзорного влияния государства, демократизации и т. п.). В результате напряженного развития кооперативного движения в период со второй половины XIX в. по март 1917 г. были выработаны и закреплены в нормативных документах и законодательных актах принципы и механизмы функционирования кооперативных организаций. Основным нормативно-правовым базисом кооперации на разных уровнях юридической регламентации до марта 1917 г. составляли уставы. Их критический формально-правовой анализ позволяет выявить противоречия в реализации кооперативной политики государства, выраженные главным образом в создании законодательных и административных ограничений, препятствующих формированию и развитию свободной кооперативной деятельности. Ярким подтверждением является продолжительное игнорирование вопросов предоставления прав на союзное кооперативное строительство и принятия общего кооперативного закона, вбирающего в себя демократические принципы кооперативного устройства.

Следует выделить два основных этапа в эволюции кооперативного движения до революционного периода:

1) с 1865 по 1905 г. – период противоречивого формирования законодательной политики государства и постепенного развития кооперативного движения;

2) с 1905 по 1917 г. – период окончательного законодательного оформления кооперации, знаменующийся принятием единого кооперативного закона (Положение о кооперативных товариществах и их союзах от 20 марта 1917 г.), обеспечивающего быструю динамику развития кооперативных объединений и вовлекающего в сферу кооперации почти половину крестьянского населения страны.

Список литературы

Государственный архив Новосибирской области. Ф. 32. Оп. 1. Ед. хр. 1028. Л. 9об, 16; ФД. 51. Оп. 1. Ед. хр. 312. Л. 8; Ед. хр. 314. Л. 17; Ед. хр. 315. Л. 2.

Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. ДПОО. Оп. 246. Ед. хр. 164. Л. 88; Ед. хр. 310. Л. 117; 1910. Ед. хр. 121. Л. 262; Ед. хр. 376. Л. 13, 14об; Ед. хр. 384. Л. 22; 1916. Ед. хр. 16. Л. 48, 71; Ф. 149. Оп. 1. Ед. хр. 382. Л. 4–5.

Меркулов А. В. Исторический очерк потребительской кооперации в России. М.: Типо-литография Русского Товарищества. 1917. 112 с.

Нормальный устав для местных сельскохозяйственных обществ: утвержден 28 февраля 1898 года. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1910. 20 с.

Нормальный устав потребительных обществ: утвержден 13 мая 1897 г. // Кооперация: страницы истории / под ред. Н. К. Фигуровской: в 3 т. М.: Наука, 1998. Т. 1. Кн. 2. 602 с.

Нормальный устав сельских банков. Киев: Тип. М. Д. Ивановой, 1894. 14 с.

Образцовый устав ссудо-сберегательного товарищества, составленный комиссией, состоящей при Императорском Московском Обществе сельского хозяйства, одобренный Министерством Финансов. СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1871. 25 с.

Поволоцкий Н. Русское кооперативное законодательство. Пг.: Кооперация, 1923. 168 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. XL. 1865. СПб., 1867. 1198 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XV. СПб., 1899. 892 с.; Т. XXVI. СПб., 1909. 1157 с.

Сборник постановлений Временного правительства по кооперации: 1, 2, 3. О кооперативных товариществах и их союзах от 20 марта 1917 г. О регистрации товариществ, обществ и союзов от 21 июня 1917 г. О съездах представителей кооперативных учреждений от 1 авг. 1917 г. (С введ., сост. Юрид. отд. Сов. всерос. кооп. съездов). М.: Сов. всерос. кооп. съездов, 1917. 29 с.

Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. М., 1917. № 72.

Устав сельскохозяйственных товариществ 30 июня 1897 // Свод законов Российской империи. Т. XII. Ч. 2: Устав сельского хозяйства. СПб., 1903. Ст. 45–46.

Центр хранения архивных фондов Алтайского края. ФД. 82. Оп. 1. Ед. хр. 159. Л. 34–35об.

References

Center for storing archival funds of the Altai Territory. Collection 82. Inventory 1. File 159. List 34–35 back.

Merkulov A. V. (1917) *Istoricheskii ocherk potrebitel'skoi kooperatsii v Rossii* [Historical sketch of consumer cooperation in Russia]. Moscow, Tipografiya Russkogo Tovarishchestva, 112 p.

Normal'nyi ustav dlya mestnykh sel'skokhozyaistvennykh obshchestv: utverzhden 28 fevralya 1898 goda [Normal charter for local agricultural societies: approved February 28, 1898] (1910). Saint-Petersburg, Tipografiya M. Merkusheva, 20 p.

Normal'nyi ustav potrebitel'nykh obshchestv, utverzhden 13 maya 1897 [Normal charter of consumer societies, approved on May 13, 1897] (1998). In Figurovskaya N. K. (Ed.) *Kooperatsiya: stranitsy istorii: in 3 vols.* Moscow, Nauka, vol. 1, book 2, 602 p.

Normal'nyi ustav sel'skikh bankov [Normal charter of rural banks] (1894). Kiev, Tipografiya M. D. Ivanovoi, 14 p.

Obraztsovyi ustav ssudo-sberegatel'nogo tovarishchestva, sostavlennyi komissieyu, sostoyashcheyu pri Imperatorskom Moskovskom Obshchestve sel'skogo khozyaistva, odobrennyi Ministrom Finansov [Model charter of a savings and loan partnership, drawn up by a commission consisting of the Imperial Moscow Society of Agriculture, approved by the Minister of Finance] (1871). Saint-Petersburg, Tipografiya A. M. Kotomina, 25 p.

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. 2nd Collection. 1865 [Complete collection of laws of the Russian Empire. 2nd Collection 1865] (1867). Saint-Petersburg, vol. XL, 1198 p.

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. 3rd Collection [Complete collection of laws of the Russian Empire. 3rd Collection] (1899). Saint-Petersburg, vol. XV, 892 p.

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. 3rd Collection [Complete collection of laws of the Russian Empire. 3rd Collection] (1909). Saint-Petersburg, vol. XXVI, 1157 p.

Povolotskii N. (1923) *Russkoe kooperativnoe zakonodatel'stvo* [Russian cooperative legislation]. Petrograd, Kooperatsiya. 168 p.

Sbornik postanovlenii Vremennogo pravitel'stva po kooperatsii: 1, 2, 3. O kooperativnykh tovarishchestvakh i ikh soyuzakh ot 20 marta 1917 g. O registratsii tovarishchestv, obshchestv i soyuzov ot 21 iyunya 1917 g. O s"ezdakh predstavitelei kooperativnykh uchrezhdenii ot 1 avg. 1917 g. (S vved., sost. Yurid. otd. Sov. vseros. koop. s"ezdov) [Collection of resolutions of the Provisional Government on cooperation: 1, 2, 3. On cooperative partnerships and their unions from March 20, 1917. On registration of partnerships, societies and unions from June 21, 1917. On congresses of representatives of cooperative institutions from August 1, 1917 (With an introduction, compiled by the Legal Department of the Council of All-Russian Cooperative Congresses)] (1917). Moscow, Sovet vserossiiskikh kooperativnykh s"ezdov, 29 p.

Sobranie uzakonenii i rasporyazhenii rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva [Collection of laws and orders of the workers' and peasants' government] (1917). Moscow, no. 72.

State Archive of the Novosibirsk Region. Collection 32. Inventory 1. File 1028. Lists 9 back, 16; Collection 51. Inventory 1. File 312. List 8; File 314. List 17; File 315. List 2.

State Archive of the Russian Federation. Collection 102. DPOO. Inventory 246. File 164. List 88; File 310. List 117; DPOO. 1910. File 121. List 262; File 376. Lists 13, 14 back; File 384. List 22; 1916. File 16. Lists 48, 71; Collection 149. Inventory 1. File 382. Lists 4–5.

Ustav sel'skokhozyaistvennykh tovarishchestv 30 iyunya 1897 [Charter of agricultural partnerships from June 30, 1897] (1903). In *Svod zakonov Rossiiskoi imperii*, vol. XII, part 2, Saint-Petersburg, 664 p.

ЧАСТНЫЕ ВОЕННЫЕ И ОХРАННЫЕ КОМПАНИИ: НЕОБХОДИМОСТЬ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Пермяков Георгий Сергеевич

Магистрант Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0000-0002-9485-3930, e-mail: gjsh-2000@yandex.ru.

Проанализированы современные подходы к использованию частных военных и охранных компаний. Рассмотрены история появления и деятельность подобных образований. Проведен анализ международных актов в области международного гуманитарного права, дано сравнение статуса участников частных военных и охранных компаний со статусом комбатантов и наемников.

Ключевые слова: вооруженный конфликт, частные военные и охранные компании, гуманитарное право, комбатанты, наемники

Для цитирования: Пермяков Г. С. Частные военные и охранные компании: необходимость международно-правового регулирования деятельности // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 2. С. 110–118. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_8_2023_2_110.

PRIVATE MILITARY AND SECURITY COMPANIES: THE NEED FOR INTERNATIONAL LEGAL REGULATION

Permyakov Georgy

Master student, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0000-0002-9485-3930, e-mail: gjsh-2000@yandex.ru.

This article analyzes modern approaches to the regulation of private military and security companies. The history of the appearance and activity of such formations are considered. The analysis of international acts in the field of international humanitarian law is carried out, a comparison is made of the status of members of private military and security companies with the status of combatants and mercenaries.

Key words: armed conflict, private military and security companies, humanitarian law, combatants, mercenaries

*For citation: Permyakov G. (2023) Private military and security companies: the need for international legal regulation. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnaluu»*, no. 2, pp. 110–118, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_2_110.*

В последнее время распространены случаи использования в военных конфликтах лиц, которые являются членами различных частных военных и охранных компаний (далее также – ЧВОК). Однако их правовой статус четко не регулируется в международном гуманитарном праве, что вызывает споры. В результате возникает ряд важных вопросов, которые связаны с возможностью наделения указанных лиц статусами, сопровождающими военные действия: могут ли они быть военнопленными, когда принимают участие в международном вооруженном конфликте; имеют ли право на достойные условия содержания; обладают ли правом на честное и беспристрастное расследование своего дела.

История появления и развития ЧВОК. Практика привлечения различных специалистов, советников, инструкторов на контрактной основе имеет долгую историю. Однако первая ЧВОК в привычном для нас виде была создана в 1967 г. в Вели-

кобритании. Основателем компании стал полковник армии Ее Величества Дэвид Стерлинг. Ранее этот незаурядный человек создал знаменитую британскую «Особую воздушную службу» (Special Air Service, SAS) – одно из лучших специальных подразделений в мире. Первая ЧВОК называлась «*Watchguard International*», целью ее образования было неофициальное участие Великобритании в операции в Северном Йемене, охваченном национально-освободительным движением¹.

В середине 70-х гг. частная военная компания «*Vinnell Corp*», принадлежавшая американскому промышленному гиганту «*Northrop Grumman*», получила первые серьезные контракты от правительства США. Их сумма превышала полмиллиарда долларов. Сотрудники ЧВОК должны были заниматься подготовкой Национальной гвардии Саудовской Аравии и выполнять некоторые охранные задачи на ее территории.

Ситуация серьезно изменилась после окончания холодной войны. В США были резко сокращены расходы на оборону, закрыты многие проекты, уменьшилась численность американских вооруженных сил. Именно в этот момент у военного руководства США появилась идея более активно привлекать наемные компании. Сначала они занимались обеспечением вооруженных сил (логистика, ремонт техники, снабжение), но затем ЧВОК стали привлекать для выполнения более серьезных задач.

Частные военные и охранные компании принимали участие в различных военных конфликтах на территории Африки в 90-х гг., американская ЧВОК «*Military Professional Resources Incorporated (MPRI)*» готовила хорватскую армию во время войны в Югославии. Однако расцвет частных военных и охранных компаний начался после вторжения США в Афганистан и Ирак. В настоящее время количество наемников, находящихся в некоторых из этих стран, за исключением Афганистана, превышает число американских военнослужащих.

ЧВОК западных стран занимались подготовкой грузинской армии перед 2008 г., американские, французские и некоторые иные военные компании боролись и до сих пор борются с пиратством в Сомали, бойцы ЧВОК различных государств принимали участие в гражданской войне в Ливии.

Сегодня в мире официально зарегистрировано 450 ЧВОК, перечень их услуг очень широк.

Самыми известными западными ЧВОК являются: «*Academi*» (бывшая «*Blackwater*»), «*Kellog*», «*Brown and Root*» (США), «*Groupe-ЕНС*» (Франция), «*Erinys*» (США), «*DynCorp*» (США)².

Одной из наиболее знаменитых ЧВОК является американская «*Academi*» (бывшая «*Blackwater*»), участвовавшая в войне в Ираке 2003 г., где скомпрометировала себя многочисленными нарушениями международного гуманитарного права и совершением ряда тяжких преступлений против граждан страны-контрагента, т. е. Ирака. Компания стала печально знаменита в связи с массовыми убийствами мирных иракских граждан в сентябре 2007 г. 16 сентября 2007 г. сотрудники «*Blackwater*», охранявшие дипломатический конвой Государственного департамента США, на центральной площади Багдада устроили перестрелку, которая закончилась гибелью семнадцати и ранением восемнадцати мирных иракцев (среди пострадавших были дети).

Однако помимо зарубежных есть также российские частные компании, примером которых являются такие компании, как «*РСБ-Групп*», «*Moran Security Group*», «*E.N.O.T. CORP*», «*Группа Вагнера*» («*Wagner group*»), «*Cossacks*», «*Тигр Топ-Пент Секьюрити*», «*ЧВОК MAP*».

Так, «*РСБ-Групп*» – это компания, выполняющая свои уставные задачи в зонах повышенного риска, в частности в зонах ведения боевых действий, высокой террористической угрозы, а также в пиратских районах Индийского и Атлантического океанов, где действия самой компании (ее сотрудников) носят характер не атакующий, но сдерживающий и защитный. Частная компания военного консалтинга «*РСБ-Групп*» специализируется на работе по вооруженной охране морских судов в Аденском заливе и пиратоопасных районах Индийского океана, сопровождению и защите наземных конвоев, сотрудников компаний и предприятий любых форм

¹ Небольсина М. А. Частные военные и охранные компании (ЧВОК) в современных международных процессах // Международная аналитика. 2022. Т. 13. № 2. С. 112.

² Курылев К. П., Мартыненко Е. В., Пархитыко Н. П. и др. Феномен частных военных компаний в военно-силовой политике государств в XXI в. // Вестник международных организаций. 2017. Т. 12. № 4. С. 130–149.

собственности в зонах с высокой террористической активностью и с нестабильной политической ситуацией, услугах военного консалтинга¹.

«*Moran Security Group*» – частная военная компания России, которая предоставляет комплекс услуг в области безопасности, консалтинга, транспортных перевозок, а также медицинского обеспечения и перевозок грузов. Основные выполняемые функции – вооруженное сопровождение и конвой судов, охрана различных объектов, логистика, разведка и т. д. «*Moran Security Group*» является владельцем военно-морского учебного центра, который расположен на территории Санкт-Петербурга².

Из всего вышеперечисленного можно сделать вывод, что основной задачей ЧВОК, как правило, является деятельность, направленная на охрану стратегически важных объектов, путей и объектов снабжения, коммуникаций, а также, в некоторых случаях, жизнью своих нанимателей. Помимо этого, они выполняют работу, направленную на обучение личного состава вооруженных сил и сотрудников различных силовых ведомств государства-подрядчика.

Вопросы правового регулирования ЧВОК. Несмотря на широкое применение ЧВОК в последние десятилетия, их деятельность не регулируется каким-либо нормативным правовым актом на международном уровне.

На это обстоятельство обращает внимание А. В. Овчаров, считая, что также существует проблема неурегулированности статуса и деятельности ЧВОК в России, и ввиду активного использования услуг различных российских ЧВОК говорит о необходимости принятия закона, определяющего цели и задачи ЧВОК, регламентирующего организационно-правовую форму, условия осуществления деятельности, требования к сотрудникам и иные вопросы, связанные с осуществлением деятельности на территории Российской Федерации³.

По этой причине возникают различные вопросы, персонал ЧВОК нередко называют наемниками. Так ли это?

Перед тем как говорить о правовом статусе ЧВОК, о разграничении его со статусом наемников, стоит определиться с понятиями. В настоящее время в этой области существуют только проекты конвенций и документы экспертов. Одним из них является Документ Монтре о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта от 17 сентября 2008 г. (далее – Документ Монтре). В нем содержится четкое определение того, что такое ЧВОК.

Согласно Документу Монтре ЧВОК – это частные предпринимательские субъекты, которые оказывают военные и/или охранные услуги, независимо от того, как они себя характеризуют. Военные и охранные услуги включают, в частности, вооруженную охрану и защиту людей и объектов, например транспортных колонн, зданий и других мест; техобслуживание и эксплуатацию боевых комплексов; содержание под стражей заключенных; консультирование или подготовку местных военнослужащих и охранников⁴.

Член рабочей группы ООН по наемникам Хосе Луис Гомез дель Прадо в своем докладе 5 июля 2010 г. определил частные военные компании как организации, «предоставляющие на компенсационной основе военные и/или охранные услуги, обеспечиваемые физическими и/или юридическими лицами»⁵.

Политолог Питер Сингер отмечает, что ЧВОК – это ориентированные на прибыль организации, которые предоставляют профессиональные услуги, связанные с ведением войны. Это корпоративные организации, торгующие боевыми навыками, вклю-

¹ Информация о деятельности «РСБ-Групп» // РСБ-Групп: офиц. сайт. URL: <https://rsb-group.ru/about> (дата обращения: 20.03.2022).

² Информация о деятельности Moran Security Group // Moran Security Group: офиц. сайт. URL: <http://moran-group.org/ru/service/index> (дата обращения: 20.03.2022).

³ Овчаров А. В. Частные военные компании в России // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2018. № 3. С. 84.

⁴ Документ Монтре о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта от 17 сентября 2008 г. // International Committee of the Red Cross. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/other/montreau.pdf> (дата обращения: 12.03.2022).

⁵ Доклад Рабочей группы по использованию наемников как средства нарушения прав человека и противодействию осуществлению права народов на самоопределение // A/HRC/15/25. 5 июля 2010 г.

чая сюда рекомендации тактики боевых действий, стратегическое планирование, сбор разведывательных данных и их обработку, оперативную поддержку, обучение войск и техническую помощь¹.

Обратим внимание на определение ЧВОК, разработанное А. А. Сырхаевым. В его основе лежат следующие признаки частных военных и/или охранных компаний:

1) оказание юридическими лицами частного права услуг организациям публичного права;

2) договорная основа оказания услуг (контракт, лицензия или разрешение);

3) возмездная основа оказания услуг;

4) передача военных и охранных функций государствам, международных организаций на аутсорсинг частным компаниям.

На основе выявленных признаков А. А. Сырхаев предлагает следующее определение: частная военная компания – это организация частного права, оказывающая на контрактной и возмездной основе организациям публичного права аутсорсинговые услуги по осуществлению военных и охранных функций, традиционно принадлежащих субъектам международного права².

В ст. 2 проекта Конвенции о частных военных и охранных компаниях для рассмотрения и принятия решения Советом по правам человека дано такое определение ЧВОК: частная военная и/или охранный компания (ЧВОК) – это корпоративное образование, предоставляющее на компенсационной основе военные и/или охранные услуги, обеспечиваемые физическими и/или юридическими лицами. Кроме того, проект разъясняет содержание таких понятий, как военные услуги и охранные услуги.

Военными услугами являются специализированные услуги, связанные с военной деятельностью, включая стратегическое планирование, стратегическую разведку, исследования, наземную, морскую и воздушную разведку, воздушные операции любого типа с использованием как пилотируемых, так и беспилотных летательных аппаратов, спутниковую разведку, передачу любого рода знаний военного применения, материально-техническую поддержку вооруженных сил и другие соответствующие виды деятельности.

Охранные услуги, в свою очередь, подразумевают под собой вооруженную охрану или защиту зданий, установок, имущества и людей, передачу любого рода знаний, применяемых для обеспечения безопасности и порядка, разработку и применение мер информационной защиты и другие соответствующие виды деятельности³.

Частные военные и охранные компании осуществляют различные виды деятельности. Выделяют:

1) компании военного консалтинга, реализующие военно-стратегический менеджмент, реформирование вооруженных сил, подготовку армейских подразделений, переквалифичирование и реформирование офицерского и технического состава;

2) военно-логистические образования, реализующее тыловое обеспечение войск продовольствием, а также возведение военных объектов на территории других стран, администрирование армейских компьютерных систем и/или систем вооружений;

3) компании военных услуг, которые специализируются непосредственно на боевых навыках, в том числе на ведении военных действий и сборе оперативных данных⁴.

Однако следует также отметить, что ЧВОК постоянно расширяют спектр услуг, которые они способны оказывать. Все популярнее становятся неконвенциональные способы участия в конфликтах, все больше ЧВОК предлагают услуги в области кибербезопасности. В ближайшем будущем можно ожидать развития и внедрения частных разведывательных сетей в интернет-пространство и, как следствие, роста влияния на мировые процессы с помощью частных подрядчиков⁵.

¹ *Singer P.* Corporate Warriors. The Rise of the Privatized Military Industry and Its Ramification for International Security // International Security. 2001/02. Vol. 26. № 3. P. 186–220.

² *Сырхаев А. А.* Сравнительно-правовое исследование термина «частная военная компания» // Международное публичное и частное право. 2012. № 1. С. 19–21.

³ Проект Международной конвенции о контроле, надзоре и мониторинге за частными военными и охранными предприятиями от 13 июля 2009 г.

⁴ *Борзенков П. Е.* Международно-правовой статус частных военных и охранных компаний и их сотрудников // Права человека: история, теория, практика: седьмая Всерос. науч.-практ. конф., посвященная 25-летию Конституции Российской Федерации: сб. науч. тр. / отв. ред. В. В. Коровин. Курск, 2018. С. 110–113.

⁵ *Небольсина М. А.* Указ. соч. С. 127.

В ситуации правовой неурегулированности статуса ЧВОК многие ученые видят угрозу государственному суверенитету в делегировании полномочий на легитимное насилие частным организациям. Однако, как отмечает М. А. Небольсина, ссылаясь на ряд зарубежных специалистов и аналитических агентств, рост популярности ЧВОК связан с политикой некоторых государств по делегированию функций в сфере безопасности, а также с планами по приданию ЧВОК роли вспомогательных или союзных подразделений для современных армий, что можно было наблюдать во время кампаний США в Ираке, Афганистане и ряде других конфликтов, где ЧВОК выполняли роль вспомогательных подразделений, отвечающих за охрану различных объектов, патрулирование, организацию логистики и ряд других направлений. Таким образом, ЧВОК связаны с политикой государств, действуют с их согласия в соответствии с контрактами, которые ограничивают реализацию услуг определенными условиями¹.

Теперь нам известны понятия, которые даются ЧВОК, и деятельность, осуществляемая ЧВОК. Для того чтобы выяснить, могут ли обладать сотрудники ЧВОК статусом законного комбатанта, необходимо определить, какими признаками характеризуются наемники и законные комбатанты.

Правовой статус сотрудников ЧВОК. Для начала обозначим признаки законного комбатанта. Согласно п. 2 ст. 43 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. (далее – Дополнительный протокол I) лица, входящие в состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте, являются законными комбатантами, т. е. они имеют право принимать непосредственное участие в военных действиях.

В соответствии с ч. «А» ст. 4 Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1949 г. и п. 1 ст. 50 Дополнительного протокола I, лицо, не входящее в состав правительственных вооруженных сил, будет признаваться законным комбатантом при удовлетворении четырех критериев. К ним относятся: а) организованность (во главе должно стоять лицо, ответственное за своих подчиненных); б) наличие отличительного знака, определенного и явно видимого издали; в) открытое ношение оружия; г) соблюдение законов и обычаев войны.

Теперь же несколько слов о наемниках.

Наемничество – древнее явление. Услугами наемников пользовались еще греческие полисы в V в. до н. э., о чем упоминает древнегреческий писатель и историк Ксенофонт. Современное слово «наемничество», возникшее в английском языке в XIV в., произошло от латинского «mercenarius», первоначально означало «выполнение работы, в основе которой лежит личная заинтересованность, исключительно за материальное или иное вознаграждение». Начиная с XVI в. – времени наивысшего расцвета института наемников – это слово стало означать солдат, состоящих на службе иностранных армий. Однако в XIX в. с появлением массовых национальных армий и началом промышленной революции наемники практически полностью утратили былую популярность и почти исчезли.

Для определения признаков наемника в наше время необходимо обратиться к Дополнительному протоколу I, где согласно ч. 2 ст. 47 наемник – это любое лицо, которое:

а) специально завербовано на месте или за границей для того, чтобы сражаться в вооруженном конфликте;

б) фактически принимает непосредственное участие в военных действиях;

в) принимает участие в военных действиях, руководствуясь главным образом желанием получить личную выгоду, и которому в действительности обещано стороной или по поручению стороны, находящейся в конфликте, материальное вознаграждение, существенно превышающее вознаграждение, обещанное или выплачиваемое комбатантам такого же ранга и функций, входящим в личный состав вооруженных сил данной стороны;

г) не является ни гражданином стороны, находящейся в конфликте, ни лицом, постоянно проживающим на территории, контролируемой стороной, находящейся в конфликте;

¹ Небольсина М. А. Указ. соч. С. 115.

д) не входит в личный состав вооруженных сил стороны, находящейся в конфликте;
е) не послано государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил¹.

В декабре 1989 г. в ООН была принята Конвенция о запрещении вербовки, использования, финансирования и обучения наемников. Этот документ, в отличие от Дополнительного протокола I, к категории наемников относит не только лиц, непосредственно участвующих в вооруженных конфликтах, но и любое лицо, которое:

1) специально завербовано на месте или за границей для участия в совместных насильственных действиях, направленных:

а) на свержение правительства или подрыв конституционного порядка государства иным образом;

б) на подрыв территориальной целостности государства;

2) принимая участие в таких действиях, руководствуется главным образом желанием получить значительную личную выгоду и побуждается к этому обещанием выплаты или выплатой материального вознаграждения;

3) не является ни гражданином, ни постоянным жителем государства, против которого направлены такие действия;

4) не направлено государством для выполнения официальных обязанностей;

5) не входит в личный состав вооруженных сил государства, на территории которого совершаются такие действия².

Хочется также добавить, что некоторые ЧВОК утверждают, что их следует отличать от наемников на том основании, что они интегрированы в официальные вооруженные силы. Лица, участвующие в заключении контрактов с ЧВОК, дают характеристику такому способу работы, заявляя, что «частный» персонал становится частью вооруженных сил нанимающего государства на срок действия его контракта. С учетом трудностей, связанных со сбором информации о заключении государствами контрактов с частными поставщиками военных услуг, трудно сказать, является ли это обычной практикой. В то же время полная интеграция частного персонала в государственные вооруженные силы безоговорочно устанавливает ответственность государства за его поведение.

Как видно, для того чтобы деятельность работника ЧВОК квалифицировалась как наемничество, она должна удовлетворять всем указанным критериям. Поэтому вышеприведенные определения многими рассматриваются как неработающие. Соответственно, лишь некоторые сотрудники ЧВОК, участвующих в международных военных конфликтах, могут быть признаны наемниками, чего они, вероятно, не пожелали бы так как лицо, обладающее таким статусом, в соответствии с Женевской конвенцией об обращении с военнопленными 1949 г. не будет считаться военнопленным.

На разницу в статусах ЧВОК и наемников указывает и В. В. Меркушин, утверждая, что ЧВОК, в отличие от наемников, является легитимной коммерческой структурой, официально зарегистрированной в своем государстве и профессионально оказывающей услуги в военно-охранной сфере на основе аутсорсинга³.

Таким образом, наемник и сотрудник ЧВОК выполняют совершенно разные функции. Если основной задачей наемников является прямое участие в военных действиях, то сотрудники ЧВОК осуществляют охрану определенных объектов и обучение сотрудников силовых ведомств и военнослужащих государства-подрядчика, входя при этом в структуру вооруженных сил одной из сторон, ведение же боевых действий – задача второстепенная.

¹ Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 г.

² Международная конвенция Организации Объединенных Наций «О борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников»: принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи № 44/34 от 4 декабря 1989 г. // Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, 44-я сессия, Дополнение № 49 (A/44/49). С. 425–428.

³ Меркушин В. В. О некоторых проблемах международно-правового статуса частных военных и охранных компаний (ЧВОК) и обоснование их отнесения к квазисубъектам транснациональной организованной преступности // Международное гуманитарное право глазами белорусской общественности: материалы междунар. науч. форума. Минск, 30 октября 2020 г. Минск: Белорусский гос. ун-т, 2020. С. 36–50.

В некоторых случаях, когда конкретные частные военные услуги предполагают прямое участие в военных действиях либо каким-либо иным образом нарушаются нормы международного права, деятельность ЧВОК равнозначна наемнической согласно международно-правовым рамкам, что признано и в Документе Монтре.

Так, во время вооруженного конфликта в Йемене для совершения целенаправленных нападений использовались наемники и иностранные частные военные подразделения. В других случаях деятельность ЧВОК может быть охарактеризована как деятельность, связанная с наемничеством, если можно провести четкую связь с характеристиками наемничества.

Касательно того, можно ли персонал ЧВОК считать законными комбатантами, нужно сказать, что он соответствует критериям, перечисленным в ч. «А» ст. 4 Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1949 г. и п. 1 ст. 50 Дополнительного протокола I, так как лица, входящие в состав персонала ЧВОК, как видно из истории деятельности различных ЧВОК, выполняют свои функции в строгом соответствии с Женевскими конвенциями, что видно по истории компании «Blackwater», которая была вынуждена прекратить свою деятельность в результате совершения ряда преступлений в Ираке. Необходимо учитывать и тот факт, что ЧВОК, как правило, не «вольные стрелки», которых вербуют поодиночке, а подразделение, состоящее, как многие воинские подразделения, из бойцов разной военной направленности (саперы, медики и т. д.), которое имеет командира, отвечающего за подчиненных и руководящего действиями того или иного подразделения.

Кроме того, В. Н. Русинова замечает, что Дополнительный протокол I вносит коррективы в список критериев, которым должны удовлетворять комбатанты. В частности, в п. 3 ст. 44 Протокола указывается на то, что «во время вооруженных конфликтов бывают такие ситуации, когда вследствие характера военных действий вооруженный комбатант не может отличать себя от гражданского населения», и в таких случаях индивид сохраняет статус комбатанта при условии, что он открыто носит свое оружие: а) во время каждого военного столкновения и б) в то время, когда он находится на виду у противника в ходе развертывания в боевые порядки, предшествующего началу нападения, в котором он должен принять участие¹.

Таким образом, в отличие от Женевской конвенции об обращении с военнопленными от 12 августа 1949 г., Дополнительный протокол I в исключительных ситуациях допускает возможность квалификации лица в качестве комбатанта, несмотря на отсутствие униформы или иного отличительного знака, при условии, что данное лицо открыто носит оружие во время подготовки к боестолкновению и непосредственно в ходе самих боевых действий.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, согласно которому персонал ЧВОК можно считать законными комбатантами, так как лица, входящие в состав персонала ЧВОК, как мы видели из примеров, выполняют свои функции в строгом соответствии с Женевскими конвенциями, а именно: бойцы ЧВОК находятся в непосредственном подчинении своих командиров, ставящих боевую задачу согласно заключенному договору и осуществляющих контроль за их деятельностью, открыто носят оружие, каждая ЧВОК имеет эмблему, которая изображается на шевроне бойца, и все ЧВОК осуществляют свою деятельность в четком соответствии с законами и обычаями войны, запреты на нарушение норм международного права указаны в документах многих отечественных ЧВОК, например «РСБ-Групп».

При этом, полагаем, ЧВОК должны быть зарегистрированы непосредственно на территории стран, в которых они возникли. Ввиду многообразия предоставляемых услуг необходимо, чтобы процесс регистрации и лицензирования ЧВОК имел индивидуальный подход для каждой подобной организации, исходя из специфики предоставляемых ими услуг. В то же время на международном уровне должны быть закреплены общие начала лицензирования их деятельности с определенным перечнем требований к ЧВОК. Получаемая компанией лицензия должна содержать в себе требования к персоналу ЧВОК, вооружению, положения о соблюдении правил ведения войны, недопущении случаев нарушения прав человека в зоне боевых дей-

¹ Русинова В. Н. Проблемы регулирования статуса «незаконных комбатантов» в международном гуманитарном праве // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2008. Вып. 9. Экономические и юридические науки. С. 19–27.

ствий, подрыва основ государственного устройства страны, на территории которой осуществляют свою деятельность данные образования. В случае нарушения предъявляемых к указанным компаниям требований должна наступать субсидиарная ответственность самой компании, а также государства-подрядчика.

К похожим выводам пришла Рабочая группа по вопросу об использовании наемников как средства нарушения прав человека и противодействию осуществлению права народов на самоопределение. В Ежегодном докладе Рабочей группы 8 июля 2015 г. отмечено наличие серьезных нормативных пробелов в части незаконного приобретения оружия и торговли оружием сотрудниками ЧВОК. В документе указано на слабость систем отбора и кадровой проверки, подготовки персонала ЧВОК. Рабочая группа подтвердила мнение о том, что необходимо наличие всеобъемлющего и юридически обязывающего международного нормативного документа в форме международной конвенции о частных военных и охранных компаниях, которая была бы оптимальным инструментом регулирования деятельности ЧВОК.

Однако у идеи разработки специального проекта конвенции, по мнению А. Н. Михайленко, есть существенный недостаток. Речь идет о чрезвычайно трудном обеспечении исполнения норм конвенции, в частности о защите прав мирного населения, поскольку бойцы ЧВОК осуществляют свою деятельность зачастую в так называемых «горячих точках», где контроль за соблюдением законности всегда был большой проблемой для человечества. В зонах вооруженных конфликтов и других особых условиях от сотрудников ЧВОК требуется в большей степени внутренняя самодисциплина и высокий профессионализм, чем опасение внешнего контроля, обеспечение которого с учетом специфики ситуации – большая проблема¹.

Однако эта проблема решаема. Стоит поддержать точку зрения А. Н. Михайленко, в соответствии с которой может быть разработан механизм подачи жалоб на те или иные неправомерные действия бойцов ЧВОК².

Помимо этого, на наш взгляд, есть альтернативный способ. В Вооруженных силах Российской Федерации надзор за соблюдением норм общественного порядка военнослужащими действующей армии и обеспечение законности в зоне боевых действий поручается специализированным подразделениям военной полиции Министерства обороны. Государствами или международными организациями могут быть созданы подобные структуры для надзора за бойцами ЧВОК при осуществлении ими своей деятельности в зоне боевых действий.

Заключение. Частные военные и охранные компании являются законными комбатантами и участниками международных конфликтов. Однако отсутствие регулирующих статус ЧВОК нормативных правовых актов, четко установленных принципов их функционирования вносят неясность в вопрос о квалификации деятельности того или иного субъекта и разрешении международных вооруженных конфликтов. Следует отметить, что данное положение дел неприемлемо, поскольку при осуществлении своей деятельности в ситуациях вооруженного конфликта сотрудники ЧВОК должны соблюдать нормы и принципы международного гуманитарного права, нести ответственность за совершаемые нарушения. В подобных ситуациях, помимо самих бойцов ЧВОК, ответственность должны нести и государства, нанявшие их.

Наиболее целесообразным, как представляется, будет принятие модели, при которой все ЧВОК, осуществляющие свою деятельность на международной арене, обязаны проходить соответствующую сертификацию в государстве, на территории которого они образованы и зарегистрированы. При этом для обеспечения данной процедуры необходим принятый на международном уровне правовой акт, основной функцией которого будет определение общих требований к формированию, регистрации, осуществлению деятельности и назначению санкций за совершение противоправных деяний для соответствующих образований.

Список литературы

Борзенков П. Е. Международно-правовой статус частных военных и охранных компаний и их сотрудников // Права человека: история, теория, практика: седьмая Всерос. науч.-практ. конф.,

¹ Михайленко А. Н. Проблемы и перспективы развития системы регулирования частных военных и охранных компаний // Вопросы политологии. 2016. № 3. С. 178.

² Там же. С. 190.

посвященная 25-летию Конституции Российской Федерации: сб. науч. тр. / отв. ред. В. В. Корвин. Курск, 2018. С. 110–113.

Курылев К. П., Мартыненко Е. В., Пархит'ко Н. П. и др. Феномен частных военных компаний в военно-силовой политике государств в XXI в. // Вестник международных организаций. 2017. Т. 12. № 4. С. 130–149.

Меркушин В. В. О некоторых проблемах международно-правового статуса частных военных и охранных компаний (ЧВОК) и обоснование их отнесения к квазисубъектам транснациональной организованной преступности // Международное гуманитарное право глазами белорусской общественности: материалы междунар. науч. форума, Минск, 30 октября 2020 г. Минск: Белорусский гос. ун-т, 2020. С. 36–50.

Михайленко А. Н. Проблемы и перспективы развития системы регулирования частных военных и охранных компаний // Вопросы политологии. 2016. № 3. С. 172–193.

Небольсина М. А. Частные военные и охранные компании (ЧВОК) в современных международных процессах // Международная аналитика. 2022. Т. 13. № 2. С. 107–133.

Овчаров А. В. Частные военные компании в России // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2018. № 3. С. 84–93.

Русинова В. Н. Проблемы регулирования статуса «незаконных комбатантов» в международном гуманитарном праве // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2008. Вып. 9. Экономические и юридические науки. С. 19–27.

Сырхаев А. А. Сравнительно-правовое исследование термина «частная военная компания» // Международное публичное и частное право. 2012. № 1. С. 19–21.

Singer P. Corporate Warriors. The Rise of the Privatized Military Industry and Its Ramification for International Security // International Security. 2001/02 Vol. 26. No. 3. P. 186–220.

References

Borzenkov P. E. (2018) Mezhdunarodno-pravovoi status chastnykh voennykh i okhrannykh kompanii i ikh sotrudnikov [International legal status of private military and security companies and their employees]. In *Prava cheloveka: istoriya, teoriya, praktika: sed'maya Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya 25-letiyu Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii*, ed. by V. V. Korovin. Kursk, pp. 110–113.

Kurylev K. P., Martynenko E. V., Parkhit'ko N. P., et al. (2017) Fenomen chastnykh voennykh kompanii v voenno-silovoi politike gosudarstv v XXI v. [The Phenomenon of Private Military Companies in the Military and Power Policies of States in the 21st Century]. In *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*, vol. 12, no. 4, pp. 130–149.

Merkushin V. V. (2020) O nekotorykh problemakh mezhdunarodno-pravovogo statusa chastnykh voennykh i okhrannykh kompanii (ChVOK) i obosnovanie ikh otneseniya k kvazisub'ektam transnatsional'noi organizovannoi prestupnosti [On some problems of the international legal status of private military and security companies (PMSCs) and the rationale for classifying them as quasi-subjects of transnational organized crime]. In *Mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo glazami belorusskoi obshchestvennosti: materialy mezhdunarodnogo prakticheskogo foruma, Minsk, 30 October*. Minsk, Belorusskii gosudarstvennyi universitet, pp. 36–50.

Mikhailenko A. N. (2016) Problemy i perspektivy razvitiya sistemy regulirovaniya chastnykh voennykh i okhrannykh kompanii [Problems and prospects of development of private military and security companies' regulation system]. In *Voprosy politologii*, no. 3, pp. 172–193.

Nebol'sina M. A. (2022) Chastnye voennye i okhrannye kompanii (ChVOK) v sovremennykh mezhdunarodnykh protsessakh [Private military and security companies (PMSCS) in the modern international processes]. In *Mezhdunarodnaya analitika*, vol. 13, no. 2, pp. 107–133.

Ovcharov A. V. (2018) Chastnye voennye kompanii v Rossii [Private military companies in Russia]. In *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennikh del Rossii*, no. 3, pp. 84–93.

Rusynova V. N. (2008) Problemy regulirovaniya statusa «nezakonnykh kombatanov» v mezhdunarodnom gumanitarnom prave [Problems of regulating the status of «unlawful combatants» in international humanitarian law]. In *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta*, is. 9, pp. 19–27.

Singer P. (2001/02) Corporate Warriors. The Rise of the Privatized Military Industry and Its Ramification for International Security. In *International Security*, vol. 26, no. 3, pp. 186–220.

Syrkhaev A. A. (2012) Sravnitel'no-pravovoe issledovanie termina «chastnaya voennaya kompaniya» [Comparative legal study of the term «private military company»]. In *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*, no. 1, pp. 19–21.

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»

Редактор *О. Ю. Петрова*
Дизайн обложки *И. М. Митрофановой*
Компьютерная верстка *О. Ю. Петровой*

Подписано к использованию 25.09.23.
Уч.-изд. л. 11,43. Объем 3,55 МВ.

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, ч. 4 ст. 11
Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ
маркировке не подлежит